

ISSN 2309-8325

Уральский
федеральный
университет

УРАЛЬСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Выпуск 10
2020

УДК 94(5)
ББК ТЗ(5)
У 686

ISSN 2309–8325

Уральское ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Ural Survey of Oriental Studies

Выпуск 10

Екатеринбург
2020

Издается с 2005 г.
Выходит один раз в год на русском языке

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77–73366 от 24 июля 2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Главный редактор профессор В. А. Кузьмин
Выпускающий редактор доцент Д. В. Возчиков

Редакционная коллегия:

Антошин А. В., д.и.н., доц., проф. каф. востоковедения УрФУ

Валиахметова Г. Н., д.и.н., доц., зам. главного редактора, зав. каф. востоковедения УрФУ

Возчиков Д. В. к.и.н., доц. каф. востоковедения УрФУ, выпускающий редактор

Завьялова Н. А., доктор культурологии, доц. каф. лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках УрФУ

Кузьмин В. А., д.и.н., проф., главный редактор, проф. каф. востоковедения УрФУ

Мышинский А. Л., к.ф.н., доц. каф. востоковедения УрФУ

Хренов В. В., к.и.н., доц. каф. востоковедения УрФУ, технический секретарь редколлегии

Агапов М. Г., д.и.н., профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета, Тюмень

Беляков В. В., д.и.н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва

Голунов С. В., д.полит.н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Москва

Дацышен В. Г., д.и.н., профессор, зав.кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск

Лычагин А. И., д.и.н., профессор, зав.кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета, Нижний Новгород

Румянцев В. П., д.и.н., зав.кафедрой востоковедения Томского государственного университета, Томск

Арутюнян А. Ж., д.и.н., доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета, Ереван, Армения

Ван Сяоюань, генеральный секретарь Все-китайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, заместитель директора Исследовательского центра «Пояс и Путь», Китайская академия общественных наук, Пекин, КНР

Ван Чэньсин, научный сотрудник Китайской академии общественных наук, Пекин, КНР

Гаеминия А., доктор философии и исламского богословия, Университет Тарбиат Модарес, главный редактор научного журнала «Зехн» («Разум»), Тегеран, Иран

Карадавт З., доктор философии, профессор, зав. кафедрой турецкого языка и литературы Университета Акдениз, Анталья, Турция

Ли Джехёк, профессор, Пусанский университет иностранных языков, Пусан, Республика Корея
Молодяков В. Э., д.полит.н., доктор философии, к.и.н., профессор Университета Такусёку, Токио, Япония

Эпштейн А. Д., д.социол.н., ведущий научный сотрудник World ORT, Иерусалим, Израиль

В журнале публикуются исследования и документы по истории, внутренней и внешней политике, культуре, религиям, языкознанию стран Востока. Авторами являются представители научно-исследовательских центров и вузов России, стран СНГ, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов

Формат 70x100/16. Уч.-изд. л. 12,6. Усл. печ. л. 12,9.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Тираж 500 экз. Заказ № 227.

Свободная цена.

Издательство Уральского университета 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2020

Контактная информация:
кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета

Телефон: (+7) 343 389-94-27,

E-mail: kuzmin16@yandex.ru,

catullus89@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Ближний Восток и Центральная Азия

- Антошин А. В.* Российский социал-демократ С. М. Шварц и Палестинская проблема 5
- Саженов Н. Д.* О деятельности Узбекистана по урегулированию афганского конфликта (2017–2019 гг.) 14

Южная Азия

- Хрущева П. В.* Энергичный принцип и женские божества в шрути и смрити. 27

Восточная Азия

- Суровень Д. А.* Политическая борьба в государстве Ямато в середине 20-х годов IV века и мятеж Такэ-хани-ясу-бико. Часть 1-я 35
- Молодяков В. Э.* Государство Маньчжоу-го глазами французских аналитиков: от «Маньчжурского инцидента» (1931) до «Китайского инцидента» (1937) 55
- Лестев А. Е., Кураמיшина Е. А.* Донесение Б. Феллера Д. Макартуру как основа принципиальной позиции США о судьбе императора Японии Хирохито после окончания Второй Мировой Войны 66
- Хренов В. В.* Экономическое сотрудничество промышленных предприятий Свердловской области с КНДР в 1957 году 73
- Верисова А. Д., Кузьмин В. А.* «Чхонанский инцидент» 2010 года и его влияние на американо-китайские контакты по северокорейской ядерной проблеме 85
- Лобов Р. Н.* О политических аспектах «торговой войны» между Республикой Корея и Японией 92
- Мышинский А. Л.* Семантические и семиотические особенности иероглифических загадок 101

Африка

- Косых Т. А.* Абиссиния глазами английского интеллектуала XVIII в. 112

Преподавание восточных языков и литератур

- Махлуф Х., Степанов Р. В.* Тесты по арабскому языку как виды учебного текста 119
- Сведения об авторах 124

CONTENTS

Middle East and Central Asia

<i>Antoshin A. V.</i> Russian Social-Democrat Solomon Schwartz and the Problem of Palestine	5
<i>Sazhenov N. D.</i> Uzbekistan's Activity on the Settlement of Afghan Conflict (2017–2019)	14

South Asia

<i>Khrushcheva P. V.</i> Principle of Energy and Female Deities in Śruti and Smṛti	27
--	----

East Asia

<i>Surowen D. A.</i> Political Struggle in Yamato State in Mid-20s of 4th Century and Take-hani-yasu-biko Rebellion. Part 1st	35
<i>Molodiakov V. E.</i> State of Manchukuo as Seen by French Analysts: from the “Manchurian Incident” (1932) to the “China Incident” (1937)	55
<i>Lestev A. E., Kuramshina E.A.</i> Fellers Memorandum to MacArthur as the Base of Principled Stance of the USA about Hirohito's Fate, Emperor of Japan, after the End of World War II	66
<i>Khrenov V. V.</i> Economic Cooperation of Industrial Enterprises of the Sverdlovsk Region with the DPRK in 1957	73
<i>Verisova A. D., Kuzmin V. A.</i> «The Cheonan Incident» in 2010 and Its Impact on Chinese-American Relations within North Korean Nuclear Issue	85
<i>Lobov R. N.</i> “Trade war” between the Republic of Korea and Japan: political aspect	92
<i>Myshinskiy A. L.</i> Semantic and Semiotic Features of Riddles about Chinese Characters ...	101

Africa

<i>Kosykh T. A.</i> Abyssinia Through the Eyes of the English Intellectual of the Eighteenth Century	112
--	-----

Teaching of Oriental Languages and Literatures

<i>Makhlouf H., Stepanov R. V.</i> Tests of Arabic for Non Speakers as Educational Texts	119
On the authors	124

УДК 323.12:327.5:94(569.4)

А. В. Антошин

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ С. М. ШВАРЦ И ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Статья посвящена судьбе известного российского революционера, исследователя истории антисемитизма в Советском Союзе и ближневосточного конфликта Соломона Шварца. Она основана на материалах архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), а также написанных С. Шварцем произведений. В центре внимания автора статьи – жизненный путь С. Шварца, который закончился репатриацией в Израиль в 1971 г. Показана эволюция взглядов С. Шварца, формирование его интереса к проблематике ближневосточного конфликта и положения евреев в СССР. Автор доказывает, что большое влияние на усиление внимания С. Шварца к этим проблемам оказала трагедия Холокоста в годы Второй мировой войны, а также рост антисемитизма в государственной политике СССР в последние годы жизни И. В. Сталина. Обоснован тезис о том, что в 1950–1960-е гг. С. Шварц становится известным специалистом в области проблематики «еврейского вопроса» в Советском Союзе. Подчеркнуто стремление С. Шварца к объективному, подлинно научному анализу проблематики ближневосточного конфликта с использованием разнообразных источников. В статье охарактеризованы теоретические и методологические основы исследования, проведенного С. Шварцем, подчеркнута его приверженность принципам марксистской доктрины. Доказано, что поздний этап творчества С. Шварца отмечен особым интересом автора к национальным проблемам, сюжетам, связанным с геополитическими проблемами развития Ближнего Востока.

Ключевые слова: антисемитизм в СССР, ближневосточный конфликт. Соломон Шварц, меньшевизм, российская эмиграция.

Alexey V. Antoshin

RUSSIAN SOCIAL-DEMOCRAT SOLOMON SCHWARTZ AND THE PROBLEM OF PALESTINE

Abstract: This article is dedicated to the fate of Solomon Schwartz, the well-known Russian revolutionary and researcher of the history of antisemitism in the Soviet Union and Near East conflict. It is based on materials from the Hoover Institute of War, Revolution, and Peace (Stanford, USA), the Bakhmeteff archive at Columbia University (New York, USA), and Schwartz's own works. At the centre of the article's focus is Schwartz's life and career, which ended with repatriation into Israel in 1971. The evolution of Schwartz's political views and the formation of his interest in Near Eastern conflicts and the position of Jews in the USSR are shown. The article's author argues that the tragedy of the Holocaust during the Second World War and the growth of antisemitism in USSR state policies during Stalin's

later years wielded a great influence on Schwartz's attention to the aforementioned issues. On the basis of these interests, in the 1950s and 60s, Schwartz became a well-known specialist on the 'Jewish question' in the Soviet Union. The author stresses that Schwartz tried to study these problems using scientific methods and different historical sources. This article shows theoretical and methodological views by Schwartz. He was supporter of Marxist ideology but his views differed during different periods of his long life. This article shows that the last period of his life was connected with special interest to problems of nationalism and Near East studies.

Keywords: antisemitism in the USSR; Middle Eastern conflict; Solomon Schwartz; Menshevism; Russian emigration.

Соломон Мейерович Шварц (настоящая фамилия Монозон, был известен также под литературными псевдонимами «Наблюдатель» и «Странник») – фигура, которая привлекает внимание практически любого историка меньшевистской социал-демократии. О нем не раз упоминалось в многотомном издании по истории меньшевизма, подготовленном международной группой под руководством А. П. Ненарокова [Меньшевики в 1917 году; Меньшевики в большевистской России и др.]. Личность С. М. Шварца не обходили вниманием Л. Хеймсон, А. Либих и многие другие исследователи политической истории России XX века [The Mensheviks; Liebich]. Со страниц их сочинений чаще всего встает портрет достаточно типичного российского революционера, отдавшего жизнь борьбе за торжество идеалов социал-демократии. Вехи биографии С. М. Шварца, казалось бы, не выделяли его из череды других социал-демократов-меньшевиков: член партии с 1902 г., член Петербургского комитета РСДРП с 1905 г., заместитель министра труда во Временном правительстве в 1917 г., с начала 1920-х гг. – эмигрант, живший в Берлине, Париже и Нью-Йорке. Вместе с тем, проведенное автором данной статьи исследование материалов архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), а также написанных С. Шварцем произведений позволяет увидеть новые грани его личности. Эти исторические источники помогают понять, как С. М. Шварц не только стал известным среди российских эмигрантов специалистом по проблематике ближневосточного конфликта, но и принял решение провести последние годы жизни в Израиле.

На наш взгляд, особое влияние на эволюцию взглядов С. М. Шварца оказали события Второй мировой войны. Трагедия Холокоста заставила его задуматься о судьбах еврейского народа, спустя многие годы вспомнить о своих корнях. На наш взгляд, именно это стало поворотным пунктом в судьбе С. М. Шварца. Как и некоторые его товарищи (например, Б. М. Сапир), он начинает сотрудничать с «Джойнтом» и другими еврейскими организациями, участвует в кампаниях помощи оставшимся в живых европейским евреям.

Вместе с тем, следует отметить то обстоятельство, что члены меньшевистского эмигрантского центра (почти все были евреями по национальности) серьезно заинтересовались проблематикой, связанной с Израилем, относительно поздно. Характерно написанное в июле 1946 г. письмо одного из руководителей редакции

знаменитого органа меньшевистской эмиграции журнала «Социалистический вестник» Р. А. Абрамовича Б. И. Николаевскому, где отмечалось: «Нельзя будет больше уклониться от Палестинской проблемы. Не знаю только, кому поручить? Шварцу? Или написать самому?» [НИА. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser.248. Box 471. Folder 2. Р. Абрамович – Б. И. Николаевскому. 23.07.1946]. Таким образом, с одной стороны, обращает на себя внимание тот факт, что именно о С. М. Шварце прежде всего вспомнило руководство редакции меньшевистского журнала, когда встал вопрос о поиске автора для статьи, посвященной Палестинской проблеме. Это было связано, очевидно, с тем, что за год до этого С. М. Шварц уже выступал в журнале как автор статьи, посвященной антисемитизму в СССР [Шварц, 1945]: впоследствии он посвятит этой теме две книги. С другой стороны, очевидно, что только тогда, когда данную проблематику уже невозможно было игнорировать, статьи, посвященные Палестине, стали появляться на страницах «Социалистического вестника».

В итоге автором этих публикаций стал именно С. М. Шварц. Фактически, как мы видим, разработка данной темы была поручена ему руководством журнала. В 1947 году выходит в свет первая статья С. М. Шварца – «Палестинский узел». Она начиналась с характерного пассажа, объяснявшего, почему именно сейчас меньшевистский журнал вынужден был обратиться к данной проблематике: «Развитие Палестинской проблемы явно подходит к какому-то поворотному пункту. До разрешения ее еще далеко, но и продолжать топтаться на месте, как это происходило в течение последних лет, становится невозможно» [Шварц, 1947, с. 160].

С. М. Шварц показывал, что актуализация Палестинского вопроса была во многом связана с последствиями Второй мировой войны, психологическим состоянием переживших Холокост евреев: «Отчаяние сотен тысяч евреев доходит до предела... Душевно не в силах вернуться к жизни там, где они прошли через такую муку, и очутившись перед закрытыми дверями в заокеанские страны, сотни тысяч евреев в Центральной и Восточной Европе обратили свои взоры к Палестине как к последнему прибежищу, как к Обетованной земле». При этом С. М. Шварц подчеркивал: именно в таких условиях в сознании многих евреев сформировалась «подлинная мистика Палестины», представление о «неограниченных возможностях», которые давала эта земля евреям. На уровне массового сознания у евреев Центральной и Восточной Европы возникало ощущение того, что только внешние препятствия, мешавшие массовой репатриации на Святую землю, не давали евреям возможности реализовать свой потенциал. Отъезд в Палестину стал восприниматься как ключ к решению всех проблем еврейского народа.

Следует подчеркнуть: сам С. М. Шварц не разделял этого ощущения. Вполне в марксистском духе он заявлял, что это «заводило еврейские массы в тупик». В 1947 году С. М. Шварц подчеркивал: «Нет и не может быть еврейской Палестины, есть и будет еврейско-арабская Палестина» [Шварц, 1947, с. 161]. Он разоблачал некоторые заблуждения, существовавшие в массовом сознании, доказывая, в частности, что к концу Первой мировой войны Палестина не была

«необитаемой пустыней»: там жило около 600 тыс. чел., из них евреи составляли лишь около 10%.

Воспитанный в традициях экономического детерминизма и марксизма, С. М. Шварц уделял большое внимание социально-экономическим аспектам проблемы. Он доказывал, что Палестина серьезно зависит от ситуации в мировой экономике. Опыт еврейских поселений на этой территории показал «ограниченные возможности» палестинского сельского хозяйства. «Достаточно сказать, – подчеркивал С. М. Шварц, – что Палестина не имеет и не может иметь достаточно своего хлеба, и еврейское население Палестины живет почти исключительно привозным хлебом (главным образом, из Сирии)». Беден и ресурсный потенциал данной территории: как отмечал С. М. Шварц, Палестина фактически не имела месторождений угля, нефти, железа, цветных металлов. В этих условиях возможен был лишь один путь к процветанию данной территории: «Если Палестина превратится в форпост экономической культуры Запада на Ближнем и Среднем Востоке, т. е., прежде всего, в арабском мире, и одновременно в форпост Ближнего и Среднего Востока перед лицом Запада» [Шварц, 1947, с. 161]. Однако, справедливо отмечал С. М. Шварц, это предполагает формирование атмосферы взаимного доверия между арабами и евреями.

Закономерно вставал вопрос: с помощью каких механизмов можно было создать такую атмосферу? Конечно, идеальным вариантом было бы «бинациональное» демократическое государство. Однако С. М. Шварц понимал, что это было совершенно нереально. В этих условиях, указывал он, единственным выходом становился раздел Палестины, что и пыталась сделать ООН. Вместе с тем, уже летом 1947 года С. М. Шварц прозорливо отмечал, что созданное в результате такого раздела «бедное Арабское государство» будет тяготеть к сближению с более сильными игроками в арабском мире. Именно в этом была потенциальная опасность для Еврейского государства, что уже тогда понимал С. М. Шварц.

Весной 1948 года Государство Израиль, наконец, было создано. Однако этот шаг, как известно, вызвал резко негативную реакцию со стороны арабских государств, что сразу же обострило ситуацию в Палестине. Мгновенно вспыхнувший военный конфликт был временно потушен международным сообществом, однако всем было понятно, что принципиально проблему решить не удалось. Летом 1948 года С. М. Шварц вновь обращается к палестинской проблематике на страницах «Социалистического вестника», публикуя статью «Палестинская трагедия». Уже само название данной статьи говорило о многом: С. Шварц как бы показывал, что попытки развязать «палестинский узел» не только не привели к нормализации ситуации, но закончились трагическими последствиями. Он предупреждал, что затяжная война в Палестине таит в себе опасность вовлечения в конфликт великих держав. Только три года прошло с момента окончания Второй мировой войны, и страх нового глобального конфликта довлел над многими. С. М. Шварц полагал, что именно Ближний Восток может стать «новыми Балканами», «пороховым погребом Европы».

При этом, как и предыдущая статья С. М. Шварца, данная публикация отличалась взвешенностью подходов, стремлением понять мотивы обеих сторон кон-

фликта. Он доказывал, что трагедия Палестины в том и состояла, что здесь столкнулись «две правды»: правда арабов и правда евреев.

Правда евреев состояла в двухтысячелетней мечте о возрождении Израиля. Эта правда базировалась на достаточно прочном юридическом основании – Декларации Бальфура 1917 года, где звучал тезис о «еврейском национальном очаге» в Палестине. С. М. Шварц подчеркивал и тот факт, что еврейская репатриация в Палестину привела к «поразительному экономическому и культурному подъему страны», который был заметен любому непредвзятому наблюдателю. Наконец, он напоминал о трагедии Холокоста, которая ставила перед международным сообществом вопрос об искуплении исторической вины перед еврейским народом.

Однако, нельзя не отметить объективность С. М. Шварца: он признавал и правду арабов в палестинском вопросе. Он подчеркивал: «Арабы – это в течение веков, может быть, в течение тысячелетий коренное население Палестины. Этот аргумент неотразим» [Шварц, 1948, с. 101].

Общая позиция С. М. Шварца не изменилась: он по-прежнему полагал, что Палестина не может быть ни чисто арабским, ни чисто еврейским государством. Арабы и евреи, подчеркивал С. М. Шварц, должны были научиться жить по соседству. При этом он полемизировал с заявлениями арабской элиты о том, что создание государства Израиль нарушало целостность Палестины. Во-первых, справедливо замечал С. М. Шварц, целостность Палестины уже однажды была нарушена, когда в 1922 году из нее была выделена Трансиордания, и это не вызвало протестов со стороны арабов. Во-вторых, и это главное, в течение последних двух тысяч лет Палестина никогда не составляла национально-государственного единства, будучи раздробленной между землями различных кланов.

Проанализированные нами статьи 1947–1948 годов сделали С. М. Шварца достаточно известным русскоязычным экспертом по Палестинской проблеме, неизбежно связанной с «еврейским вопросом». Поэтому не случайно, что в 1949 году именно он получил предложение Американского еврейского комитета заняться исследованием положения евреев в СССР (тем более, что, как уже отмечалось, еще в 1945 году С. М. Шварц уже опубликовал статью по данной теме на страницах «Социалистического вестника»). Результатом этого труда стали две книги, принесшие С. Шварцу известность в качестве эксперта по «еврейскому вопросу» в СССР: «The Jews in the Soviet Union», которая была издана в 1951 году на английском языке издательством Сиракузского университета, а также «Антисемитизм в Советском Союзе» (издана в 1952 году на русском языке в Нью-Йорке Издательством имени Чехова).

Эти работы С. М. Шварца (их подробное рассмотрение не входит в предмет данной статьи), ставшие весьма популярными среди исследователей темы, вновь подтвердили его репутацию как автора, имевшего весьма взвешенную позицию, стремившегося к максимальной научной объективности. Он ставил задачу максимально абстрагироваться от личных симпатий и антипатий, стереотипов, связанных с его происхождением и политическими взглядами. Характерно, что, начиная свой труд, С. М. Шварц признавал: «Автор – еврей, что в глазах многих ставит под сомнение объективность анализа им антисемитизма. И автор – русский соци-

алист, решительный противник коммунистической диктатуры, что тоже в глазах многих ставит под сомнение объективность анализа им советской действительности» [Шварц, 1952, с. 6]. В этих условиях он обещал, что постарается сохранить научную «беспристрастность», хотя и понимал, что это будет трудно.

Труды С. М. Шварца, написанные во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, сделали его признанным специалистом по «еврейской тематике» в эмигрантских кругах. В этот период С. М. Шварц ведет и преподавательскую деятельность, работая в Новой школе социальных исследований и в Нью-Йоркском университете.

Однако, после смерти Сталина, в 1950-е годы С. М. Шварц редко обращался к сюжетам, связанным с «еврейским вопросом». Единственный раз в годы «оттепели» С. Шварц «вспомнил» об Израиле и палестинской проблематике на страницах «Социалистического вестника» в 1958 году, в связи с поездкой президента Египта Г. Насера в СССР. К этому времени уже стало очевидно, что и советская политика на Ближнем Востоке, и действия арабских государств не способствуют достижению компромисса с Государством Израиль. Поэтому тон статьи С. М. Шварца был гораздо более жестким, чем тот, что был характерен для его публикаций конца 1940-х годов. Очевидно, у него к тому времени уже не осталось надежд на формирование атмосферы взаимного доверия на Ближнем Востоке. С. М. Шварц полагал, что поездка Г. Насера закрепила сближение между его страной и Советским Союзом, что могло стать началом периода «значительного усиления внешнеполитической активности и агрессивности советского правительства». Он заявлял, что советская дипломатия всячески «распаляла ненависть арабов к Израилю», а «экстремистская политика Насера» находила в Москве полную поддержку. Анализируя саму встречу Г. Насера и Н. С. Хрущева, С. М. Шварц отмечал, что советский лидер в своей приветственной речи «красочно изобразил Израиль как послушное орудие империалистических агрессоров» [Шварц, 1958, с. 116].

С. М. Шварц продолжал публиковаться в «Социалистическом вестнике» вплоть до прекращения его выпуска в 1965 году. Во второй половине 1960-х годов С. М. Шварц становится признанным «дуайеном» меньшевистской эмиграции в Нью-Йорке. Однако, несмотря на возраст (ему было уже за 80), С. М. Шварц был одним из тех, кто, по мере сил, старался помогать своим старым и больным товарищам, поддержать их в трудную минуту. Резко отрицательное отношение к коллаборационизму в годы Второй мировой войны особенно сблизило его с другим старым меньшевиком, активным противником коллаборационизма Б. Л. Двиновым (Гуревичем), с семьей которого он стал очень дружен [BAR. Boris Sapir collection. Box 4. Folder “Gurevich B.L. (Dvinov)”. С. И. Гуревич – Б. Сапиру. 11.03.1967].

Однако в 1968 году, после тяжелой болезни, друг С. М. Шварца Б. Л. Двинов ушел из жизни. Почти одновременно не стало еще одного близкого друга С. М. Шварца – известного в прошлом деятеля Бунда, председателя Витебского совета рабочих депутатов в 1917 году Г. Я. Аронсона. Для С. М. Шварца эти потери стали тяжелыми ударами. Пожалуй, главное, что он оказался в полном интеллектуальном одиночестве – рядом больше не было никого, кто мог бы понять его, разделить его мысли о прошлом российской социал-демократии. А ведь для этих

людей, профессиональных революционеров, их собственная жизнь была неотделима от судьбы партии. К тому же бывший бундовец Г. Я. Аронсон всегда интересовался «еврейским вопросом», и именно с ним С. Шварц обсуждал свои исследования в этой области.

Однако С. М. Шварц не сдавался. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал собирать материалы для новых статей и книг. Известный американский историк Ричард Уортман рассказывал автору этих строк, что в 1960-е годы нередко видел в Нью-Йоркской публичной библиотеке занимавшегося там С. М. Шварца. Но морально С. М. Шварцу было очень тяжело. В 1969 году он написал Б. М. Сапиру: «В Нью-Йорке я после смерти Григория Яковлевича (Аронсона – прим. А. А.) оказался в моей работе совершенно одинок. Я даже не сразу отдал себе отчет после его смерти, что он для меня значил. Мы с ним почти каждый день говорили по телефону, раза два, а то и три в неделю я заходил к нему (мог еще тогда в одном направлении отмахивать 19 блоков пешком; обратно ехал...) А сейчас я за год не могу припомнить, чтобы я с кем-либо говорил по существу о моей работе» [BAR. Boris Sapir collection. Box 9. Folder “Schwartz”. С. М. Шварц – Б. Сапиру. 28.11.1969].

Проведя в этом интеллектуальном одиночестве в Нью-Йорке год, С. М. Шварц неожиданно для своих друзей и знакомых решил переехать на жительство в Израиль. Объясняя этот свой поступок, он указывал в письме Б. М. Сапиру: «В Иерусалиме я смогу, вероятно, жить не хуже, чем в Нью-Йорке; в личном отношении, конечно, у меня не будет столько старых близких друзей, как здесь, но друзей, с которыми я смогу поддерживать близость в работе – а это для меня имеет решающее значение – будет больше, чем тут» [BAR. Boris Sapir collection. Box 9. Folder “Schwartz”. С. М. Шварц – Б. Сапиру. 28.11.1969].

С. Шварц понимал: именно в Израиле он сможет больше общаться с теми, кто, как и он, интересовался проблематикой ближневосточного конфликта, исследовал вопросы мирного урегулирования ситуации в Палестине. В последние годы жизни Соломон Шварц, прежде всего, работал над проблематикой арабо-израильских отношений, которая в то время стала особенно актуальной: в 1967 г. весь мир взволновало очередное обострение ситуации на Ближнем Востоке. Планируя в Иерусалиме заняться «темой о евреях и арабах в широком плане» (именно так он формулировал замысел новой книги), С. М. Шварц понимал: «Это будет уже последняя моя большая работа» [BAR. Boris Sapir collection. Box 9. Folder “Schwartz”. С. М. Шварц – Б. Сапиру. 28.11.1969]. Однако закончить этот труд старому социал-демократу не удалось.

В 1971 году С. М. Шварц переехал в Израиль. Там ему довелось прожить лишь около двух лет. 15 июня 1973 года, в возрасте 90 лет, в иерусалимской больнице ушел из жизни старый социал-демократ, все-таки нашедший свой путь к Святой земле.

Жизненный путь Соломона Шварца иллюстрирует процесс эволюции мировоззренческих установок многих российских социал-демократов в XX в. Выросшие в еврейских местечках черты оседлости, многие из них мало интересовались своими национальными корнями, были чужды иудаизму, зачастую старались почти не вспоминать о своем происхождении. Однако трагические события, которые выпали на долю еврейского народа (еврейские «погромы», Холокост, на-

чало арабо-израильского противостояния в Палестине) актуализировали для этих людей «еврейский вопрос». С. М. Шварц – наиболее яркий пример становления известного эксперта по данной проблематике, чьи книги приобрели в середине XX в. широкую популярность.

При этом анализ трудов С. М. Шварца показывает его научную добросовестность, стремление к объективному, непредвзятому анализу как ближневосточной проблемы, так и истории антисемитизма в СССР. С. М. Шварц не увлекался броскими фразами и голословными утверждениями, стремясь к подлинно научному исследованию темы. Для его работ не характерна изначальная заданность выводов, он не встает однозначно на сторону кого-то из оппонентов в ближневосточном конфликте, не стремится доказать, что антисемитизм был имманентно присущ государственной политике в Российской империи и Советском Союзе. Напротив, он показывает реальную сложность и неоднозначность этой проблематики, характеризует эволюцию подходов советского государства по «еврейскому вопросу». Именно это придает дополнительную ценность трудам С. М. Шварца.

Долгая жизнь Соломона Шварца закончилась на Святой земле, в Иерусалиме. В этом – несомненный символизм его судьбы, судьбы российского социал-демократа еврейского происхождения, вернувшегося к своим корням. Здесь же, в Израиле, очевидно, хранятся и некоторые документы, связанные с жизнью С. М. Шварца в последние годы жизни. Думается, что эти исторические источники еще не раз будут привлекать внимание исследователей, позволив им высветить новые грани судьбы и мировоззренческих установок С. М. Шварца.

Список литературы

- Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря / Под ред. З. Галили и А. Ненарокова. М. : РОССПЭН, 1997. 712 с.
- Меньшевики в большевистской России. Меньшевики в 1918 году / Под ред. З. Галили и А. Ненарокова. М. : РОССПЭН, 1999. 799 с.
- Шварц С.* Антисемитизм в Советском Союзе // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1945. № 11–12. С. 260–270.
- Шварц С.* Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1952. 220 с.
- Шварц С.* Насер в Советском Союзе // Социалистический вестник. 1958. № 6. С. 114–117.
- Шварц С.* Палестинский узел // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1947. № 9. С. 160–162.
- Шварц С.* Палестинская трагедия // Социалистический вестник. 1948. № 6. С. 101–102.
- 80-летие С. Шварца // Социалистический вестник. 1963. № 1–2. С. 24–25.
- Bakhmeteff Archive Research at Columbia University. Boris Sapir Collection.
- Hoover Institution Archives on War, Revolution and Peace. Boris Nikolaevsky Collection.
- Liebich A.* From the Other Shore: Russian Social-democracy after 1921. Cambridge, Mas.
- The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War (1974) / Ed. by Leopold Haimson. Chicago : Chicago University Press, 1974. 499 p.

References

- Bakhmeteff Archive Research at Columbia University. Boris Sapir Collection.
- Hoover Institution Archives on War, Revolution and Peace. Boris Nikolaevsky Collection.
- Galili, Z., Nenarokov, A. (Eds.), *Mensheviki v 1917 godu. T. 3. Ch. 2. Ot Demokraticheskogo Soveta Rossiiskoy Respubliki do kontsa dekabria* (1997) [The Mensheviks in 1917. Vol. 3. Issue 2. From Democratic Soviet of Russian Republic to the end of December]. Moscow, ROSSPEN (In Russian). 712 p.

Ziva Galili and Albert Nenarokov (Ed.), *Mensheviki v bolshevistskoy Rossii / Mensheviki v 1918 godu* (1999) [The Mensheviks in Bolshevik Russia / The Mensheviks in 1918]. Moscow, ROSSPEN (In Russian). 799 p.

Liebich, A. (1997). *From the Other Shore: Russian Social-democracy after 1921*. Cambridge, Mas., Harvard University Press. 476 p.

Haimson, L. (Ed.), *The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War*. (1974). Chicago, Chicago University Press. 499 p.

Solomon Schwartz (1945). Antisemitism v Sovetskom Sojuze [Anti-Semitism in Soviet Union]. In *Sotcialistichesky vestnik*, Num. 11–12, pp. 260–270.

Solomon Schwartz (1946). Bolshaya Volga [The Great Volga]. In *Novy Journal*, Num 13, pp. 270–280.

Solomon Schwartz (1947). Palestinsky uzel [Palestinian Knot]. In *Sotcialistichesky vestnik*, Num. 9, pp. 160–162.

Solomon Schwartz (1948). Palestitskaya tragedija [Palestinian tragedy]. In *Sotcialistichesky vestnik*. 1948. Num. 6, pp. 101–102.

Solomon Schwartz (1952). *Antisemitism v Sovetskom Sojuze* [Anti-Semitism in Soviet Union]. New York, Chehov Publishing House. 220 p.

Solomon Schwartz (1958). Naser v Sovetskom Sojuze [Naser in Soviet Union]. *Sotcialistichesky vestnik*. 1958. Num. 6, pp. 114–117.

80-letie S. Schwartz (1963) [80-th Anniversary of S. Schwartz]. *Sotcialistichesky vestnik*. 1963. Num. 1–2, pp. 24–25.

The article was submitted on 6.04.2020

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЗБЕКИСТАНА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ АФГАНСКОГО КОНФЛИКТА (2017–2019 ГГ.)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли Узбекистана в афганском мирном процессе после завершения транзита власти и избрания президентом страны Шавката Мирзиёева. Автор дает краткий обзор внешнеполитической линии Узбекистана в отношении Исламской Республики Афганистан (ИРА) в XXI веке, акцентирует внимание на ее трансформации при новом президенте. Проанализирована законодательная база Узбекистана, определяющая афганский вектор внешней политики страны, а также практические действия на мирненческом треке. Отдельное внимание уделено экономическим проектам Узбекистана в Афганистане, рассматриваемым как интегральная часть политики, нацеленной на мирное урегулирование в Афганистане. Если подходы Ташкента к афганскому урегулированию в политической части не отличаются от общемировых, то увязывание мирного процесса в ИРА с региональным развитием и выдвижение ряда вышеупомянутых экономических проектов являются отличительными чертами предлагаемого узбекской стороной комплекса мер. В проведенном на основе общенаучных методов исследовании фиксируется активизация узбекской стороны по вопросу сотрудничества с Афганистаном.

Ключевые слова: Афганистан, Узбекистан, мирный процесс в Афганистане, Ташкентская конференция, внешняя политика Узбекистана.

Nikolay D. Sazhenov

UZBEKISTAN'S ACTIVITY ON THE SETTLEMENT OF AFGHAN CONFLICT (2017–2019)

Abstract. The article is devoted to the issue of Uzbekistan's role in the process of peaceful settlement of the conflict in the Islamic Republic of Afghanistan after the transfer of power in 2016. The author provides a brief overview of Uzbekistan's foreign policy approach towards Afghanistan in the 21st century and analyzes the relevant legal framework and practical actions of the country. Special attention was also given to Uzbekistan's ambitious economic projects in Afghanistan, which are considered as an integral part of Uzbekistan's policy aimed at peaceful settlement of the conflict. After the death of Islam Karimov, the first president of the country, Uzbekistan stepped up efforts to reach peaceful reconciliation in Afghanistan.

Key words: Afghanistan, Uzbekistan, peace process in Afghanistan, Tashkent conference, Uzbekistan's foreign policy.

Проблематика афганского урегулирования уже не первый год стоит на повестке дня международного сообщества и является вызовом как в отношении обеспечения безопасности, так и в интеллектуальном плане. Мозаичный характер афганского общества, определяемый его полиэтничностью, сохранением родоплеменных отношений и наличием сильных региональных лидеров, подчас оспаривающих легитимность правительства в Кабуле, служит осложняющим фактором в урегулировании – большое количество вовлеченных в конфликт сторон неизбежно сужает область взаимно приемлемого консенсуса. Тем не менее, различ-

ные международные акторы предпринимают попытки мирного урегулирования в постталибском Афганистане¹. С 2017 года в этот процесс активно включился Узбекистан. Рассмотрению его действий на примиренческом треке в Афганистане посвящено настоящее исследование.

В 2016 году в Узбекистане сменился президент: после смерти Ислама Каримова страну возглавил Шавкат Мирзиёев, инициировавший программу масштабных реформ, коснувшихся не только внутренней политики: определенному переосмыслению подверглась и внешняя политика. Курс первого президента Узбекистана в XXI веке характеризовался постепенным ростом изоляционистских тенденций, в особенности проявившихся после событий в Ферганской долине в 2005 году. Смена президента ознаменовалась трансформацией внешнеполитической линии страны – при сохранении ее основных принципов, заложенных еще при И. Каримове (многовекторность, отказ от присоединения к военно-политическим блокам и недопущение размещения узбекских войск за пределами страны) [Tolirov, 2012], акцент был сделан на преодолении самоизоляции через улаживание отношений со странами-соседями на основе достижения «центральноазиатской солидарности» [Weitz, p. 9]. То есть, как и при И. Каримове, Центральная Азия позиционировалась как основное направление внешней политики Узбекистана. Параллельно отмечалась интенсификация контактов и с крупными игроками на международной арене: странами Запада, Китаем и Россией [Казанцев, Гусев, с. 297–300; Притчин]. Внешнеполитический подход в целом был трансформирован в сторону большей открытости и расширения взаимодействия как на двусторонней основе, так и на многосторонних площадках.

В указе президента «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» от 7 февраля 2017 года говорится о «создании вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства» [Указ Президента Республики Узбекистан № УП-4947 «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан»]. Очевидно, что речь идет и об Афганистане, при этом слово «создание» можно трактовать как готовность предпринимать активные действия на этом направлении, что вступает в конфликт с внешнеполитическим курсом Ислама Каримова. В соответствии с последним, Афганистан воспринимался как источник угроз для Узбекистана, который занимал пассивно-оборонительную позицию по афганскому вопросу. Центральными вопросами на этом направлении политики стали укрепление границы с Афганистаном и недопущение перемещения радикальных исламистов на территорию Узбекистана. Смена первого лица в стране повлекла за собой изменение внешней политики, не стал исключением и афганский вектор. Нельзя не согласиться с оценкой узбекского подхода к Афганистану, которую дала Д. Б. Малышева: «<...> при новом руководстве Узбекистана Афганистан объявлен ресурсом для новых возможностей, несмотря на то, что исламистская угроза никуда не исчезла и, напротив – она обрела новые очертания <...>» [Малышева, с. 95].

Потенциальным окном возможностей на афганском векторе внешней политики Узбекистана, которое бы коррелировало с переходом к более активной и от-

---

¹ Необходимо упомянуть миссию Специального представителя США по афганскому урегулированию Залмая Халилзада, ведущего переговоры с представителями талибов или Турцию как организатора международной площадки «Стамбульский процесс-Сердце Азии» (*прим. авт.*)

крытой внешней политике страны, могло стать подключение к мирному процессу в Афганистане, который пока не принес заметных результатов, несмотря на все усилия международного сообщества. Узбекистан интенсифицировал свои усилия на этом треке, тем более, нестабильность в соседней стране по-прежнему рассматривается как серьезная угроза безопасности.

Первым шагом к повышению активности Узбекистана в афганском урегулировании стало создание летом 2017 года института Специального представителя президента по Афганистану. Обращает на себя внимание оформление данного решения: пост Спецпредставителя учреждался постановлением президента, в котором были четко прописаны его задачи, функции и структура аппарата. В качестве основных задач Спецпредставителя можно отметить:

- «постоянный мониторинг и анализ военно-политической ситуации в Исламской Республике Афганистан, внутривнутриполитического и социально-экономического развития этого государства, а также его внешнеполитического курса; политики иностранных государств, решений международных организаций и структур по вопросам, связанным с ИРА; хода и перспектив реализации международных инициатив по ИРА, а также проектов по развитию транспортно-коммуникационной, энергетической и социальной инфраструктуры в этой стране»;

- разработка и внесение предложений различным аспектам сотрудничества с Узбекистаном, в том числе и по «участию Республики Узбекистан в реализации региональных международных политических, экономических и гуманитарных инициатив по ИРА, в т.ч. проектов по содействию социально-экономическому развитию этого государства» [Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-3036 «Об организации деятельности Специального представителя Президента Республики Узбекистан по Афганистану»].

Даже выборочное цитирование задач спецпредставителя президента Узбекистана по Афганистану свидетельствует о весьма широкой сфере его ответственности – от военно-политических до социально-экономических вопросов. Тематика национального примирения в Афганистане здесь не упоминается, но имплицитно подразумевается в ряде пунктов, в том числе связанных с международными инициативами. По сути, речь идет о координирующей роли спецпредставителя в реализации внешнеполитической линии Узбекистана на афганском направлении. Создание такой должности демонстрирует особое внимание узбекского руководства к отношениям с Афганистаном. С 2017 года эту должность занимает Исматулла Иргашев – кадровый дипломат, владеющий языком дари (один из двух государственных языков Афганистана), в середине 1980-х годов проходивший службу в армии в Афганистане [Руководство МИД Афганистан].

В общих чертах подходы самого Узбекистана к афганскому урегулированию были озвучены, в частности, в заявлении постоянного представителя страны в ООН Бахтияра Ибрагимова в сентябре 2019 года. Узбекская сторона выступает за налаживание межафганского диалога – этот пункт уже стал своего рода аксиомой, когда речь заходит об урегулировании конфликта в стране. Также в качестве критически важной составляющей мирного процесса было названо участие в переговорах представителей афганских властей (State Institutions). Примечательно, что в подходе

узбекской стороны к мирному урегулированию отдельным пунктом упоминаются вопросы экономики и регионального развития [As Afghanistan Elections Approach, Special Representative Underscores Importance of Resumed Talks between Kabul, Taliban, in Briefing to Security Council]. В то же время Узбекистан настаивает на том, что мирный процесс должен быть ведомым и руководимым самими афганцами (Afghan-owned and Afghan-led), а вывод войск НАТО – проводиться постепенно и при условии соблюдения всех достигнутых договоренностей с талибами [Irgashev]. Такая позиция не нова и в целом совпадает с подходами основных внешних игроков, действовавших в урегулировании, в том числе и с российским подходом.

В то же время президент Узбекистана на Ташкентской конференции 2018 года (о ней речь пойдет ниже) озвучил нечасто появляющийся в международном дискурсе тезис о необходимости продвижения мирного процесса на трех взаимосвязанных уровнях: внутриафганском, региональном и глобальном. Первый уровень заполняется межафганским диалогом, на втором достигается консенсус об урегулировании афганского конфликта между странами-соседями ИРА и рядом мусульманских стран, на глобальном уровне вступают мировые державы и донорские организации, обеспечивающие политическую и финансовую поддержку мирному процессу и экономическому восстановлению Афганистана [Tolipov, 2018].

Самым крупным международным мероприятием, проведенным Узбекистаном по афганской проблематике с момента трансформации его внешнеполитической линии, стала организованная в 2018 году международная конференция по Афганистану в Ташкенте, одна из конференций, проводимых с 2012 года с периодичностью один раз в два года. Официальные органы Европейского Союза сообщали, что Ташкентская конференция по Афганистану 2018 года будет основываться на решениях Брюссельской конференции 2016 года, участники которой взяли на себя обязательства по предоставлению Афганистану 15 миллиардов долларов США в течение последующих четырех лет [Afghanistan: EU Joins Regional Players and UN to Plan New Deal for Peace, Security and Development]. Однако по широте представительства Ташкентская конференция заметно уступила Брюссельской, где были представлены 75 государств и 26 международных организаций [Brussels Conference on Afghanistan: main results] – в Ташкенте собрались представители лишь 21 государства, ООН и ЕС [Afghanistan Naqsh-e Ebtokari-e Uzbekistan ga Baroye Mozakerat-e Solh Setud]. Это была первая подобная многосторонняя конференция на территории посткариковского Узбекистана, хотя определенный опыт проведения подобных мероприятий уже был сформирован 19 лет назад: в 1999 году Узбекистан принимал заседание группы «6+2» (страны-соседи Афганистана, Россия и США), которая проводила политические консультации по тематике афганского урегулирования. В этом заседании участвовала и делегация движения «Талибан» (ДТ), которое на тот момент контролировало большую часть территории Афганистана [Мукимджанова, с. 118–119].

Примечательно, что в Ташкентской конференции 2018 года, помимо афганского правительства, приняли участие все заинтересованные внешние игроки – делегации направили все 6 государств-соседей Афганистана (т. е., присутствовал и Иран, переживающий период охлаждения в отношениях с США), а также Казахстан, Кыргызстан и Россия, которые рассматривают афганскую проблему как источник

внешних угроз и потенциальной дестабилизации центральноазиатского региона. Основные провайдеры донорской помощи Афганистану и участники миссии НАТО (Франция, Германия, Италия) также приняли участие в работе конференции.

Основной интерес представляет итоговая декларация Ташкентской конференции. В ее тексте содержатся следующие тезисы:

- участники Ташкентской конференции еще раз подтверждают свою поддержку усилиям Правительства Афганистана, направленным на начало прямых переговоров с ДТ и признают Кабульский процесс основным форумом и инструментом наряду с прочими региональными и международными инициативами по Афганистану (п. 9);

- подчеркивают необходимость всестороннего и конструктивного участия женщин в афганском урегулировании, обеспечении безопасности и экономической сфере <...> (п. 12);

- заявляют о своей поддержке мирного Афганистана, где терроризм не будет угрожать другим государствам, и который сможет полностью полагаться на свои вооруженные силы в обеспечении безопасности на собственной территории (п. 15);

- подтверждают, что любое содействие в обеспечении безопасности Афганистана должно оказываться правительству страны, и решительно выступают против какого-либо предоставления финансовой помощи, материальной поддержки или оружия ДТ или ИГ (п. 20);

- экономическая интеграция Афганистана в регионе будет содействовать достижению прочного мира и стабильности в стране и во всем регионе (п. 21) [Declaration of the Tashkent Conference on Afghanistan: Peace Process, Security Cooperation & Regional Connectivity].

Решения Ташкентской конференции были оформлены в виде декларации, необязательной к исполнению и не содержащей какого-либо четкого плана мирного урегулирования в Афганистане. Основные ее положения справедливые по сути, но весьма общие, и в различных сочетаниях встречаются очень часто как в актовых источниках, так и в озвученных позициях заинтересованных сторон.

Несмотря на порой заметное расхождение в позициях стран-участниц, декларация по итогам Ташкентской конференции ценна тем, что отражает основные пункты консенсуса между основными внешними участниками афганского урегулирования, в том числе и теми, чьи двусторонние отношения на данном этапе отличаются крайней напряженностью (США-Иран, США-Россия, Индия-Пакистан, Иран-Саудовская Аравия). Ее принятие не приблизило установление мира в Афганистане, однако, как представляется, прибавило Узбекистану авторитет в глазах международного сообщества.

Узбекская сторона не скрывает наличия контактов с талибами и считает проведение прямых переговоров между правительством и ДТ (в качестве места предлагался, соответственно, Узбекистан) необходимым условием мирного процесса в Афганистане [Envoy Says Uzbekistan Will Mediate Afghan Peace Talks]. В частности, встреча с представителями катарского офиса Движения талибов состоялась в МИДе Узбекистана 8 августа 2019 года. Из короткого сообщения министерства следует, что делегацию талибов возглавлял руководитель катарского офиса муллы

Барадар Ахунд. Стороны обсудили вопросы мирного процесса в Афганистане, а глава делегации талибов поддержал идею проведения очередного раунда межафганского диалога в Самарканде [Meeting With the Representatives of the Taliban (8 August 2019)]. Еще раньше, в марте 2019 года, появилась информация о визите в Катар министра иностранных дел Узбекистана А. Камилова, где он провел прямые переговоры с муллой Барадаром. Последний даже высоко оценил усилия Узбекистана, направленные на реализацию инфраструктурных проектов в Афганистане [О встрече с руководством Движения «Талибан» (4 марта 2019)].

В то же время, остается открытым вопрос, насколько представители катарского офиса ДТ в состоянии говорить от имени всего Движения, и насколько релевантными будут соглашения, заключенные с ними. Учитывая довольно аморфную и полицентричную структуру Движения талибов, существуют определенные сомнения на этот счет – фракции, воюющие «в поле», в принципе отказываются от переговоров с внешними игроками и выступают за продолжение вооруженной борьбы. Вряд ли они согласятся соблюдать какие-либо договоренности, достигнутые талибскими «политиками» из Катара. Так или иначе, Узбекистан стремится к налаживанию отношений с ДТ, рассматривая эти шаги, по всей видимости, и как фактор своего вовлечения в переговорный процесс в Афганистане, и как способ обеспечения национальной безопасности.

Как уже отмечалось выше, узбекская сторона уделяет внимание развитию экономических отношений с Афганистаном в качестве компоненты мирного процесса. Так, в тексте Послания президента Узбекистана Олий Мажлису (Парламенту) за 2018 год стабилизация обстановки в Афганистане увязывается с его экономическим развитием, в связи с чем выражается готовность узбекской стороны и в дальнейшем участвовать в реализации весьма амбициозных инфраструктурных проектов, как, к примеру, находящиеся пока на стадии проектирования железные дороги Мазари-Шариф – Герат и Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар [Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису]. Маршрут первой железной дороги планируется проложить через города Шибрган и Меймане – столицы афганских провинций Джаузджан и Фарьяб, населенных преимущественно этническими узбеками [Weitz, p. 18]. Сообщалось о подписании президентами двух стран соглашения о ее строительстве [Узбекистан и Афганистан подписали ряд документов], однако реализация проекта на практике пока не началась, что неудивительно в условиях продолжающихся боестолкновений на севере Афганистана.

Как представляется, такие инициативы косвенно свидетельствуют в пользу того, что Узбекистан заинтересован в активном участии на примиренческом треке в Афганистане не только для повышения политического авторитета в центрально-азиатском регионе и в международном сообществе в целом, но и для реализации подобных экономических и транспортных проектов. Безусловно, их функционирование и жизнеспособность будут напрямую зависеть от состояния в сфере безопасности в Афганистане – риски инвестирования в подобные проекты по нынешним афганским реалиям слишком высоки, хотя для Узбекистана Афганистан с его довольно емким по региональным меркам рынком мог бы стать перспективным экономическим партнером. Кроме того, включение Узбекистана в мирный процесс

с приходом к власти Ш. Мирзиёева позволит наладить более прочные связи с различными группировками внутри Афганистана, что при определенном стечении обстоятельств позволит узбекской стороне хоть и ограниченно, но все же перевозить грузы через территорию Афганистана. Как показала практика транзитной торговли через территорию Афганистана, сложившаяся между Туркменистаном и Пакистаном к концу 1990-х годов, даже талибы за определенную плату готовы сопровождать и охранять перевозимые грузы.

Кроме того, подключение Узбекистана к урегулированию афганского конфликта не встретило негативной реакции основных участников конфликта. Для США, которые являются основной внешней его стороной, Узбекистан видится вполне приемлемым партнером для взаимодействия по афганскому вопросу, с учетом заявленной в программе реформ президента Ш. Мирзиёева постепенной либерализации внутривластной обстановки в стране и наличия отношений стратегического партнерства, закрепленных соответствующим договором от 2002 года. Российский востоковед А. А. Князев в интервью отмечал даже, что «во всех проблемах афганской ситуации – от политики и безопасности до проектов реконструкции и развития инфраструктуры – Узбекистан однозначно поддерживает сегодня позиции США, рассчитывая на американскую поддержку своих интересов и конкретных проектов» [Панфилов].

Также 2019 год ознаменовался ухудшением отношений США и Турции, являющейся инициатором Стамбульского процесса («Сердце Азии»), то есть еще одного альтернативного многостороннего формата по афганской проблематике, в котором участвует и узбекская сторона. Как представляется, нынешняя обстановка обеспечивает в целом благосклонное отношение США как основного внешнего актора в Афганистане к деятельности Узбекистана на примиренческом треке. Очевидно, схожую позицию занимает и ЕС, выдвинувший ряд трехсторонних проектов «ЕС-Центральная Азия-Афганистан» [Конаровский].

Более того, как справедливо отметил узбекский политолог Б. Эргашев: «сейчас США имеет наибольшее влияние на правительство Афганистана и являются серьезным игроком в Афганистане. Учитывая это обстоятельство, давайте понимать позицию Узбекистана – нам нужен Афганистан, в котором начнутся хоть какие-то процессы стабилизации и нормализации обстановки» [Афганский трек американо-узбекского сотрудничества]. Это означает, что не только США заинтересованы в более активном участии Узбекистана, наблюдается и ответный интерес. Вряд ли можно согласиться, что узбекское руководство безоговорочно поддерживает все инициативы США, однако оно осознает роль США в Афганистане, а потому стремится выстроить с ними конструктивное взаимодействие в интересах снижения уровня угроз на афганском направлении и решения задач комплексной модернизации страны.

Афганское правительство также не имеет существенных претензий к Узбекистану и, по всей видимости, рассматривает его как некоего «честного брокера» среди внешних акторов, подключенных к переговорному процессу. В пользу этого тезиса говорит факт созыва вышеупомянутой Ташкентской конференции по инициативе президентов Узбекистана и Афганистана [Irgashev]. В афганской прессе в отношении Узбекистана также отсутствует какой-либо не-

готивный фон [Afghanistan Naqsh-e Ebtakari-e Uzbekistan ra Baroye Mozakerat-e Solh Setud; Moshaver-e Amniyat-e Melli-e Keshwar: Solh dar Afghanistan, Solh dar Mantaqa Ast; Naqsh-e Ofarini-e Uzbekistan dar Solh-e Afghanistan].

Стоит учитывать и устоявшиеся еще с 1990-х годов связи с узбекской стороной первого вице-президента Афганистана Абдурашида Дустума (этнический узбек). Несмотря на череду скандалов, обвинений и перехода Дустума в оппозицию вновь избранному президенту Ашрафу Гани, он по-прежнему сохраняет лидирующую роль в узбекской общине Афганистана и контролирует территорию афганских провинций с преобладанием узбекского населения. Маловероятно, что в своем нынешнем статусе он может выступить «связующим звеном» между афганским правительством и Узбекистаном, как это было во времена первого президентского срока Гани – Дустум, будучи первым вице-президентом, занимался и развитием афгано-узбекских отношений, договариваясь с узбекской стороной от имени кабульского правительства. «Фактор Дустума» в двусторонних отношениях преувеличивать не следует – политика Узбекистана на афганском направлении прагматична и не сфокусирована лишь на этническом факторе. Как представляется, роль Дустума важна для Узбекистана именно в контролируемых им провинциях – с одной стороны, генерал может противодействовать вооруженной оппозиции, с другой – содействовать в развитии узбекских инфраструктурных проектов, обеспечивая необходимую безопасность [Bleuer, Kazemi, p. 18].

Подводя итоги, следует еще раз обозначить конкретные интересы Узбекистана на афганском направлении, которые побуждают его к более активному участию в мирном процессе. Можно выделить 3 группы таких интересов:

1) вопросы безопасности, в частности, противодействие исламистскому экстремизму и контрабанде наркотиков;

2) внешнеполитические вопросы, связанные с преодолением самоизоляции и развитием двусторонних отношений с региональными и мировыми игроками. Сюда же стоит отнести и участие во внутриафганском урегулировании как фактор закрепления неформального лидерства в центральноазиатском регионе постсоветского пространства;

3) экономические вопросы: углубление торгово-экономических отношений со странами региона, создание транзитных путей и соответствующей инфраструктуры для выхода к морским портам и упрощения доступа к новым рынкам.

Порядок их перечисления в целом отражает их текущее состояние: первая цель вполне успешно выполнялась еще при И. Каримове; хотя задачу обеспечения безопасности никто не отменял, в последние годы она лишь обрела новую форму в виде более активного участия в урегулировании афганского конфликта. Реализация второй группы интересов продолжается, притом заметные внешнеполитические ограничители, которые могут каким-либо образом помешать узбекской стороне на афганском направлении, пока не просматриваются. Объективные возможности реализации третьей группы интересов на афганском направлении выглядят скромнее всего: здесь мы видим сильный ограничитель в виде вооруженного конфликта в Афганистане, который существенно повышает риски инвестирования в вышеупомянутые экономические и инфраструктурные проекты Узбекистана. Это отпуги-

вает в том числе и зарубежных инвесторов, на поддержку которых узбекская сторона рассчитывает. Как говорилось выше, афганские вооруженные формирования (в частности, войска генерала Дустума) за определенную плату могут обеспечивать безопасность реализации этих проектов в узбекских провинциях Афганистана, но за их пределами риски безопасности заметно возрастают. И если шансы на реализацию проекта железной дороги Мазари-Шариф – Герат есть, хотя и минимальные, то постройка ветки Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар по текущим условиям выглядит невозможной.

На примиренческом треке главный вопрос заключается в том, сумеет ли узбекская сторона от одной международной конференции перейти к постоянно действующему формату урегулирования. Он пока открыт, и ясный ответ на него пока не дан. Здесь заслуживают внимания слова Спецпредставителя президента Узбекистана по Афганистану И. Иргашева: «Узбекистан созвал эту конференцию не как разовое мероприятие, Ташкент намерен стать частью всего процесса достижения национального примирения в Афганистане» [Исматилла Иргашев, специальный представитель Президента Республики Узбекистан по Афганистану: «Ташкент и впредь будет содействовать делу мира»]. Поэтому поводы для осторожного оптимизма в этом отношении все-таки есть, по-видимому, узбекская сторона не откажется от работы по данному направлению и формулирования более или менее четкой стратегии своих действий, учитывая актуальность афганского вопроса и отсутствие перспектив установления прочного мира в стране. В то же время нельзя не отметить воспроизводство в современных узбекских инициативах на афганском треке подходов, характерных для администрации И. Каримова на рубеже XX–XXI веков – несмотря на принципиально иной контекст афганского конфликта в то время, Узбекистан также был готов поддерживать отношения с талибами до их свержения в 2001 году [Rabeta-e Uzbekistan bo Taliban; Chera Tashqand Mikhohad dar Solh-e Afghanistan Naqsh Dashta Boshad?]. После этих событий Узбекистан оказывал силам НАТО в Афганистане содействие в тыловом обеспечении и доставке гуманитарных грузов в сочетании с вкладом в восстановление экономики северных провинций Афганистана [Мукимджанова, с. 119–120, 134–135, 143].

Так или иначе, инициативы Узбекистана на афганском направлении вписываются в уже сложившуюся тенденцию регионализации афганского конфликта, т. е. возрастающей вовлеченности в процесс урегулирования стран-соседей Афганистана и заметных игроков в регионе. О каком-либо прорыве говорить сейчас невозможно хотя бы в силу сравнительно поздней активизации Узбекистана на афганском направлении. Тем не менее, страна обладает заметным потенциалом для продолжения своих действий в данной сфере, что при условии достижения определенных успехов может повысить авторитет Узбекистана в международном сообществе, что уже постепенно происходит. В будущем Узбекистан может, к примеру, предоставить площадку для межафганских переговоров или же выступить на них посредником. Дальнейшая политическая линия Узбекистана в данном направлении, по всей видимости, будет характеризоваться сочетанием поиска новой, более активной роли в урегулировании афганского конфликта и прагматичной, подчас осторожной внешней политикой на основе принципов, заложенных

еще И. Каримовым. В краткосрочной перспективе установления прочного мира в Афганистане не предвидится, поэтому у узбекской стороны еще будут шансы проявить себя на примиренческом треке.

Список литературы

Афганский трек американо-узбекского сотрудничества [Электронный ресурс] / Вестник Кавказа // URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/Afganskiy-trek-amerikano-uzbekskogo-sotrudnichestva.html> (Дата обращения: 06.11.2019)

Исматилла Иргашев, специальный представитель Президента Республики Узбекистан по Афганистану : «Ташкент и впредь будет содействовать делу мира» [Электронный ресурс] / Генеральное консульство Республики Узбекистан в Новосибирске // URL: http://www.uzbekistan.nsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9681:2018-04-02-11-33-58&catid=1:2010-03-12-13-22-28&Itemid=113 (Дата обращения: 06.11.2019)

Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана : основные достижения и сценарии развития / Л. Ю. Гусев, А. А. Казанцев // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. – 2018. – Том 18, № 2. С. 292–303.

Конаровский М. Афганистан : к некоторым итогам 2018 года (Часть 2) [Электронный ресурс] / Afghanistan.ru // URL: <http://afghanistan.ru/doc/125901.html> (Дата обращения: 08.11.2019)

Малышева Д. Б. Обновление внешней политики Узбекистана. Запад-Восток-Россия 2017. Ежегодник / Отв.ред. : Д. Б. Малышева, В. Г. Хорос. – М. : ИМЭМО РАН, 2018. С. 92–95.

Мукимджанова Р. М. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики. Монография. – М. : Научная книга, 2005. 206 с.

О встрече с руководством Движения «Талибан» (4 марта 2019) [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Узбекистан // URL: <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/03/18015/> (Дата обращения: 06.11.2019)

Панфилова В. Ташкент и Кабул создают зону свободной торговли [Электронный ресурс] / Независимая газета // URL: http://www.ng.ru/cis/2018-07-18/6_7269_uzbekistan.html (Дата обращения: 26.02.2020)

Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису [Электронный ресурс] / Национальное информационное агентство Узбекистана // URL: <http://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeevas-28-12-2018> (Дата обращения: 08.11.2019)

Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-3036 «Об организации деятельности Специального представителя Президента Республики Узбекистан по Афганистану» [Электронный ресурс] / Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан // URL: <http://lex.uz/docs/3458387?query=%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD> (Дата обращения: 08.11.2019)

Притчин С. Узбекский транзит для Центральной Азии [Электронный ресурс] / Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/number/Uzbekskii-tranzit-dlya-Tcentralnoi-Azii-18566> (Дата обращения: 26.02.2020)

Руководство МИД Афганистана [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Узбекистан // URL: <https://mfa.uz/ru/about/management/> (Дата обращения: 07.11.2019)

Узбекистан и Афганистан подписали ряд документов [Электронный ресурс] / Газета.uz // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/12/05/talks/> (Дата обращения: 08.11.2019)

Указ Президента Республики Узбекистан №УП-4947 «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» [Электронный ресурс] / Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан // URL: <http://www.lex.uz/ru/docs/3107042> (Дата обращения: 07.11.2019)

Afghanistan: EU Joins Regional Players and UN to Plan New Deal for Peace, Security and Development [Electronic resource] / European Union External Action // URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/42063/afghanistan-eu-joins-regional-players-and-un-plan-new-deal-peace-security-and-development_en (Дата обращения: 06.11.2019)

Afghanistan Naqsh-e Etbekari-e Uzbekistan ra Baroye Mozakerat-e Solh Setud [Electronic resource] / Payam Aftab News Network // URL: <http://www.payam-aftab.com/fa/doc/news/87736/%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86%D9%86%D9%82>

%A7%D9%86-%D9%85%D8%B0%D8%A7%DA%A9%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%B5%D9%84%D8%AD-%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%AF (mode of access: 26.02.2019).

Afganskii trek amerikano-uzbekskogo sotrudnichestva. In *Vestnik Kavkaza* [website]. URL: <https://vestnikavkaza.ru/analytics/Afganskiy-trek-amerikano-uzbekskogo-sotrudnichestva.html> (mode of access: 06.11.2019).

As Afghanistan Elections Approach, Special Representative Underscores Importance of Resumed Talks between Kabul, Taliban, in Briefing to Security Council (Security Council, 8613th Meeting (AM)). In *UN, Meetings Coverage and Press Releases* [website]. URL: <https://www.un.org/press/en/2019/sc13945.doc.htm> (mode of access: 10.11.2019).

Bleuer, C., Kazemi, S. R. (2014). *Between Co-Operation and Insulation. Afghanistan's Relations with the Central Asian Republics*. Afghanistan Analysts Network, 2014. 74 p.

Brussels Conference on Afghanistan: main results. In *European Council. Council of the European Union [Official page]* [website]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/10/05-bcamain-results/> (mode of access: 10.11.2019).

Declaration of the Tashkent Conference on Afghanistan : Peace Process, Security Cooperation & Regional Connectivity. In *The Permanent Mission of the Republic of Uzbekistan to the United Nations* [website]. URL: <https://www.un.int/uzbekistan/news/declaration-tashkent-conference-afghanistan-peace-process-security-cooperation-regional> (mode of access: 08.11.2019).

Envoy Says Uzbekistan Will Mediate Afghan Peace Talks. In *Tolo News* [website]. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/envoy-says-uzbekistan-will-mediate-afghan-peace-talks> (mode of access: 06.11.2019).

Irgashev, I. Uzbekistan Perspective: Ensuring Regional Security and Countering Extremism and Terrorism. In *Afghan Institute for Strategic Studies* [website]. URL: https://aiss.af/aiss/news_details/opinions/5cceed768781d (mode of access: 06.11.2019).

Ismatilla Irgashev, spetsial'nyi predstavitel' Prezidenta Respubliki Uzbekistan po Afganistanu: "Tashkent i vpred' budet sodeistvovat' delu mira". In *General'noe konsul'stvo Respubliki Uzbekistan v Novosibirsk* [website]. URL: http://www.uzbekistan.nsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9681:2018-04-02-11-33-58&catid=1:2010-03-12-13-22-28&Itemid=113 (mode of access: 06.11.2019).

Kazantsev, A. A., Gusev, L. Yu. (2018). Reformy vo vneshnei politike Uzbekistana: osnovnye dostizheniya i stsenarii razvitiya [Reforms in Uzbekistan's Foreign Policy: Main Achievements and Development Scenarios]. In *Vestnik RUDN, International Relations*, Iss.18, № 2, pp. 292–303.

Konarovskii, M. Afganistan : k nekotorym itogam 2018 goda (Chast' 2) [Afghanistan : Some Conclusions of 2018 Year (Part 2)]. In *Afghanistan.ru* [website]. URL: <http://afghanistan.ru/doc/125901.html> (Mode of access: 08.11.2019).

Malysheva, D. B. (2018). Obnovlenie vneshnei politiki Uzbekistana. [Renewal of Uzbekistan's Foreign Policy]. In Malysheva, D. B., Khoros, V. G. (Eds.). *Zapad-Vostok-Rossiya 2017*. Moscow, IMEMO RAN, pp. 92–95.

Meeting With the Representatives of the Taliban (8 August 2019). In *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan* [website]. URL: <https://mfa.uz/en/press/news/2019/08/20399/> (mode of access: 06.11.2019).

Moshaver-e Amniyat-e Melli-e Keshwar: Solh dar Afghanistan, Solh dar Mantaqa Ast [Afghan Nation Security Adviser: Peace in Afghanistan Means Peace in Region]. In *The Daily Afghanistan* [website]. URL: http://dailyafghanistan.com/national_detail.php?post_id=147148 (mode of access: 26.02.2020).

Mukimdzhanova, R. M. (2005). *Strany Tsentral'noi Azii: aziatskii vektor vneshnei politiki*. [Central Asian Countries : The Asian Vector of Foreign Policy]. Moscow, Nauchnaya kniga, 206 p.

Naqsh-e Ofarini-e Uzbekistan dar Solh-e Afghanistan [Uzbekistan's Constructive Role in Afghan Peace]. In *Baztab News* [website]. URL: <https://baztab.news/article/718390> (Mode of access: 26.02.2020).

O vstreche s rukovodstvom Dvizheniya "Taliban" (4 marta 2019). In *Ministerstvo inostrannykh del Respubliki Uzbekistan* [website]. URL: <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/03/18015/> (mode of access: 06.11.2019).

Panfilova, V. (2018). Tashkent i Kabul sozdaiut zonu svobodnoi torgovli in *Nezavisimaia gazeta* [website]. URL: http://www.ng.ru/cis/2018-07-18/6_7269_uzbiekistan.html (mode of access: 26.02.2020).

Poslanie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Shavkata Mirzieeva Oliy Mazhliisu. In *Natsional'noe informatsionnoe agentstvo Uzbekistana* [website]. URL: <http://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeevas-28-12-2018> (mode of access: 08.11.2019).

Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan №PP-3036 “Ob organizatsii deyatel’nosti Spetsial’nogo predstavatelya Prezidenta Respubliki Uzbekistan po Afganistanu”. In *Natsional’naya baza dannykh zakonodatel’sva Respubliki Uzbekistan* [website]. URL: <http://lex.uz/docs/3458387?query=%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD> (mode of access: 08.11.2019).

Pritchkin, S. Uzbekskii tranzit dlia Tsentral’noi Azii [Uzbekistan’s Transit of Power for Central Asia]. In *Rossia v global’noi politike* [website]. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Uzbekskii-tranzit-dlya-Tsentralnoi-Azii-18566> (mode of access: 26.02.2020).

Rabeta-e Uzbekistan bo Taliban; Chera Tashqand Mikhohad dar Solh-e Afghanistan Naqsh Dashta Boshad? [Uzbekistan’s Relations With Taliban: Why Does Tashkent Wish to Have a Role in Afghan Peace?]. In *BBC Farsi* [website]. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-49311746> (mode of access: 26.02.2020).

Rukovodstvo MID Afganistana. In *Ministerstvo inostrannykh del Respubliki Uzbekistan* [website]. URL: <https://mfa.uz/ru/about/management/> (mode of access: 07.11.2019).

Tolipov, F. (2018). The Tashkent Conference on Afghanistan : Too Much Diplomacy, Too Little Solution. In *The Central Asia – Caucasus Analyst* [website]. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13521-the-tashkent-conference-on-afghanistan-too-much-diplomacy-too-little-solution.html> (mode of access: 10.11.2019).

Tolipov, F. (2012). Uzbekistan’s New Foreign Policy Concept : No Base, No Blocks But National Interest First. In *The Central Asia – Caucasus Analyst* [website]. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12557-analytical-articles-> (mode of access: 10.11.2019).

Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan №UP-4947 “O strategii deistvii po dal’neishemu razvitiyu Respubliki Uzbekistan”. In *Natsional’naya baza dannykh zakonodatel’sva Respubliki Uzbekistan* [website]. URL: <http://www.lex.uz/ru/docs/3107042> (mode of access: 07.11.2019).

Uzbekistan i Afganistan podpisali ryad dokumentov. In *Gazeta.uz* [website]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/12/05/talks/> (mode of access: 08.11.2019).

Weitz, R. (2018). Uzbekistan’s New Foreign Policy : Change and Continuity under New Leadership. In *Silk Road Paper*, January, 53 p.

The article was submitted on 3.03.2020

УДК 130.2:233

П. В. Хрущева

ЭНЕРГИЙНЫЙ ПРИНЦИП И ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА В ШРУТИ И СМРТИ

Аннотация. С помощью методов контекстуального и диахронного анализа в статье прослеживается нелинейный процесс персонификации энергийного принципа, который завершился формированием пуранического образа Великой Богини (Mahādevī). Показано, как сила, или энергия, обозначаемая в самхитах терминами «майя» и «шакти», а также импульс к творению или проявлению, воплощаемый в образах богинь Вираджд, Вач и Шачи, в упанишадах трансформируется в глобальный космогонический безличный принцип, хотя его роль соответствует роли богинь в ведийской космогонии. Отмечено, что понятие «шакти», обозначающее собственно силу, оказывается связанным с принципом материальности, пракрити, через связующее звено, а именно понятие «майя». Майя отождествляется в одних контекстах с шакти, в других с пракрити. Кроме того, начиная с самхит и брахман в Ведах процесс творения/проявления оказывается результатом союза бога с его супругой, которая воплощает в себе силу и творческую мощь мужского божества. В Упанишадах тот же процесс описывается с помощью философских категорий Бога-Абсолюта и его devātmaśakti, «силы божественной сущности» или же в других контекстах просто шакти как творческой мощи. В статье утверждается, что, несмотря на имеющиеся в Ведах предпосылки, тенденция деперсонификации исключала возможность формирования религиозно-мифологического образа, воплощающего в себе энергийный принцип. По этой причине для возникновения в индуизме образа Богини / Шакти решающим стало влияние неведийских традиций, в которых происходил обратный процесс: представления о безличной повсеместно присутствующей силе трансформировались в представления о персонализированном женском божестве как средоточии силы. Соединившись с ранневедийскими представлениями о богинях как воплощениях силы мужских божеств, с одной стороны, и философским концептом шакти как космогонического аспекта Абсолюта в упанишадах, с другой, неведийские локальные образы богинь, воплощающих силу, оказались основным фактором, приведшим к формированию пуранического образа Великой Богини.

Ключевые слова: шакти, майя, энергийный принцип, женские божества, Веда, упанишады, Бхагавадгита

Polina V. Khrushcheva

PRINCIPLE OF ENERGY AND FEMALE DEITIES IN ŚRUTI AND SMṚTI

Summary. The purpose of this article is to trace the non-linear process of personification of the universal energy principle, which culminated in the formation of a Puranic image of the Great Goddess (Mahādevī). In this study is used the methods of contextual and diachronous analysis.

The article shows how the power, or energy, denoted in Samhitas by the terms “Māyā” and “Śakti”, as well as the impulse for creation or manifestation, embodied in the images of the goddesses Virāj, Vāc and Śacī, in the Upanishads is transformed into a global cosmogonic impersonal principle, although his role corresponds to the role of the goddesses in the Vedic cosmogony. It is noted that the concept of “śakti”, which means power properly, turns out to be connected with the principle of materiality, prakṛti, through a intermedium, namely the concept of “māyā”. Māyā is identified in some contexts with śakti, in others with prakṛti. In addition, starting with Samhitas and Brahmanas in the Vedas, the process of creation / manifestation is the result of the union of god with his wife, who is the embodiment of the strength and creative power of the male deity. In the Upanishads, the same process is described using the philosophical categories of the God-Absolute and his devātmaśakti, “the power of the divine essence” or in other contexts simply śakti as creative power. The article claims that, despite the prerequisites in the Vedas, the depersonification tendency precluded the possibility of forming a religious and mythological image that embodies the energy principle. For this reason, in Hinduism for the appearance of the image of the Goddess / Śakti, the influence of non-Vedic traditions became decisive. In that traditions the reverse process took place: ideas of the impersonal everywhere present power were transformed into ideas of a personalized female deity as a focus of power. Combining, on the one hand, with the early Vedic ideas of the goddesses as the personifications of the male deities power and, on the other hand, with the philosophical concept of śakti as the cosmogonic aspect of the Absolute in the Upanishads, the non-Vedic local images of the goddesses who embody the power turned out to be the main factor that led to the formation of the Puranic image of the Great Goddess.

Key words: śakti, māyā, energy principle, female deities, Vedas, Upanishads, Bhagavad Gita.

Энергийный принцип рассматривался в различных ортодоксальных и не-ортодоксальных традициях древней и средневековой Индии, мы же в данной статье ограничимся рассмотрением представлений о нем в шрути и смрити. Тексты «шрути» (букв. «услышанное») существуют, согласно индийской традиции, извечно, не созданы человеком, а лишь уловлены тончайшей интуицией мудрецов-провидцев; к этой категории относятся Веды, включающие в себя самхиты, брахманы, араньяки и упанишады. Священной и авторитетной, но в меньшей степени, является другая категория текстов: «смрити», т. е. «запомненное». Смрити включают в себя пураны («древние сказания»), итихасы («быль», эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна») и дхармашастры. В статье мы привлечем относящиеся к Ведам самхиты, браманы и упанишады, а из текстов смрити – пураны и часть шестой книги Махабхараты (Бхагавадгиту).

Понятие силы, или энергии, в древней и средневековой индийской мысли определяется множеством санскритских и региональных терминов. Некоторые из них изначально обозначали философские категории, иные – мифологические образы, в пуранах же мы наблюдаем слияние тех и других в образе Великой Богини, объединяющем содержание понятий шакти (śakti) и майя (māyā), а также пракрити (prakṛti).

В Ведах единой Великой Богини нет, но в космогонических фрагментах ведийских самхит наблюдается тенденция связывать космогонические силы и космологические структуры то с абстрактными категориями женского рода, то с личностными образами богинь (Вираджд, Вач, Шачи / Индрани). В этих ранних текстах уже можно проследить формирование абстрактного энергийного принципа через женские образы; энергийный принцип, будучи сопряженным с женским началом, через него сопрягается и с принципом материи.

Сила, или энергийный принцип, в самхитах либо обозначается понятиями «шакти» и «майя», либо персонифицируется в образах Вираджд, Шачи и Вач, а также в водах.

Воды (*ap*), упоминаемые в гимнах Ригведы, в этом ряду наиболее абстрактное из порождающих начал, связанное с женскими образами только грамматическим родом. Воды порождают Агни, жизненное дыхание богов, силу (или способность, *dakṣa*) и жертвоприношение (РВ X.121.7–8) [Ригведа. Мандалы IX–X, с. 279].

Трижды в Ригведа-самхите упоминается Вираджд, причем в Пуруша-сукте (РВ X.90.5) Пуруша и Вираджд взаимно порождают друг друга: «От него Вираджд родилась, от Вираджди – Пуруша» [Ригведа. Мандалы IX–X, с. 235]. Хотя переводчик Ригведы, Т. Я. Елизаренкова, к Вираджд относит глагольное окончание женского рода, в оригинальном тексте явного указания на пол нет. Однако уже в Атхарваведе Вираджд, как правило, явственно женского пола, она становится всем мирозданием, ее именуют питательной силой, асуры призывают ее: «О Майя, приди!» (АВ VIII.10.22) [Атхарваведа, т. 2, с. 44], доят ее и получают майю, которая и поддерживает их существование. Также и другие существа (боги, люди, предки, змеи) выдаивают из нее что-то свое, что поддерживает именно их существование. Таким образом, подобно Богине/Шакти (в более позднем смысле этого понятия), Вираджд оказывается силой, поддерживающей всех и вся в этом мире, и, подобно ей же, она наполняет собой все сущее.

О Вач, Священной Речи, в Ригведе говорится как о той, что «несет» богов, имеет множество пристанищ, позволяет многому войти в жизнь, пропитывает собой небо и землю. Благодаря ей существа питаются, они вообще живут ею, не отдавая себе в том отчета. Кого она любит, того делает брахманом или одаривает мощью и мудростью. Именно она натягивает лук для Рудры, она рождает отца на вершине этого мира, ее лоно в водах, в океане, и оттуда она расходится по всем существам. Она веет всюду, охватывая все миры, и даже по ту сторону этой земли и неба (РВ X.125) [Ригведа. Мандалы IX–X, с. 282–282].

Вач, священная Речь, связывается и иногда даже отождествляется с богиней Сарасвати, изначально богиней реки. Окончательное их отождествление происходит уже в брахманах.

В космогонии брахман именно Сарасвати-Вач дает импульс к расширению космоса. В этом контексте Вач ассоциируется с Праджапати: он творит либо вместе с нею, либо ею (речью) как инструментом. Вач оказывается в паре с Праджапати в качестве его силы, его творческой мощи. Праджапати однажды отождествляется с Дакшей (ШБр II.4.4.2) [Шатапатха-брахмана. Книга II, с. 131], который в Ригведе был порожден водами (*ap*).

В качестве силы богов упоминается и *śacī*, по совместительству этот термин является именем супруги Индры, которая именуется также Индрани. К Индре применяются такие определения, как *śacīvat*, «обладающий мощью» или *śacīpati*, «владыка мощи». Эти термины, впрочем, используются и в описании других божеств, но крайне редко, так что Шачи оказывается персонифицированной силой Индры (и реже других божеств), подобно тому как Вач является творящей силой Праджапати. Термин *śacī* описывает также нечто, благодаря чему боги совершают

свои действия [Das, p. 11]. Этой богине не приписываются космогонические или космологические функции, в отличие от Вач и Вираджд; она стоит в ряду образов, являющихся результатом процессов гипостазирования, персонификации и обожествления силы мужских божеств.

В ведийских и ранних постведийских контекстах встречаются и такие более абстрактные обозначения энергийного принципа, как «майя» и «шакти», которые на ранних этапах практически не персонифицируются.

Майю ведийских текстов Я. Гонда определяет как непостижимую мудрость и силу, дающую обладателю возможность творить, изобретать, ухищряться, действовать. Упоминания майи в самхитах дают широкий спектр значений: майя это и этически нейтральная сила, которой обладают девы (deva) и асуры, и особая способность божества творить или принимать различные формы, и чудесное умение или способность творить чудеса, и божественные способности или мудрость, и достижение, возможное лишь благодаря сверхчеловеческим способностям, и способность богов вмешиваться в земные дела, а также уловка, мошенничество [Gonda, p. 119–194]. В ведах майя чаще всего упоминается в связи с асурами: выше мы видели связь майи с Вираджд в гимне Атхарваеды, где майя была также и силой, поддерживающей существование асуров.

Согласно обобщению Т. Гудриаана, основывавшегося преимущественно на мифологическом материале, термин «майя» в самхитах обозначает нейтральную силу, используемую для творения материальных форм, человеческих или нечеловеческих, посредством которой творец этих форм демонстрирует свою непостижимую мощь [Goudriaan, p. 2].

Что касается термина «шакти», напрямую обозначающего энергийный принцип, мощь, силу, то в Ригведе он еще не имеет того огромного космологического или метафизического значения, который он приобрел впоследствии. В более поздних текстах им обозначается либо всепроникающая сила, присущая проявленному миру, либо космогоническая сила как творящая способность высшего божества, либо женская фигура как супруга и/или аспект мужского божества, понимаемый как проявление его творческой способности.

В Ригведе термин «шакти» встречается немногим более десяти раз в значениях «способность», «умение», «сила», «помощь», он может означать благую силу, данную выжимающему сому жертвователю (RV I.83.3) [Ригведа. Мандалы I–IV, с. 100], мощь Сомы (X.25.5a) [Ригведа. Мандалы IX–X, с. 144], воздействие Индры на воспевающего (VII.20.10c, VII.21.10c) [Ригведа. Мандалы V–VIII, с. 199, 200], объединенную силу рук (II.39.7a) [Ригведа. Мандалы I–IV, с. 283], силу быка (III.57.03a) [там же, с. 350], силу (способность) привлечь Индру (IV.22.08a) [там же, с. 386] и т. д.

Итак, энергийный принцип некоторым образом оказывается связанным с несколькими богинями, причем некоторые из которых также связаны и с материальностью. Непроявленный, невидимый принцип творения, персонифицированный в образах богинь, через эти образы оказывается сопряженным с видимым, проявленным аспектом космоса. Богини, персонификации энергийного принципа, являются отдельными божествами, но некоторые их черты и характеристики оказыва-

ются общими, и одни и те же определения и термины могут быть использованы для описания различных богинь, то есть их функции и даже персоналии (например, Сарасвати-Вач) частично пересекаются. Важно также, что богиням, связанным с материальностью, могут также приписываться силы, и, наоборот, принципы материальности и энергии жестко не разводятся. Таким образом, богини, связанные с материей, например, землей или водой, не пассивны, а те, что являются воплощениями энергийного принципа, связаны также и с материей. Мы видим, что связь принципа творения/проявления с самим проявленным миром присутствует в ведийской традиции на самых ранних этапах, и уже тогда персонификациями этого принципа были женские божества. Изначально это божества отдельные, индивидуальные, хотя многие их характеристики являются общими, в брахманах же наблюдается тенденция к отождествлению различных богинь, и через эти процессы кросс-идентификации все явственнее вырисовывается более общее понятие женского божественного начала. Индивидуальные богини становятся менее отделенными друг от друга, более тесно связанными друг с другом, а также с космогоническими процессами и космологическими структурами. «Личностный уровень этих божеств становится менее значимым, а на первый план выходят абстрактные черты и функции» [Pintchman, p. 43], развившиеся впоследствии в философские категории, которые играют важную роль в ортодоксальных системах индийской мысли.

В упанишадах наблюдается развитие терминов «майя» и «шакти» как философских категорий, что не отменяет их связи с женскими персонажами и пракрити, принципом материальности.

В Чхандогья-упанишаде продолжает развиваться связь энергии, на этот раз в виде жара (*tejas*), с богиней Вач. Корреляция между жаром-огнем и речью присутствует в разделах 6.6.4–5 [Упанишады. Кн. 3, с. 112], где утверждается, что тонкая сущность жара (*теджаса*) становится речью, когда жар поглощается, и что речь состоит из жара. Слово «теджас» означает не только жар, но и силу, и как жар, так и речь изображаются в качестве источника созидательной мощи, производящей космические воды. Принцип созидательной энергии или силы, порождающий принцип материи, находит затем отражение в пуранах, где шакти порождает пракрити. Последовательность огонь-вода находим в космогонии Чхандогья-упанишады (6.2.1–4) [там же, с. 110], где Сущее творит *теджас*, *теджас* творит воду, вода – пищу: *sat-tejas-ap-anna*. Превращение воды в пищу соответствует превращению воды в землю во многих ведийских фрагментах. В ЧхУп 6.4.6 [там же, с. 111] с этими элементами связываются три цвета; о тех же цветах говорится и в Шветашватара-упанишаде 4.5, где они приписываются «нерожденному женскому началу», *ajā*: «Нерожденная, единая, красная, белая и черная, производящая многочисленное потомство, подобное [ей]; и один нерожденный, получающий удовольствие, лежит рядом...» [Упанишады. Кн. 2, с. 123].

Упоминание единого женского начала, содержащего цвета гун, красный, белый и черный, и производство подобных ей существ, также соответствует более позднему описанию пракрити.

Пара, составленная сущностями или существами двух полов, часто встречается в Ведах, но в Шветашватаре следует обратить внимание на безличный харак-

тер описания и обозначение их как «нерожденных». Подобное описание встречается и в Майтри-упанишаде, где пракрити – объект наслаждения, состоящий из трех гун, наслаждающийся же – пуруша [там же, с. 146–147]. Практи и майя четко не разводятся, иногда даже отождествляются: «Священные стихи, жертвоприношения, обряды, обеты, бывшее, будущее и то, что говорят веды, – все это майин создал из него, в нем и другой связан майей. Знай же, что *пракрити* – майя и Махешвара – майин, весь этот мир пронизан существами – его членами» (ШвУп 4.9–10) [там же, с. 123].

В упанишадах принципы описываются как безличные, хотя их роль соответствует роли богинь в ведийской космогонии. И здесь энергийный принцип соотносится с материальной (или тонкоматериальной) субстанцией, из которой разворачивается проявление. Однако в упанишадах и Бхагавадгите уже проясняется связь между этими двумя принципами, так как между ними возникает связующее звено. Связующим звеном, или посредником, между понятием, обозначающим собственно силу, шакти, и принципом материальности, пракрити, оказывается майя, которая отождествляется в одних контекстах с шакти, в других – с пракрити. Термин «майя» может означать все три аспекта: силу, необходимую для творения или трансформации, акт творения или трансформации и материальную форму как результат этих процессов. Таким образом, пракрити оказывается лишь аспектом майи.

Заметим в скобках, что термин «майя» порой используется для обозначения уловок, обмана или иллюзии. К примеру, в Прашна-упанишаде: «Тем [принадлежит] тот непорочный мир Брахмана, в которых нет криводушия и неправды и нет майи» (1.15–16) [там же, с. 191]. Но в Бхагавадгите, в стихе «превосходя Свою природу (пракрити), я рождаюсь собственной майей» (БхГ 4.6) [Бхагавадгита, с. 138] термин «майя» означает не силу иллюзии, а некую принадлежащую Богу силу или его способность проявляться. Здесь пракрити – результат творения/трансформации, тогда как майя – сила или сам акт трансформации, т. е. по значению майя сближается с шакти. Шакти и пракрити оказываются стадиями манифестации. Отношения между этими понятиями в данном фрагменте отличаются от их отношений в санхье, где пракрити есть высшая причина творения, а шакти – ее аспект (способность пракрити разворачиваться из состояния мулапракрити, когда гуны находятся в равновесии, в состоянии активное и проявленное).

В упанишадах и Гите термин использовался как для обозначения творческой способности Бога, так и для продукта этого акта, сближаясь таким образом в одном смысле с шакти, в другом с пракрити. Пример последнего мы наблюдали в Шветашватара-упанишаде (4.10), также и в некоторых фрагментах Бхагавадгиты прослеживается отождествление пракрити и майи: «Божественна моя труднооборная из гун состоящая майя» (БхГ 7.14) [Бхагавадгита, с. 155].

Связь богинь с энергийным принципом в зачаточном состоянии присутствует в ведийской литературе. В брахманах появляется первое ясное проговаривание космогонического результата союза бога с его супругой, что особенно касается богинь Шачи и Вач. Обе связаны с мужскими божествами, союз с которыми ведет к творению мира, обе понимаются как способность богов к созиданию – мощь Индры и творящее слово Праджapati. Сочетание бога и богини видится

в брахманах как импульс, запускающий процесс эманации и проявления космоса. В Упанишадах можно найти отзвук этой концепции, описанной более отвлеченным языком: в Шветашватара-упанишаде 4.1 повествуется, как верховное божество порождает мир с помощью своей шакти: «Тот единый, лишенный цвета, посредством многообразной шакти творит, [согласно своей] скрытой цели, различные цвета, и в [котором] в конце и в начале сосредоточена вселенная, он – бог; да наделит он нас ясным постижением!» [Упанишады. Кн. 2, с. 122]. Это описание Бога, творящего посредством применения своей шакти, оказывается параллелью фрагментам брахман, где Праджапати творит в союзе с Вач. В другом стихе упоминается *devātmaśakti*, «сила божественной сущности»: «Следовавшие размышлению и йоге видели силу божественной сущности, скрытую собственными свойствами, что одна правит всеми этими причинами, связанными со временем и Атманом» (ШвУп 1.3) [там же, с. 115].

В других древних упанишадах шакти не упоминается. В исследовательской литературе [к примеру, Das p. 57] делается вывод, что здесь в упанишадах понятие шакти получает новый окрас, становится не просто силой, а специфически божественной силой, присущей высшему божественному началу, абсолюту.

Таким образом, мы находим в шрути две пары, где супруга представляет собой творящую или космогоническую силу бога (Индра и Шачи, Праджапати и Вач), а также понятие о едином абсолютном божестве, обладающем шакти, мощью.

Связь между принципом энергии, космогонической по своей природе силой, и женским началом, а также принципом материальности присутствует в ранних частях Вед. В Ведах материальность и сила ясно не разграничены: такие богини, как Вач или Вираджд, воплощают оба принципа. В постведийский период до конца классического появятся разные школы мысли, в которых эти принципы обнаруживаются в разработанном виде.

Понимание богини как персонификации энергийного принципа стало отличительной чертой ведийско-индуистского мировоззрения, поскольку в других азиатских традициях, включая происходящую из Индии буддийскую, женское начало ассоциируется лишь с принципом материальности, но в творении играет пассивную роль. Однако в священных текстах индуизма, шрути и смрити, богини оказываются не только материальной, но и действующей причиной мира: Вираджд, Вач, Шачи описаны как энергийный принцип, запускающий процесс творения.

Итак, древние ведийские женские фигуры с размытой индивидуальностью, представленные в качестве супруг богов или их аспектов (их способности творить), в упанишадах и эпосе (а затем в даршанах) трансформируются в абстрактную космологическую силу, присущую Богу как его творящая мощь. Процесс деперсонификации, казалось бы, сводил на нет возможность формирования религиозно-мифологического образа, воплощающего в себе энергийный принцип. В народных верованиях и культах в то же самое время или несколько позднее происходили обратные процессы: представления о безличной повсюду разлитой силе трансформировались в представления о персонализированном женском божестве (например, у тамилев развитие от безличной силы анангу к богине Анангу) [Хрущева, с. 174–176]. И хотя в целом предпосылки в шрути уже

присутствовали, для формирования концепции Богини/Шакти было совершенно необходимо, чтобы ко времени складывания пуран на абстрактные понятия упанишад стали накладываться локальные народные образы женских божеств. В пуранах сводятся воедино: ранневедийские представления о богинях как воплощениях силы мужских божеств, философский концепт шакти как космогонического аспекта абсолюта в упанишадах, и, наконец, представления о неведийских локальных богинях как средоточиях силы. Под влиянием неведийских традиций творческий импульс, сила, поддерживающая мир, и материальная основа мира сливаются в персонализированном божественном женском начале. Формируется пуранический образ Великой Богини, женский полюс божественного, который представлен либо в качестве супруги верховного божества, либо как само верховное божество (в шактистских пуранах).

Этот образ, безусловно, не являясь ни ведийским, ни брахманистским, происходит из автохтонных неортодоксальных традиций, но энергичный принцип, воплощенный в этом образе, присутствует и в ведийской традиции, причем начиная с самых ее истоков, т. е. с самхиты Ригvedы, вплоть до большинства брахманистских философских систем, относимых к ортодоксии.

Список литературы

- Атхарваведа (Шаунака) : в 3-х тт. Т. 2 : кн. VIII–XII / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой. М. : Вост. лит., 2007. 293 с.
- Бхагавадгита / Предисл. и пер. Б. Л. Смирнова. СПб. : «Кристалл», 2000 с.
- Ригведа: в 3 т. / пер. Т. Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1989–1999. 768 + 744 + 560 с.
- Упанишады: в 3-х кн. / пер. с санскр., предисл. и комментарий А. Я. Сыркина. М. : Вост. лит., 1992. 240 + 336 + 256 с.
- Хрущева П. В. Персонификации женской энергии // Зографский сборник. Вып. 5. Отв. ред. М. Ф. Альбедиль и Я. В. Васильков. СПб. : МАЭ РАН, 2016, с. 174–182.
- Шатапатха-брахмана. Кн. 2. М. : Изд-во РГГУ, 2017. 224 с.
- Das S.K. Śakti or Divine Power. Calcutta, 1934. 298 p.
- Gonda J. Four Studies in the Language of the Veda. The Hague : Mouton, 1965. P. 119–194.
- Goudriaan T. Maya Divine and human. Delhi : Motilal Banarsidass, 1978. 516 p.
- Pintchman T. The Rise of the Goddess in the Hindu Tradition. Delhi : Indian books center, 1997. 288 p.

References

- Atharvaveda (Shaunaka)* (2007). T. 2: VIII–XII / transl by T. Ia. Elizarenkova. Moscow, Vostochnaia literatura. 293 p.
- Bhagavadgita* (2000) / transl. by B. L. Smirnov. St Petersburg, “Kristall”. 512 p.
- Rigveda, in 3 vols.* (1989–1999) / transl. by T. Ia. Elizarenkova. Moscow, Nauka. Vols. 1–3. 768 + 744 + 560 p.
- Upanishady, in 3 vols.* (1992) / transl. by A. Y. Syrkin. Moscow, Vostochnaia literatura. Vols. 1–3. 240 + 336 + 256 p.
- Shatapatha-brahmana* (2017). Moscow, Izdatel'stvo RGGU. Vol. 2. 224 p.
- Das, S. K. (1934). *Śakti or Divine Power*. Calcutta. 298 p.
- Gonda, J. (1965). *Four Studies in the Language of the Veda*. The Hague, Mouton, pp. 119–194.
- Goudriaan, T. (1978). *Maya Divine and Human*. Delhi, Motilal Banarsidass. 516 p.
- Pintchman, T. (1997). *The Rise of the Goddess in the Hindu Tradition*. Delhi, Indian Books Center. 288 p.
- Khrushcheva, P. V. (2016). Personifikatsii zhenskoi energii [Personification of female energy]. In M. F. Al'bedil', Ia. V. Vasil'kov (Ed.) *Zografskii sbornik*. Vol. 5. St Petersburg, MAE RAN, pp. 174–182.

The article was submitted on 27.03.2020

УДК 94(31)

Д. А. Суровень

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ГОСУДАРСТВЕ ЯМАТО В СЕРЕДИНЕ 20-Х ГОДОВ IV ВЕКА И МЯТЕЖ ТАКЭ-ХАНИ-ЯСУ-БИКО

Часть 1-я

Аннотация. В статье проанализированы сведения японских источников о борьбе за власть в начале царствования государя Мимаки (Судзина) в древнеяпонском государстве Ямато середины 20-х годов IV века [исправленной хронологии], последовавшей после периода распада и беспорядков эпохи “восьми правителей” и нового воссоединения земель центральной Японии под властью данного монарха. Частью этой политической борьбы стал мятеж члена государева рода – принца Такэ-хани-ясу-бико. Государь Мимаки фактически не принадлежал к роду *О-удзи*, родоначальником которого считается основатель государства Ямато – государь Дзимму. Мимаки происходил из местной знати равнины Нара: из рода предков кланов Ходзуми-но *оми* и Мононобэ-но *мурадзи* – потомков выходца с острова Кюсю по имени Нигихаяхи-но *микото* и (по женской линии) – от местного вождя Томи-бико (другое его имя – Нагасунэ-бико), главы союза общин Кинай конца III века [испр. хрон.]. Это дало основания считать Мимаки основателем династии Мива. Археологические исследования и сведения источников позволили установить размеры и границы политики Мива, вступившей в борьбу с политией Сахо, находившуюся в сфере влияния вождя южной части равнины Киото – из области Ямасиро, подобного описанному в древнеяпонских источниках принцу Такэ-хани-ясу-бико (единокровному брату Мимаки), жившему в Ямасиро. Исследователи полагают, что это был конфликт между двумя областями Ямато и Ямасиро за контроль над центральными землями Кинай или, что более вероятно, за контроль над северным – северо-восточным торговым маршрутом. На склоне Вани-но Такэсүки-но *сака* (границе политий Мива и Сахо) одному из военачальников государя Мимаки – *О-бико* (чьё имя упомянуто в надписи на мече из Инарияма 471 года) стало известно о подготовке мятежа принца Такэ-хани-ясу-бико. Принцесса-жрица Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ знала такие подробности о заговорщиках, которые указывали на ее посвященность в дела мятежников. Однако ей удалось отвести от себя подозрения, т. к. она выдала планы мятежников. Разгром мятежников создал благоприятные условия для окончательного устранения духовного лидера оппозиции – принцессы-жрицы Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ, которая была дискредитирована идеологически, а потом, видимо, ритуально умерщвлена и похоронена в кургане Хасихака, чьи размеры и ориентация указывают на очень высокий статус «хозяина» могилы. После насильственной смерти принцессы-жрицы Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ препятствия планам государя Мимаки относительно создания нового культа богини солнца (покровительницы правящей династии и государства Ямато) с правителем-жрецом во главе были устранены.

Ключевые слова: древняя Япония, Ямато, Мимаки, Судзин, политическая борьба, верховная жрица.

Dmitriy A. Surowen

POLITICAL STRUGGLE IN YAMATO STATE IN MID-20^S OF 4TH CENTURY AND TAKE-HANI-YASU-BIKO REBELLION Part 1st

Annotation. In this article, data of the Japanese sources on fight for power at the beginning of reign of the sovereign Mimaki (Sūjin) in the ancient Japanese Yamato state during the mid-

dle of the 20s years of the 4th century AD [the corrected chronology] which followed after the period of disintegration and disorders of an era of “the eight rulers” and new reunion of lands of the central Japan under the power of this monarch are analyzed. Part of this political struggle was the rebellion of a member of the monarchic family, prince Take-hani-yasu-biko. As it is clear, the ruler Mimaki, in fact, did not belong to the genus *Ō-uji*, the ancestor of which is considered the founder of the state Yamato – the ruler Jimmu. Mimaki came from the local nobility of the Nara plain: from the family of ancestors of Hozumi-no *omi* and Mononobe-no *muraji* – the descendants of the native from the Kyushu island by name Nigi-hayahi-no *mikoto* and (in the female line) – from the local leader Tomi-biko (other his name – Nagasune-biko), heads of the union of Kinai communities during the late 3rd century AD [the corrected chronology]. Therefore, scholars began to consider Mimaki as the founder of the Miwa dynasty. Archaeological research and historical sources allowed to determine the size and boundaries of the Miwa polity that came into the fight against the Saho polity, which was in the sphere of influence of the leader of the southern part of the Kyoto Plain – from the Yamashiro region, similar to prince Take-hani-yasu-biko (Mimaki’s half-brother, who lived in Yamashiro) who described in ancient Japanese sources. The researchers seem, that a conflict have been between two areas – Yamato and Yamashiro for control of the central Kinai lands or, more likely, for control of the northern and northeastern trade routes. On the slope Wani-no Takesuki-no *saka* (the border of the Miwa polity and Saho polity), one of the military commanders of the ruler Mimaki – Ō-biko (whose name is mentioned in the Inariyama sword inscription of 471 AD) became known about the preparation for the rebellion of prince Take-hani-yasu-biko. Princess-priestess Yamato-toto-hi-momo-so-bime knew such details about the conspirators, which pointed to her dedication to the affairs of the rebels. However, she managed to recuse herself from suspicion because she issued rebel plans. Defeat of rebels created favorable conditions for final elimination of the spiritual leader of opposition – princess-priestess Yamato-toto-hi-momo-so-bime who was discredited ideologically, and then, probably, is ritually destroyed and buried in the Hashihaka mound tomb whose sizes and orientation indicate very high status of owner of the grave. After the violent death of princess-priestess Yamato-toto-hi-momo-so-bime, the obstacles to the plans of ruler Mimaki to create a new cult of the goddess of the sun (the patron of the ruling dynasty and the Yamato state) headed by the priest ruler – were removed.

Key words: ancient Japan, Yamato, Mimaki, Sūjin, political struggle, supreme priestess.

Процесс формирования ранней *государственности* в Центральной Японии происходил в конце III – начале IV вв. н. э.¹. События завоевания Центральной Японии выходцами из Кюсю (где государственность появилась раньше,

---

¹ Большинство исследователей, основываясь на анализе археологического материала, культурологических данных и подробностях Восточного похода Дзимму в изложении «Нихон-сёки» и «Кодзики», датируют завоевание Кинай людьми из Кюсю рубежом III–IV веков н.э., но не ранее. – См. : [The Cambridge... p. 116; Kanzaki, p. 3; Исии, 1999, с. 54; Исии, 2000, с. 31, 37; Арутюнов, с. 10; Светлов, 1985, с. 15; Воробьев, 1980, с. 108, 65, 106]; Ясумото Битэн предлагает следующие годы для Дзимму: 271–311 годы н.э. [Воробьев, 1980, с. 28]. Если принять за точку отсчета 51-й год цикла (*киноэ-тора*) – год начала восточного похода Дзимму, в который он ушел в возрасте 45 лет (Нихон-сёки, св. 3-й, год *киноэ-тора* [51-й год цикла]; Nihongi, III, 2) [Нихон-сёки, 1997, с. 178; Nihongi, I, p. 110], то первый год похода будет приходиться на 294 год, а год рождения Дзимму – на 249 год [испр. хрон.]. По «Нихон-сёки», “Восточный поход” Дзимму длился шесть лет: с 51-го по 57-й годы цикла. В конце III в. н.э. период с 51-го по 57-й годы цикла приходится на 294–300 годы (См.: [Цыбульский, С. 91–92]). Как указывают исследователи, именно в период с 294 по 300 годы в «Самкук-саги» никаких упоминаний о японцах нет, именно в период с 295 по 300 годы (по «Самкук-саги») прекращаются набеги *вожэнь* (японцев) на Корею (Арутюнов, с. 10; Воробьев, 1980, с. 109). Таким образом, хотя в корейских источниках прямых указаний на время Восточного похода Дзимму нет, тем не менее, по всей видимости, косвенное указание обнаруживается. – Подробнее см. : [Суровень, 2015 а, с. 136–220; Суровень, 1998 б, с. 175–198].

в I–III вв¹.), по мнению большинства исследователей, находит подтверждение в археологическом материале и относится к позднему периоду *яёй* [The Cambridge... p. 102; Итō, с. 6; Barnes, p. 132–137; Фурута; Furuta]. Кроме того, описание географических объектов в разделах о походе Дзимму в «Кодзики», «Нихон-сёки» и «Кудзи-хонки» отражает реалии конца периода *яёй*².

В 2000 году японский исследователь Тэрасава Каору, на основе анализа керамики, каменного материала, в сопоставлении с географией их распространения – пришел к выводу, что на равнине Нара в период позднего *яёй* существовало, по меньшей мере, три скопления археологических объектов: (1) в районе Сики на юго-востоке; (2) в районе Кадзураки на юго-западе и (3) в районе Соу на севере [Barnes, p. 152]. Получалось, что в период позднего *яёй* в бассейне реки Нара было три *территориальных общины* – в Сики (на юго-востоке равнины Нара), в Кадзураки (на юго-западе равнины Нара) и в Соу (позднее – район Сахо на севере равнины Нара).

Идеи Тэрасава Каору были развиты Джиной Л. Барнс, которая пришла к выводу, что археологические материалы содержат серьезное свидетельство того, что равнина Нара не была однородным социальным пространством. По ее мнению, существовали разные группы людей, которые оказали определенное воздействие на социально-политическое развитие уже теперь периода *кофун* [Barnes, p. 152].

Археологи установили, что шесть древнейших курганных захоронений начального периода Ямато³, находившиеся у подножия горы Мива [района зарождения государства Ямато] (в том числе и курган Андон-яма в Тэнри, теперь считающийся местом захоронения Сūdзина [длиной 240 м]), построены между 250 и 350 гг. [The Cambridge... p. 116–117; см.: *Мацумото*, II, с. 39]. Курган, в котором захоронен Сūdзин, расположенный в южной части древней дороги *Ямабэ-но мити*, датируется японскими археологами **началом (первой половиной) IV века н. э.** [Светлов, 1994, с. 22, с. 23 фото; Barnes, p. 95]. Следовательно, царствование государя Сūdзина (известного также под прижизненным именем Мимаки-ири-бико или просто Мимаки) должно относиться к периоду между 250–350 годами. Следовательно, Мимаки (Сūdзин) должен был жить и править во второй половине III – начале IV вв. [Нихон-дзэнси, с. 314; Сано, с. 56, 103; Ямао, с. 182; Ishii, p. 7–8; Воробьев, 1980, с. 65, см. также: с. 23; Конрад, с. 29; Hashimoto, p. 7; см.: *Воробьев, 1958, с. 71; Ellwood, p. 199, 200*]. В средневековом комментарии (1258 г.) к «Кодзики» указывалось, что год смерти Мимаки приходится на год *цутиноэ-тора* (15-й год цикла) [Кодзики, 2001, с. 192]. Этот год во второй половине III – начале IV вв. н. э. выпадает на 258 или 318 год [Хиго, с. 12–13; Кодзики,

¹ См. подробнее: [Суровень, 1995, с. 150–175; Суровень, 2019 а, с. 110–268].

² Очертания береговой линии в Осакского залива в период *яёй* отличались от современной. Море дальше вдавалось в сушу, соединяясь с ныне не существующим озером Кавати. Именно такую береговую линию описывают источники в разделах о Восточном походе Дзимму [Кодзики, 2001, с. 145; Итō, с. 6; Barnes, p. 137, fig. 6.3a; Фурута; Furuta].

³ Это: (1) курган Хасихака в городе Сакураи (280 м длиной); (2) курган Ниситонодзука в городе Тэнри (230 м); (3) курган Тоби Тяусу-яма в Сакураи (207 м); (4) курган Мэсури-яма в Сакураи (240 м); курган Андон-яма в Тэнри, теперь считающийся местом захоронения Сūdзина (240 м); (6) курган Сибутани Муко-яма, известный как могила Кэйкō (310 м) [The Cambridge... p. 114].

1968, с. 14; см. также: Japan... р. 17; Кодзики, 2001, с. 193, п. 13; Ishii, р. 7–8; см. : Воробьев, 1980, с. 23; Ellwood, р. 199, 200, 209, 210], из которых наиболее приемлемой следует считать вторую дату (318 г.) [см. : Кодзики, 1994, с. 121, п. 49; Ellwood, р. 209; Воробьев, 1980, с. 23, табл. 1], совпадающую со временем образования Ямато¹. Но проблема заключается в том, что предлагаемая в «Кодзики» хронология относится к XIII веку и связана не с авторами «Кодзики», а с поздними комментаторами этого исторического труда [Хиго, с. 12–13]. Кроме того, можно полагать, опираясь на некоторые особенности древнеяпонской хронологии и отличия датировок в эпиграфических надписях, в данный период могло применяться несколько разных систем летосчисления, чьи циклические обозначения могли различаться².

Если исходить из циклических обозначений «Нихон-сёки» и «Кудзи-хонки», то начало правления Мимаки приходится на год *киноэ-сару* (21-й год цикла)³, выпадающий в начале IV века на **324 год** [Цыбульский, с. 96]. Видимо, этот год и следует признать реальным началом правления **Мимаки** (Судзина, **324–331 годы** [испр. хрон]).

После вступления на престол государя Мимаки, видимо, в 325 году [испр. хрон.] произошли события, получившие название **мятежа принца Такэ-хани-ясу-бико**. Поскольку данные события слабо исследованы, прежде всего, в западной и российской исторической науке, то необходимо собрать и тщательно проанализировать сведения японских источников об этом периоде в истории Ямато.

О происхождении государя Мимаки в «Нихон-сёки» сообщается следующее: «Его мать звалась Икагасикомэ-но *микото* и была дочерью Опо-пэсоки, далекого предка рода *Мононобэ*»⁴. Однако в «Кодзики» Икагасикомэ названа дочерью Уцусикоо (др.-яп. Утусиково) из рода *Ходзуми-но оми* [Кодзики, 1994, с. 50, 49]. Причем в разделе «Дзимму-ки» в «Кодзики» предком родов *Ходзуми-но оми* (др.-яп. Подуми-но *оми*) и *Мононобэ-но мурадзи* назван Умасимади – сын Ниги-хаяхи (др.-яп. Ниги-паяпи, выходца с острова Кюсю середины III века [испр. хрон.] [Исии, 2000, с. 27, 28, 30; Исии, 1999, с. 52, 54]) и Томи-бимэ (младшей сестры Томи-бико [он же: Нагасунэ-бико] – главы союза общин Кинай конца III века н.э. [испр. хрон.]) [Кодзики, 2001, с. 156; Кодзики, 1994, с. 41]. Уцусикоо считался потомком Умасимади, а его клан был продолжением сильнейшего рода

¹ [Ellwood, р. 199, 200, 209, 210]. О реконструкции хронологии см.: [Суровень, 2015 а, с. 136–220; Суровень, 1998 б, с. 176, 180–183, 195; Суровень, 1998 с. с. 193–194; Суровень, 1998 а, с. 160–167].

² Так, например, в **корейском источнике «Пэкче-синчхан»**, использованном составителями «Нихон-сёки», была применена **неправильная датировка** по циклическим знакам **с ошибкой в 26 лет** (истинный 32-й год цикла – *ошибочный* 6-й год цикла = 26 лет), т. е. 60-летний цикл оказался **смещен** от истинных показателей **на 26 лет вглубь времен** – поэтому в «Пэкче-синчхан» получилось, что событие 455 года в циклических обозначениях оказывалось удревнено до 429 года. – Подробнее см. : [Суровень, 2019 б, с. 22–46; Суровень, 2019, с. 36–37].

³ [Нихон-сёки, 1997, с. 207]; 「元年【甲申】 <…> 是年也 太歳甲申。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 157, 158]; 「崇神天皇。<…> 元年歳次甲申…」 [Кудзи-хонки, 1901, с. 334–335].

⁴ 「母曰伊香色謎命。物部氏遠祖大綜麻杵之女也。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 157; Нихон-сёки, 1997, с. 206].

Центральной Японии конца периода *яёй*. Основным местом жительства клана *Ходзуми-но ами* была община (яп. *мура*) Ходзуми в уезде Ямабэ в провинции Ямато [Кодзики, 2001, с. 156, п. 5]. Таким образом, клан Ходзуми-но ами стал, фактически ветвью влиятельного рода Томи-бико – рода главы объединения общин Кинай конца III века н. э. [испр. хрон]. В свою очередь, Томи – это название местности и общины–гегемона, находившейся под управлением Нагасунэ-бико (современная местность Томи-о на территории города Нара) [Кодзики, 2001, с. 143, п. 15], как раз там, где располагалось владение отца Мимаки – локального правителя Кайка (9-го в официальной генеалогии)¹. Здесь – в Северном Ямато и был рожден Мимаки.

Исходя из всего вышесказанного, получается, что, с точки зрения матрилинейно организованного рода государей Ямато, Мимаки, фактически, не относился к династии Ямато (род прямых потомков государя Дзимму, основателя государства Ямато – носил название *Ō-удзи*, досл. «Великий род»)². Мимаки же происходил из рода предков кланов Ходзуми-но ами и Мононобэ-но *мурадзи*, ведущих родословную от Ниги-хаяхи-но *микото* (о котором сказано: «Он – дальний предок рода Мононобэ») [Нихон-сёки, 1997, с. 190]). Ниги-хаяхи (также как и Дзимму) являлся выходцем с острова Кюсю (он прибыл в Центральную Японию в середине III века н. э.³ [испр. хрон.] еще *до* Восточного похода Дзимму, 294–300 годов [испр. хрон.]⁴) [см.: Нихон-сёки, 1997, с. 190; Nihongi, II, p. 427, n. 110; Исии, 2000, с. 27, 28, 30; Исии, 1999, с. 52, 54].

Следует отметить, что Мимаки породнился с кланом Овари-но *мурадзи* (др.-яп. *Вопари-но мурази*), из которого происходили локальные правители *Кōсэ* (5-й) и *Кōан* (6-й). Мимаки взял в младшие жены (яп. *кōхи*)⁵ женщину по имени Овари-но *Ō-ама-химэ* (др.-яп. *Вопари-но Опо-ама-пимэ*) [другое имя *Кацураги-но Таканахимэ*] – по сведениям «*Кудзи-хонки*», современницу *Кōсэ* и *Кōана*⁶ (*Кудзи-хонки*, св. 5-й [3] «Генеалогия клана Овари», 7-е поколение). В «Нихон-сёки» о ней сказано: «...Младшая супруга (др.-яп. *ни*, яп. *хи*) *Вопари-но Опо-ама-пимэ*. (В одном [толковании] сказано, [что она] дочь *Опо-ама-но сукунэ* [по имени] *Я-сака-пуру*

¹ О «восьми правителях» подробнее см.: [Суровень, 1999, с. 89–113].

² Название рода *Ō-удзи* (др.-яп. *Опо-уди*) записывалось разными иероглифами: 「多・大・太・於保・意富・飯富・飢富」, но основное написание, утвердившееся в VIII–X веках 多 (др.-яп. *Опо*): 多(おお)氏 др.-яп. *Опо-уди*, совр.-яп. *Ō-удзи* – досл. “Великий род”. – См.: [Ō-удзи кō]. К древнему роду *Ō-удзи* (др.-яп. *Опо-уди* – “Великий род”) принадлежал составитель «Кодзики» – *Ō-но Ясумаро*, чьи предки возводили своё происхождение к государю Дзимму и его сыну – *Каму-яви-мими*: ([77] 左京、皇別): 「多朝臣、出^レ自 謚 神武 皇子、神八井耳命之後 也。日本紀 合。」 [Синсэн-сёдзи-року, 1962 а, с. 163]; ср.: 「多朝臣(おほのあそみ)。謚は神武の皇子、神八井耳命の後より出づ。日本紀に合へり。」 (св. 2-й, *Ō-но асони*) [Синсэн-сёдзи-року, 1962 б].

³ См.: [Исии, 2000, с. 27, 28, 30, рис. 4; Исии, 1999, с. 52, 54].

⁴ Подробнее см.: [Суровень, 2015 а, с. 136–220; Суровень, 1998 б, с. 176–195].

⁵ 皇妃 яп. *кōхи* – кн. императрица ([БЯРС, т. II, с. 500]). – [Кудзи-хонки, 1901, с. 257]; ср.: 皇妃 кит. *хуánфэй* – наложница императора; 皇女 кит. *хуán-нйой* – принцесса [БКРС, т. II, с. 162]; где 妃 яп. *хи* – в сочет. императрица, принцесса [ЯРУСИ, с. 170].

⁶ 「妹、大海姫命。【亦名、葛木高名姫命。】此命、磯城瑞籬宮御宇天皇【崇神】立為^レ皇妃、誕生^レ一男・二女。」 – [Кудзи-хонки, 1901, с. 256–257].

Ама-иробэ)»¹ (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 1-й год пр.). В «Кодзики» *О-ама-химэ*² названа предком клана Овари-но *мурадзи*³ (Кодзики, св. 2-й, Сүдзин). Если верить Икэда Дзиндзё, в Нагоя, в чайной беседке у западных ворот крепости, есть эпиграфическая надпись неизвестного происхождения, из содержания которой можно сделать вывод о том, что Опо-ама-пимэ-но *микото* была 278 года рождения [испр. хрон.], так как в надписи сказано, что она умерла в 14-й день 9-й луны года *каноз-тора* (27-го года цикла) [в 330 году⁴ испр. хрон.] в возрасте 52 лет. Полагают, что Опо-ама-пимэ-но *микото* похоронена на территории Восточного дворца Овари (яп. Овари-но Хигаси-но *мия*) области Овари⁵.

О талантах Мимаки в источнике сообщается следующее: «У него были отменные способности к познаниям, и с детства его замыслы отличались отвагой и доблестью. Когда он повзрослел, то мыслил широко и был осмотрителен, почитал богов Неба, богов Земли и постоянно готовился к тому, чтобы унаследовать и перенять Небесные деяния» [Нихон-сёки, 1997, с. 206]. Следовательно, еще в молодости (во времена до Восточного похода Дзимму, т. е. до 294 г. [испр. хрон.]⁶) Мимаки начал вынашивать идею объединения под своей властью Центральной Японии.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. После периода борьбы за власть, последовавшей после смерти Дзимму (316 год [испр. хрон.]) – периода «восьми правителей» (316–324 годы [испр. хрон.]), к власти пришел представитель боковой женской линии из рода потомков Ниги-хаяхи – предка кланов Ходзуми-но *оми* и Мононобэ-но *мурадзи*. Его звали *Мимаки-ури-бико* (ему тогда уже был 61 год⁷). Он происходил из общины Ходзуми в Северном Ямато (селение Ходзуми-но *мура* уезда Ямабэ провинции Ямато [Кодзики, 2001, с. 156, п. 5]).

Государь Мимаки восстановил контроль над Центральной Японией и провел реформы, укрепившие режим Ямато. Он впервые, после Дзимму, после периода

¹ 「妃 尾張大海媛。【一云: 大海宿禰ノ女 八坂振天某邊。】」 [Нихон-сёки, 1957, с. 158]. В русском переводе допущена путаница, поэтому сведения толкования отнесены к предыдущей жене из области Ки. – См. : [Нихон-сёки, 1997, с. 206].

² 「意富阿麻比賣」 др.-яп. *Опо-ама-пимэ*, совр.-яп. *О-ама-химэ* [Кодзики, 2001, с. 180].

³ 「尾張連之祖、意富阿麻比賣」 [Кодзики, 2001, с. 180; Кодзики, 1994, с. 55].

⁴ См. : [Цыбульский, с. 97].

⁵ 名古屋城西門茶室 (墓碑所在箇所等) 意富阿麻比賣命/崇神妃 (陵主名) 庚寅年、9月、14日、52 (没年月日墓年) 尾張東之宮(?) (古墳名等) [Кофун то рёсю – 2].

⁶ О хронологии подробнее см. : [Суровень, 2015 а, с. 136–220; Суровень, 1998 б, с. 176–195].

⁷ 324 год н. э. – 263 год н. э. (год рождения) = 61 год. В «Нихон-сёки» и «Кудзи-хонки» содержится материал, который позволяет высчитать дату рождения и возраст правителей *Мимаки* (Судзина) и *Икумэ* (Суйнина). Во вводной части 6-го свитка «Нихон-сёки» о сыне Мимаки – *Икумэ* (Суйнине) и в разделе «Суйнин-тэннō» 7-го свитка «Кудзи-хонки» указано, что Икумэ родился в 29-й год Мимаки, в год *мидзуноэ-нэ* (壬子, 49-й год цикла): 「天皇以 御間城天皇, 廿九年 歲次壬子 春 正月 己亥朔。生^レ於瑞籬宮。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 175]; 「垂仁天皇。諱、活目入彥五十狹茅尊者、御間城入彥五十瓊殖天皇, 第三子也。<...> [御間城入彥五十瓊殖]天皇, 二十九年 歲次壬子 春 正月、己亥朔、生^レ於 瑞籬宮。」 [Кудзи-хонки, 1901, с. 337]. Обычно обозначение «29-й год Мимаки» (вслед за составителями источника) понимается как «29-й год правления Мимаки». Но, по нашему мнению, это указание на возраст Мимаки (Судзина), которое нужно понимать так: «Икумэ родился тогда, когда Мимаки было 29 лет (отроду), или в 49-й год цикла (*мидзуноэ-нэ*)». На рубеже III–IV веков 49-й год цикла приходится на 292 год [испр. хрон.]. Следовательно, если в 292 году Мимаки было 29 лет, то он родился в 263 году [испр. хрон.] (292 год н. э. – 29 лет = 263 год н. э. [испр. хрон.]).

«безвластия» стал реально править вновь воссозданным единым государством, за что получил (как и Дзимму) прозвище «впервые правивший страной» [Нихондзэнси, с. 314; Akima, p.140, n. 26]. Исследователи предлагают интерпретировать данную фразу как *величальную формулу* первого правителя [Кодзики, 1994, с. 121]. С Мимаки (Судзина) началась новая династия, в силу чего в «фудоки» (где был собран материал из местных преданий и местных письменных источников) Мимаки открывает череду монархов Ямато. «А во времена царствования “*впервые правившего страной*” царя Мимаки¹ были преподнесены дары...» [Древние фудоки, с. 47] (Хитати-фудоки, уезд Касима). Сходным образом (как «впервые правивший страной»²) обычно истолковывается вслед за чтениями комментаторов запись в «Кодзики»³.

Однако фраза «Кодзики», может быть по значениям иероглифов переведена иначе. «Поэтому, восхваляя это царствование [государя Мимаки], говорили, что небесный повелитель (*сумэра-микото*) Мимаки, который *правил* (др.-яп. *сирасиси*)⁴ (заново) начавшейся страной (яп. *хацу-куни*, кит. *чү го*)⁵». Следует обратить внимание на то, что иероглиф *чү* (яп. *сё / хацу*) имеет только именные формы – прилагательного, наречия и существительного. В положении перед существительным “страна, государство” (кит. *го*, яп. *куни*) знак “*чү*” выступает в роли определения – “начальный; начавшийся; первый; первичный” [БКРС. т. III, с. 399]. Это предположение, как видно, подтверждается фразой из «Хитати-фудоки». «Небесный повелитель Мимаки, являющийся правителем (яп. *ти*) того, что [зывается] (заново) начавшейся страной»⁷ (Хитати-фудоки, уезд Касима). И в «Кодзики», и в «Хитати-фудоки» использованы разные виды именных комплексов *камбуна* (кит. *вэньня*) со служебным словом *сё* (яп. *сё / токоро*)⁸, который широко применялся в книжном языке *в функции определения к существительному, обозначающему субъект действия* (в «Кодзики») или *объект действия* (в «Хитати-фудоки») *глагола этого комплекса*. Такое определение может быть обособленно

¹ 「初國所知 美麻貴天皇」 яп. *хацукуни сирасиси Мимаки-но сумэра-микото* – досл. «впервые правивший страной государь Мимаки» [Хитати-но куни-но фудоки, 1930, с. 91; Хитати-но куни-но фудоки, 1958. с. 6; см. : Древние фудоки, с. 47, 161, п. 10; С. 248; Ellwood, p. 200].

² 「...謂^レ所知^レ初國之 御真木天皇也。」 [Кодзики, 2001, с. 192; Кодзики, 1968, с. 100].

³ Ср. : «Посему восславили это царствование и назвали государя Небесным владыкой Мимаки, *первым страной управлявшим*» [Кодзики, 1994, с. 59].

⁴ 知 др.-яп. *сирасиси*, яп. *ти*, кит. *чжй* – гл. 1) знать... 2) знать толк (в чем-л.); понимать... 5) ведать, заведовать, управлять; быть правителем... [БКРС, т. II, с. 416].

⁵ Исследователи читают иероглифы 初國 *чү го* по-японски как *хацу-куни* ([Кодзики, 2001, с. 192; Кодзики, 1968, с. 100]); где 初 в соч.: яп. *сё*; 初^レ яп. *хацу-но* – первый; новый; 初^レ яп. *хацу-ни* – впервые... – См. : ЯРС, с. 142; ЯРУСИ, с. 102–103]; 初 яп. *сё*, кит. *чү* – прил./ наречие 1) начальный; начавшийся; первый; первичный... 2) сперва; сначала; первоначально; впервые; заново [БКРС, т. III, с. 399].

⁶ 「故、稱^レ其御世、謂^レ所知^レ初國之 御真木天皇也。」 [Кодзики, 2001, с. 192; Кодзики, 1968, с. 100].

⁷ 「初國所知 美麻貴天皇」 яп. *хацукуни сирасиси Мимаки-но сумэра-микото* – досл. «впервые правивший страной государь Мимаки» [Хитати-но куни-но фудоки, 1930. С. 91; Хитати-но куни-но фудоки, 1958. С. 6].

⁸ 所 яп. *сё*, кит. *сё* [БКРС, т. II, с. 734].

от своего определяемого посредством служебного слова *чжи* (яп. *но*)¹. На русский язык перевод такого комплекса в функции определения производится: а) путем построения определительного придаточного предложения при помощи местоимения “*который*” – в различных косвенных падежах (иногда с предлогами); б) при помощи причастия соответствующего глагола [БКРС, т. II, с. 734, 733].

Определенную ясность в этот вопрос может внести величальная формула из «Нихон-сёки». Там она звучит иначе: «Поэтому именовали [этого государя] “небесным повелителем, управлявшим государством (яп. *гё-ситэ*) [и] **основавшим династию** (государство) (яп. *тёкоку*)”»³ (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 12-й год пр., 9-я луна)⁴. Ученые обращают внимание на то, что «Нихон-сёки» **не провозглашает** Мимаки *первым государем*, и его прижизненное имя не дает оснований для такого предположения [Нихон-сёки, 1997, с. 440, п. 26]. Источник только утверждает, что Сүдзин основал **новую династию**. Исследователи обратили внимание на то, что существует множество связей между событиями царствования государя Сүдзина и горой Мива, о чем существуют записи в ранних текстах. Это наблюдение привело современных исследователей к тому, что они стали употреблять наименование «двор Мива» для обозначения династии, предположительно основанной данным правителем, следы которой ныне видимы в виде множества ранних курганов, сконцентрированных в местности у горы Мива [Edwards, p. 80].

Именно поэтому существует точка зрения, согласно которой Дзимму был первым правителем, а Сүдзин учредил государственную систему и упорядочил политическую и ритуальную сферы деятельности раннего Ямато [Кодзики, 1994, с. 121, п. 48]. Примечательно, что правитель Икумэ (Суйнин) в разговоре со своим приближенным сказал о своем отце (Сүдзине): «[Он] укрепил (заранее обдумал) [систему] руководящих административных органов»⁵ (Нихон-сёки, св. 6-й, Суйнин, 25-й год пр.; Nihongi, VI, 14–15)⁶. В пользу того, что Дзимму и Сүдзин хронологически связаны между собой, может свидетельствовать фраза «Нихон-сёки» из речи Кэйтая в 530 года, где он ссылается на события царствования этих государей: «Начиная от

¹ 之 яп. *но*, кит. *чжи* [БКРС, т. II, с. 734].

² 肇 яп. *тё*, кит. *чжэо* – 1) зачинать; закладывать начало; впервые учреждать создавать; выступать зачинателем... 肇國 яп. *тёкоку*, кит. *чжэо-гё* – основать государство (династию) [БКРС, т. II, с. 901].

³ 「故稱謂御肇國天皇也。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 168]; где 御 яп. *гё*, кит. *юй* – господствовать [над страной]; управлять [государством]; возглавлять... [БКРС, т. II, с. 760]. Ср. : «Поэтому и стали называть [этого правителя] – “государь, что священной страной правил”» [Нихон-сёки, 1997, с. 215].

⁴ Ср. : «Поэтому и стали называть [этого правителя] – “государь, что священной страной правил”» [Нихон-сёки, 1997, с. 215]. «Therefore he received the title of “The Emperor, the august founder of the country”» – «Поэтому он получил титул “Император, священный основатель страны”» [Nihongi, I, p. 161]. Исии Рёсүкэ приводит величальную формулу *амэносита-сиросимэсу-сумэрамикото*, которую он истолковывает как «тот, кто при помощи божественного предписания **держал Поднебесную воедино**», или «тот, кто при помощи божественного полномочия правил Японией» [Ishii, p. 9].

⁵ 「綱繆機衡。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 184]; где 綱繆 яп. *тёбю*, кит. *чюуляо (мю)* – ...3) закреплять, укреплять; 4) заранее обдумать, заблаговременно подготовиться... [БКРС, т. III, с. 273]; 機衡 яп. *кикё*, кит. *цзй-хэн* – ...2) руководящий административный орган [БКРС, т. IV, с. 265].

⁶ В. Г. Астон перевел: «He adjusted the machinery of Government» – «Он устроил механизм управления (правительства)» [Nihongi, I, p. 175; ср. : Нихон-сёки, 1997, с. 226].

микадо (кит. *dì*)¹ И парэ-бико (т.е. государя Дзимму – С. Д.) [и] [*ō*]-кими (кит. *ван*) Мимаки все [правители] полагались на [имеющих] обширные познания подданных (яп. *хакубуцу-но оми*)² ... Опобико (совр.-яп. *Ō*-бико – сын Кōгэна, дядя Сūdзина и, видимо, его помощник; упомянут в эпитафической надписи на мече из Инарияма 471 года³ – С. Д.) настойчиво разъяснял (яп. *син* / *мōситэ*, кит. *шэнь*) замыслы (яп. *ряку*, кит. *люэ*), и вслед за этим (яп. *сйкосйтэ*, кит. *эр*) [Мимаки-ири-бико по прозвищу] Иниэ воплощал (яп. *мотиита*, кит. *юн*) – [страна] процветала»⁴. Примечательно в этой фразе то, что Дзимму и Сūdзин указаны Кэйтаем как **правители, идущие друг за другом**. То есть в первой половине VI века их не воспринимали как государей, «разделённых» сотнями лет царствований «восьми правителей» (по официальной хронологии). Кроме того, к Дзимму применен иероглиф *dì* (яп. *тэй*; прочитанный комментаторами как *микадо*) [Нихон-сёки, 1957, с. 30], имеющий значения «император, монарх», (*реже*:) «небесный царь, верховный владыка; бог, божество» и «обожествлённая душа предка; посмертное имя императора»⁵. Сūdзин же имеет титул [*оно*]-кими ([*ō*]-кими, кит. *ван* – монарх, государь, правитель), который действительно носили правители государства Ямато в IV–VI вв. н. э. [Светлов, 1994, с. 36; Мацумото, т. III, с. 18; т. IV, с. 16] (как это видно и из эпитафических надписей V века). А Дзимму выступал для него как *dì* (яп. *тэй*, т. е. уже умерший “монарх–предок”, чья душа стала обожествляться потомками). Мимаки, фактически, стал первым государем династии Мива [см. : Barnes, p. 9], основанной им после периода распада государства Ямато – после периода «восьми правителей».

При вступлении на престол (в 324 году [испр. хрон.]) жена Мимаки и одновременно его родная младшая сестра – *Мимаки-химэ* (другое имя Мима-цу химэ)⁶, была назначена главной женой (“императрицей” – яп. *кйсаки*, кит. *хоу*). На тот момент Мимаки-химэ уже успела родить шестерых детей (Нихон-сёки, св. 5-й, Сūdзин, 1-й год пр., 2-я луна; Nihongi, V, 1; Кодзики, св. 2-й, Сūdзин [Кодзики, 1994, с. 55]). При анализе сведений, обнаруженных Икэда Дзиндзō (если доверять им), мы приходим к выводу, что Мимаки-химэ была 274 года рождения [испр. хрон.], так как, по сообщ-

¹ 帝 яп. *тэй* / арх. *микадо*, кит. *dì* – *суц*. 1) император... монарх... 3)* небесный царь, верховный владыка; бог, божество... 4)* обожествленная душа предка; посмертное имя императора [БКРС, т. III, с. 306–307].

² 「博物之臣」 яп. *хакубуцу-но оми* – досл. «подданные, [имеющие] широкие познания» ([Нихон-сёки, 1957, с. 30]); где 臣 яп. *син* / *оми* – подданный... [ЯРУСИ, с. 493]; 臣 др.-яп. *оми*, кит. *чэнь* – 1)... подданный... 2) министр; сановник; чиновник (*только в монархиях*) [БКРС, т. II, с. 328]; 博物 яп. *хакубуцу*, кит. *бóу* – 1) обширные познания, эрудиция... [БКРС, т. III, с. 59].

³ 「意富比埜」 – Цит. по: [Ямао, с. 362; Кавамото, с. 45; Китамура, с. 9; Murayama, Miller, p. 421–422; Мещеряков с. 73–74; История... с. 70–71; Мещеряков, Грачёв, с. 128; The Cambridge... p. 454; Ямао, с. 362, 367, 362–371].

⁴ 「詔曰：自磐余彦之帝、水間城之王、皆賴^レ博物之臣。<...> 大彦申^レ略。而膽瓊殖用^レ隆。」 [Нихон-сёки, 1957, II, С. 30]. Ср. : [Нихон-сёки, 1997, II, с. 21].

⁵ 帝 яп. *тэй* / арх. *микадо*, кит. *dì*. – См. : [БКРС, т. III, с. 306–307].

⁶ 御間城姫 яп. *Мимаки-химэ* [в «Нихон-сёки»] ([Нихон-сёки, 1957, с. 157]); 御真津比売 яп. *Мима-цу химэ* [по «Кодзики»] ([Кодзики, 2001, с. 180, 181]). В «Кудзи-хонки», в разделе «Суйнин-гэнно», она названа именем 御間城入姫 яп. Мимаки-ири-химэ (Кудзи-хонки, св. 7-й [4], Суйнин) [Кудзи-хонки, 1901. С. 337].

щению некоей неизвестного происхождения эпитафической надписи, найденной по соседству с курганом Оцудзэсан, она умерла в 15-й день 4-й луны года *хинотори* (34-й год цикла, т.е. в 337 году¹ [испр. хрон.]) в возрасте 63 лет².

Также примечательно, что хотя по женской линии родства Мимаки не был связан с домом *агата-нуси* округа *Сики*, тем не менее, он, после восшествия на трон, перенес свою резиденцию (“столицу”) из Касуга (ныне восточная часть города Нара [Кодзики, 2001, с. 175, п. 5], где располагал свою резиденцию его отец – локальный правитель Кайка³) – в **округ Сики области Ямато** [см. : Китамура, с. 1, 4, 2]. Видимо, это было сделано для того, чтобы опереться на поддержку влиятельных кланов данной территории, связанных брачными узами с первыми государями Ямато (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 3-й год пр., 9-я луна; Nihongi, V, 2; Күдзи-хонки, св. 7-й [4], Сүдзин, 3-й год пр., 9-я луна; см. также: Кодзики, св. 2-й, Сүдзин; Kojiki, II, LXI–LXII). В связи с этим он получил титул *Сики-но Мидзугаки-но мия-ни ѓ-я-сима сиросимэсиси сумэра-микото* – «Государь, управляющий восемью великими островами из дворца Мидзугаки, что в Сики» [Древние фудоки, с. 248] (местность Канэя в городе Сакураи префектуры Нара)⁴.

Однако прежний род *Сики-но агата-нуси*, ведущий свою родословную от Ото-Сики Хая и, видимо, его сына Хаэ (а также, возможно, от сына Дзимму – Каму-я-ви-мими), надо полагать, лишился власти над землями округа Сики. Видимо, в связи с переносом резиденции в округ Сики в Ямато, данный округ возглавили двоюродные братья государя Мимаки из рода Мононобэ-но *мурадзи* – Такэ-ниикава (др.-яп. Такэ-нипкапа) и Ё-мэ Фу (др.-яп. Опо-мэ Пу). В «Күдзи-хонки» сказано: «...Такэ-ниикава-но *микото* (предок рода Сйки-но *агата-нуси* [области] Ямато). [Его] младший брат – Ё-мэ Фу-но *микото*»⁵ (Күдзи-хонки, св. 5-й [5], 7-е поколение). В «Синсэн-сёдзи-року» говорится, что Ё-мэ Фу также был предком рода “владык округа” Сики. «[Род] Сики-но *агата-нуси* (“владыки округа” Сики). Являются потомками Опо-мэ Пу, отпрыска в седьмом поколении от Ниги-паяпи-но *микото*»⁶ (Синсэн-сёдзи-року, св. 20-й, Сики-но *агата-нуси*). Видимо, прежний – “древний” род “владык округа” Сики (ведущий родословную от Ото-Сики Хая, Хаэ и Каму-я-ви-мими) вынужден был переселиться на запад – в область Кавати, перенеся туда топоним “Сики” из Ямато. О существовании такого округа в Кавати (др.-яп. Капути) известно из «Кодзики», где местность Сйки в Капути упоминается в разделе «Кэйкё-ки» в связи с похоронами Ямато-*такэру*⁷ (Кодзики, св. 2-й,

¹ См. : [Цыбульский, с. 100].

² 乙女山近傍 (墓碑所在箇所等) 御眞津比賣命/崇神后 (陵主名) 丁酉年、4月、15日、63 (没年月日墓年) 乙女山 (古墳名等) [Кофун то рёсю – 2].

³ О периоде «восьми правителей» подробнее см. : [Суровень, 1999, с. 89–113].

⁴ 師木水垣宮 яп. *Сики-но Мидзугаки-но мия*. – См. : [Кодзики, 2001, с. 180, 181, п. 6].

⁵ 「...建新川命。【倭、志紀、縣主等、祖。】弟、大咩布命。」 [Күдзи-хонки, 1901, с. 272]; ср. : 「建新川命。【倭の志紀県主らの祖です。】弟に、大咩布命。」 – Күдзи-хонки, св. 5-й (5) // [Күдзи-хонки].

⁶ (698) 和泉国、神別、天神：「志貴県主、饒速日命、七世孫、大売布之後也。」 [Синсэн-сёдзи-року, 1962 а, с. 271]; ср. : 「志貴県主(しきのあがたぬし)。饒速日命の七世孫、大売布の後なり。」 [Синсэн-сёдзи-року, 1962 б].

⁷ 河内國之志幾 яп. *Кавати-но кунин-но Сики* – местность Сики в провинции Кавати [Кодзики, 2001, с. 236, 237]; см. : [Кодзики, 1994, с. 77].

Кэйкō). Из сообщения «Синсэн-сэ́дзи-року» видно, что «новый» род Сики-но *ага-та-нуси* происходил от Ниги-хаяхи-но *микото* (др.-яп. Ниги-паяпи), то есть, фактически – от главы (видимо, верховного жреца) объединения общин центральной Японии конца III века н. э. [испр. хрон.].

По случаю восшествия на престол и переезда во дворец *Мидзугаки* был провозглашен указ правителя (яп. *микотонори*). В нем упоминались заслуги императорских предков¹, особо подчеркивалось то, что власть Мимаки унаследована от своих предков, и что он будет продолжать их дела, будет заботиться о “черноголовых” (о народе)². Мимаки также призывал всех знатных сановников (яп. *кэй* – сановную знать)³ и всех служилых людей (др.-яп. *момо-но тукаса*, яп. *момо-но цукаса*)⁴ объединить усилия в установлении мира и спокойствия в Поднебесной (Нихон-сэки, св. 5-й, Сүдзин, 4-й год пр., 10-я луна; Nihongi, V, 2–3).

Эта речь очень хорошо совпадает с предположением, что Мимаки пришел к власти после периода борьбы. Видимо, с последствиями этой борьбы связаны и несчастья, которые описаны в начале правления Мимаки: страну постиг мор (эпидемия)⁵, от которой умерло около половины населения⁶; в стране люди бродяжничали (*по причине неурожая и войны*)⁷, и были мятежи⁸, бунты и измены⁹ (Нихон-сэки, св. 5-й, Сүдзин, 5-й – 6-й годы пр.; Nihongi, V, 3; см. также: Кодзики, св. 2-й, Сүдзин; Kojiki, II, LXIV)¹⁰. Об этих же несчастьях говорится и в «Синсэн-сэ́дзи-року». «...В царствование государя (*сумэра-микото*) [посмертное почетное

¹ 「惟我皇祖、諸天皇等。」 [Нихон-сэки, 1957, с. 158]; «Вот, мои царственные предки, все государи [прежних времен]...» [Нихон-сэки, 1997, с. 207].

² 黎元 яп. *рэйгэн*, кит. *ли-юань* – благонамеренный люд; простой народ, массы; черноголовые, народ [БКРС, т. III, с. 821; т. IV, с. 411]. Ср.: [Нихон-сэки, 1997, с. 207].

³ 卿 яп. *кэй*, кит. *цзин* – *суц.* 1) сановник, вельможа... министр; *уст.* министры, правительство [БКРС, т. II, с. 766]; 卿 яп. *кэй* – *в соч.* знать (др.-яп.) [ЯРУСИ, с. 121]; 僚 др.-яп. *тукаса*, совр.-яп. *рэй/цукаса*, кит. *ляо* – 1) чиновник, служащий; 2) слуга, подчиненный, низший служащий [БКРС, т. IV, с. 803; ЯРУСИ, с. 85].

⁴ 「其羣卿百僚。」 [Нихон-сэки, 1957, с. 158]; где 羣 яп. *гун* / *мурэ*, кит. *цюнь* – *суц.* 1) а)... скопище (людей)... в) *перед суц.* – указывает на его собирательность и множественность; все... 4)* родня; родственный; *прил.* * послушный, смиренный... 羣臣 яп. *гун-син*, кит. *цюнь-чэнь* – министры; свита; подданные, слуги [БКРС, т. II, с. 882, 883].

⁵ 疾疫 яп. *сйцуэки*, кит. *цзйи* – мор, эпидемия [БКРС, т. III, с. 675; см.: ЯРУСИ, с. 407, 408].

⁶ В «Кодзики»: 「此天皇之御世 役(疫)病 多起、人民 爲^レ盡。」 «[В] царствование этого государя появилась во множестве эпидемия, народ умирал» [Кодзики, 1968, с. 97; Кодзики, 2001, с. 182, 183, п. 6]; где 役 *эм.* 疫 яп. *эки*, кит. *й* – эпидемия; мор; 疫病 яп. *экибэ*, кит. *йбин* – 1) эпидемия... [БКРС, т. III, с. 1056, 1057]; 盡 яп. *дзин*, кит. *цзинь* – *гл.* ...3) * умирать [БКРС, т. II, с. 297]. Ср.: «В царствование этого государя приключалось много заразных хворей, и народ начал вымирать» [Кодзики, 1994, с. 56].

⁷ 流離 яп. *сасурау*, кит. *люйи* – 1) переселяться [по причине неурожая или войны]; 2) мыкаться по белу свету; стать бездомным... [БКРС, т. IV, с. 525].

⁸ 背叛 яп. *хайхан*, кит. *бэйпань* – изменять, предавать; взбунтоваться; измена; изменнический, предательский [БКРС, т. III, с. 191].

⁹ 「國內 多 疾疫。民 有^レ死亡者。且 大半矣。<...> 百姓 流離^レ 或 有^レ 背叛。」 [Нихон-сэки, 1957, с. 158–159].

¹⁰ См. также: [Конрад, С. 28; Исида, с. 24; Воробьев, 1958, с. 71; Ellwood, p. 200; The Cambridge... p. 117].

имя (яп. *окурина*) – Сүдзин], правившего территорией [государства] из дворца Мидзугаки-но *мия* в Сики, в Поднебесной возникли бедствия (яп. *магагото*¹)»² (Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й, [513] Каму-миябэ-но *мияуко*). В мирной стране, подвластной многие поколения династии спокойно сменявших друг друга правителей, такого быть не могло. В «Кэмбриджской истории Японии» по поводу сведений о Сүдзине из древнеяпонских источников сказано: «...Остается впечатление, что рождение монархического государства Ямато сопровождалось использованием военной силы...» [The Cambridge... p. 118].

Большое значение для реконструкции процесса формирования ранней государственности в Центральной Японии имеют результаты археологических исследований, которые позволяют проверить (верифицировать) сведения древнеяпонских письменных источников. Ряд археологических материалов дал возможность пролить свет на подоплеку событий, получивших в истории Японии название «мятежа Такэ-хани-ясу-бико», случившегося в царствование государя Мимаки (Сүдзин, 324–331 годы [испр. хрон.]). Поэтому существует необходимость сопоставить новейшие археологические результаты и сведения древнеяпонских письменных источников.

Археологически территориальное развитие обычно оценивают по результатам анализа местоположения квадратно-круглых курганов (яп. *дзэмпо-кбэн-фун*, или, как их еще называют в англоязычной литературе – в виде «замочной скважины») на протяжении определенного промежутка времени [The Cambridge... p. 118]. В своих исследованиях 1986 и 1988 годов Джина Л. Барнс проанализировала распространение квадратно-круглых курганов (в виде «замочной скважины») на равнине Нара, исходя из предположения, что размер кургана указывает на ранг в политической иерархии, и что скопление курганов указывает на политический центр. В результате она пришла к следующим выводам: в период раннего *кофун* на равнине Нара существовало два скопления больших квадратно-круглых курганов (превышающих 225,6 м в длину) – исходя из чего Джина Л. Барнс предположила, что тогда существовало разделение земель равнины Нара между двумя *общинами-государствами* (*политиями* в терминологии исследовательницы) [Barnes, p. 152–153]:

1) *полития* Сахо на северо-западе с центром в Саки (группа курганов Саки);

2) *полития* Мива на юго-востоке с центром в Макимуку (группа курганов О-ямато [Barnes, p. 153], которая принадлежит к 1-му и 2-му этапам раннего курганного периода (250–350 гг.) [Barnes, p. 153; The Cambridge... p. 118–120; История... с. 72–73]; к ним относились шесть древнейших курганных захоронений начального периода Ямато, построенных у подножия горы Мива между

¹ В тексте перевода на современный японский язык данный термин *магагото* записан специальными иероглифами 災 変 – видимо, *сокр. в. 災 變* яп. *сай-хан*, кит. *цзай-бянь* – бедствие, катастрофа, напасть [БКРС, т. III, с. 804]; 災 害 яп. *магагото* (禍事) – бедствие, несчастье [ЯРС, с. 346]; где 災 *вм. 災* яп. *сай*, кит. *цзай* – *сущ.* 1) стихийное бедствие (*напр. неурожай, наводнение, голод, эпидемия, саранча*); 2) беда; горе, несчастье, напасть [БКРС, т. III, с. 799, 803].

² (513) 山城国、神別、天神:「神宮部造...磯城瑞籬宮、御宇【諡崇神】天皇、御世、天下有^レ災。」 [Синсэн-сёдзи-року. 1962 а, с. 241; Синсэн-сёдзи-року, кн. 13, 1900, с. 883]; ср.:「...磯城瑞籬宮御宇【諡は崇神】天皇の御世に、天下に災 変 おこりき。」 [Синсэн-сёдзи-року, 1962 b].

250 и 350 годами [The Cambridge... p. 116–117; см.: Мацумото, т. II, с. 39)] [см. ниже рис. 1].

Тэрасава Каору (хотя он сам постулировал, что только одна *полития* занимала равнину Нара) указал, что первоначальная площадь этой *политии* Мива была равна лишь одному из выделенных им социокультурных подразделений позднего *яёй* – тому, которое располагалось в районе Сики [Barnes, p. 153] (с центром в Мива). Таким образом, получалось, что область Сахо (в районе Саки) оказывалась за пределами *политии* с центром в Мива (занимавшего территорию района Сики).

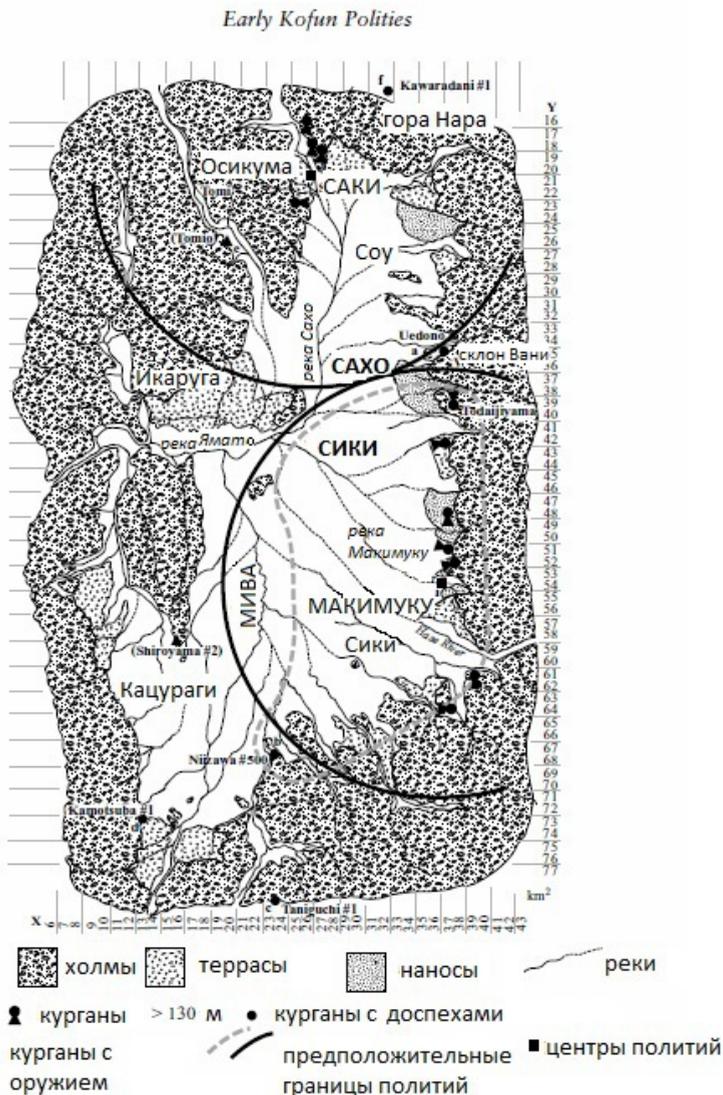

Рис. 1. Границы ранних политий в бассейне реки Нара с главными скоплениями могильных курганов (Из кн.: [Barnes, p. 154, fig. 6.6])

Анализ привозной глиняной посуды, появившейся на равнине Нара в течение переходного периода (от культуры *яёй* к культуре *кофун*), проведенный Сасаки Кэнъити в 1995 году, показывает, что, вообще, импорт керамики был отличительной чертой юго-восточной части равнины [т. е. района Мива] (селение Макимуку, располагавшееся в самом центре района Мива, известно значительным количеством нелокальной глиняной посуды, принесенной туда извне) [Barnes, p. 156].

Это сильно контрастировало с ситуацией в северо-западной части равнины Нара (т. е. в районе Сахо с центром в Саки) – территории консервативной и относительно слабо вовлеченной в торговый обмен керамикой. В период позднего *яёй* взаимодействие северо-западного района равнины Нара было сфокусировано на северном и северо-восточном направлении (регионы Оми и Токай)¹.

Это согласуется с выводами Джина Л. Барнс 1986 года о том, что типы чаш (кубков) на подставке Макимуку и Саки весьма отличались между собой. Исследовательница предположила, что их производственные центры были обособлены, и что существовал только небольшой по объёму обмен керамикой между этими двумя областями [Barnes, p. 158]. Район Сахо интегрировался с Мива только тогда, когда появилась более поздняя глиняная посуда типа *фуру* [Barnes, p. 157–158].

Все вышесказанное означает, что в течение переходного от *яёй* к *кофуну* периода район Сахо был изолирован от *политии* Мива [Barnes, p. 157–158].

Более того, Джина Л. Барнс предположила, что район Сахо, возможно, был включен в территорию, находившуюся в сфере влияния вождя южной части равнины Киото – из области Ямасиро, подобного описанному в древнеяпонских источниках **принцу Такэ-хани-ясу-бико** (единокровному брату Сūdзина), жившему в Ямасиро. Возможно, что местная элита в Сахо, жившая на границе политических образований, могла выбирать – какому соседнему правителю выразить свою верность. Таким образом, то, что мы видим в хрониках – это конфликт между этими двумя областями – Ямато и Ямасиро за контроль над центральными землями Кинай или, что более вероятно, за контроль над северным – северо-восточным торговым маршрутом. По крайней мере, исследователи могут сказать, что двор Мива в то время не имел полного контроля над северным регионом [см. : Barnes, p. 158, 155]. Джина Л. Барнс полагает, что ответ находится в истории культурных и политических противоречий между этими двумя территориями, как это может быть прослежено в археологическом материале и обнаружено в письменных источниках [Barnes, p. 153].

(Продолжение следует...)

Список литературы

- Артуонов С. А.* Дзимму-гэнно : мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск : Наука, 1975. С. 9–12.
БКРС – Большой китайско-русский словарь. М. : Наука, 1983–1984. Т. I–IV.

¹ [Barnes, p. 156]. Только в конце III века там было какое-то переселение, обозначенное присутствием нелокальных горшков для варки пищи, как из близких, так и из далёких областей, расположенных в западном направлении, ставших еще одним важным поставщиком посуды в район Сахо. В начале IV века, перемещение из соседних областей в область Саки, видимо, прекращается [Barnes, p. 156].

БЯРС – Большой японско-русский словарь. М. : Русск. яз. – Живой язык, 2000. Т. I–II. 824 + 920 с.
Воробьев М. В. Древняя Япония : историко-археологический очерк. М. : Изд. вост. лит., 1958. 119 с.

Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. М. : Наука, 1980. 344 с.

Древние фудоки. М. : Наука, 1969. 340 с.

Исида Итирō 石田 一浪. Синва то рэйкиси 神話と歴史. Токио 東京: Синтёся 新潮社, 1960. 54 с.

Исии Ёсими 石井 好. Дзэдай тимэй дэмпа-ни кан-суру сүти дзиккэн: Тōсэн-сэцу-но сэйтōсэй 上代地名伝播に関する数值実験: 東遷説の正当性 // Кэнкю киё 研究紀要 (Тōкё торицу кōкү кōгё кōто сэммон гаккō дэнси кōгакука 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). 2000, сентябрь, № 37. С. 27–38.

Исии Ёсими 石井 好. Онкё кōгаку-но кантэн-кара мита дзэдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпа-но кэнкю 音響工学の観点からみた上代地名(伊都の丸地名)の伝播の研究 // Кэнкю киё 研究紀要 (Тōкё торицу кōкү кōгё кōто сэммон гаккō дэнси кōгакука 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). 1999, сентябрь, № 36. С. 49–64.

История Японии с древнейших времён до 1868 года. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. Т. I. 659 с.

Итō Ёсиаки 伊東 義彰. Дзимму-га кита мити 神武が来た道. Хигаси-ōсака 東大阪: Фурута сигаку-но кай 古田史学の会, 2005. 68 с.

Кавамото Ёсиаки 川本 芳昭. Ва-коку-ни окэру тайкайкōсё-но хэнсан-ни цуйтэ 倭国における対外交渉の変遷について // Сиэн 史淵 (Кюсю-дайгаку 九州大学). 2006, март, № 143. С. 27–64.

Китamura Масаки 北村 優季. Ки-ки-ни мизэру нихон-кодай-но мия-гō 記紀にみえる日本古代の宮号 // Ямагата-дайгаку рэйкиси, тири, дзинруйгаку ронсю 山形大学歴史・地理・人類学論集. 2003. № 4. С. 1–12.

Кодзика 古事記 (из серии “Нихон котэн дзэнсю” 日本古典全集). Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. Т. II. 354 с.

Кодзика 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнсю” 日本古典文学全集). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. 464 с.

Кодзика: Записи о деяниях древности. СПб. : Шар, 1994. Т. II. 256 с.

Конрад Н. И. Древняя история Японии // Избранные труды: история. М.: Наука, 1974. С. 11–74.

Кофун то рёсю – 2 古墳と陵主-2 [сайт]. URL: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/RYSOS2.htm> (дата обращения: 12.08.2018).

Кудзи-хонки 舊事本紀 // Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 // Кокуси-тайкэй 国史大系. Токио 東京: Кэйдай дзасси-ся 経済雑誌社, 1901. Т. 7 第七卷. С. 171–418.

Кудзи-хонки, в 10-ти свитках 舊事本紀. 全十卷 // Сэндай кудзи-хонки, св. 1-й – 10-й 先代舊事本紀 [сайт]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 12.08.2018).

Мацумото Сэйтё 松本 清張. Сэйтё-цүси 清張通史. Токио 東京: Кōданся 講談社, 1977. Т. II. 280 с.

Мацумото Сэйтё 松本 清張. Сэйтё-цүси 清張通史. Токио 東京: Кōданся 講談社, 1978. Т. III. 268 с.

Мацумото Сэйтё 松本 清張. Сэйтё-цүси 清張通史. Токио 東京: Кōданся 講談社, 1978. Т. IV. 289 с.

Нихон дзэнси 日本全史. Токио 東京: Тōкё-дайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1958. Т. I. 321 с.

Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系). Токио: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. 417 с.

Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. II. 437 с.

Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб. : Гиперион, 1997. Т. I. 496 с.

Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб. : Гиперион, 1997. Т. II. 432 с.

Ō-удзи кō (цуки: Асо-удзи, Канэсаси-удзи 多(おお)氏考(付:阿蘇氏・金刺氏) [сайт]. URL: <http://www17.ocn.ne.jp/~kanada/1234-7-31.html> (дата обращения: 12.08.2019).

Сано Ямато 佐野 大和. Нихон-но акэбоно 日本のあけぼの. Токио 東京: Сёхō сётэн 小峰書店, 1959. 282 с.

Светлов Г. Е. Колыбель японской цивилизации: история, религия, культура. М. : Искусство, 1994. 271 с.

Светлов Г. Е. Путь богов: синто в истории Японии. М. : Мысль, 1985. 240 с.

Синсэн-сѣдзи-року 新撰姓氏録 // Синсэн-сѣдзи-року кōсѣ 新撰姓氏録考證, в 21-й книге / Сост. Курита Хироси 栗田 寛. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1900. 1403 с.

Синсэн-сѣдзи-року 新撰姓氏録, в 3-х частях // *Саэки Арикиё* 佐伯 有清. “Синсэн-сѣдзи-року”-но кэнкю. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962 а. С. 149–350.

Синсэн-сѣдзи-року, в 30-ти свитках 新撰姓氏録. 全三十卷 // *Саэки Арикиё* 佐伯 有清. Исследование “Синсэн-сѣдзи-року”. Основной текст 新撰姓氏録の研究 本文篇. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962 б [сайт]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (дата обращения: 12.08.2018).

Суровень Д. А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н. э. – III век н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск : Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1995. Вып. 2. С. 150–175.

Суровень Д. А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // Genesis: исторические исследования. 2015 а. № 3. С. 136–220.

Суровень Д. А. Корейский поход *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск : Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1998 а. Вып. 5. С. 160–167.

Суровень Д. А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико* // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1998 б. С. 175–198.

Суровень Д. А. Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование *Мимаки* (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. Вып. 2. Екатеринбург : УрГУ, 1999. № 13. С. 89–113.

Суровень Д. А. Проблемы царствования в Ямато правителя *Икумэ* (Суйнина) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. С. 193–217.

Суровень Д. А. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов / Глав. ред. проф. А. С. Смыкалин. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019 а. Вып. 6-й. С. 110–268.

Суровень Д. А. Реконструкция хронологии первой половины V века (царствований государей Нинтоку – Ингё). Ч. 1: Хронология второй четверти V века // Genesis: исторические исследования. 2019 б. № 3. С. 22–46.

Суровень Д. А. Япония в конце IV–V веках : период среднего Ямато. Екатеринбург : УрГЮУ, 2019 с. Т. I. 398 с.

Фурута Такэхико 古田 武彦. Дзимму-тōсин 神武東侵 [сайт]. URL: www.furutasigaku.jp/~jfuruta/jimmuj.html (дата обращения: 12.08.2018).

Хиго Кадзую 肥後 和男. Ямато-то сйтэ-но Яматай 大和として邪馬臺 // Кодайси-кэнкю: Яматай-коку 古代史研究: 邪馬台国. Токио 東京, 1956. С. 1–44.

Хитати-но куни-но фудоки 常陸國風土記 // Хѣтō кофудоки (Хитати) 標註古風土記 (常陸). Токио 東京: О-окаяма сѣтэн 大岡山書店, 1930. С. 3–163.

Хитати-но куни-но фудоки 常陸國風土記 // Фудоки 風土記 (из серии “Бунгаку-тайкэй” 文学大系). Токио 東京: Иванами сѣтэн 岩波書店, 1958. Т. II. С. 3–9.

Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М. : Наука, 1987. 384 с.

Ямао Юкихиса 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. Токио 東京: Иванами сѣтэн 岩波書店, 1983. 486, 15 с.

ЯРС – Японско-русский словарь. М. : Русск. яз., 1984. 696 с.

ЯРУСИ – *Фельдман-Конрад Н. И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М. : Русск. яз., 1977. 680 с.

Akima Toshio. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla // Japanese journal of religious studies. 1993. No 20/2–3. P. 95–185.

Barnes Gina L. State formation in Japan : Emergence of a 4th-century ruling elite. London–New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2001. XXI, 261 p.

Edwards Walter. Mirrors on Ancient Yamato : The Kurozuka kofun discovery and the question of Yamatai // Monumenta Nipponica. 1999, spring. Vol. 54. No 1. P. 75–110.

Ellwood R. S. The Sujin religious revolution // Japanese journal of religious studies. 1990. No 17/2–3. P. 199–217.

Furuta Takehiko. King Jimmu to Eastern Invasion [сайт]. URL: <http://www.furutasigaku.jp/efuruta/jimmue/jimmue.html> (дата обращения: 12.08.2018).

Hashimoto Masukichi. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history // Хасимото Масукитсу 橋本 増吉. Тōё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкё 東洋史上より見たる日本上古史研究. Токио 東京: Тōёбунко 東洋文庫, 1956. P. 1–7.

Ishii Ryosuke. A history of political institutions in Japan. Tokyo : University of Tokyo Press, 1980. 172 p.

Japan: its land, people and culture. Tokyo : Printing Bureau, Ministry of Finance, 1958. 43, 1077 p.

Kanzaki Ivan Hisao. San kan seibatsu : The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. Annapolis, Maryland : United States Naval Academy, 2002. 10 p.

Murayama Shichiro, Miller Roy Andrew. The Inariyama tumulus sword inscription // Journal of Japanese studies. 1979, summer. Vol. 5. No 2. P. 405–438.

Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A. D. 697 / Transl. by W. G. Aston. London : Allen, 1956. Part I. 407 p.

Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A. D. 697 / Transl. by W. G. Aston. London : Allen, 1956. Part II. 444 p.

The Cambridge history of Japan : Ancient Japan. Cambridge–New York : Cambridge University Press, 1993. Vol. I. 602 p.

References

Barnes Gina L. (2001). *State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite*. London–New York, Routledge Taylor & Francis Group, xxi, 261 p.

BlARS (2000). *Bol'shoi iaponsko-russkii slovar'* [Big Japanese-Russian dictionary]. Moscow, Russkii iazyk – Zhivoi iazyk, Vol. I–II. 824 + 920 p.

BKRS (1983–1984). *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'* [Big Chinese-Russian dictionary]. Moscow, Nauka, Vol. I–IV.

Drevnie fudoki [Ancient fudoki]. (1969). Moscow, Nauka, 340 p.

Hitachi-no kuni-no fudoki 常陸國風土記 (1958). In: *Fudoki* 風土記 (ser. “Bungaku-taikei” 文学大系). Tokyo 東京: Iwanami shoten 岩波書店, Vol. II, pp. 3–9.

Hitachi-no kuni-no fudoki 常陸國風土記. (1930). In: *Hyōchū kofudoki (Hitachi)* 標註古風土記 (常陸). Tokyo 東京: Ō-oikaiama shoten 大岡山書店, pp. 3–163.

IaRS – *Iaponsko-russkii slovar'* [Japanese-Russian dictionary]. (1984). Moscow, Russkii iazyk, 696 p.

IaRUSI – Fel'dman-Konrad N. I. (1977). *Iaponsko-russkii uchebnyi slovar' ieroglifov* [Japanese-Russian training dictionary of characters]. Moscow, Russkii iazyk, 680 p.

Ishida Ichirō 石田 一浪. (1960). *Sinva to rekisi* 神話と歴史. Tokio 東京: Shinchōsha 新潮社, 54 p.

Ishii Ryosuke. (1980). *A history of political institutions in Japan*. Tokyo, University of Tokyo Press, 172 p.

Istoriia Iaponii s drevneishikh vremen do 1868 goda [History of Japan from ancient times until 1868]. (1999). Moscow, Institut vostokovedeniia RAN, Vol. I. 659 s.

Itō Yoshiaki 伊東 義彰. (2005). *Jimmu-ga kita michi* 神武が来た道. Higashi-ōsaka 東大阪: Furuta shigaku-no kai 古田史学の会, 68 p.

Japan: its land, people and culture. (1958). Tokyo, Printing Bureau, Ministry of Finance, 43 + 1077 p.

Kanzaki Ivan Hisao. (2002). *San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation*. Annapolis, Maryland, United States Naval Academy, 10 p.

Kodziki: Zapisi o deianiiakh drevnosti [Kojiki: Records of Ancient Matters]. SPb., Shar, 1994. Vol. II. 256 p.

Kojiki 古事記 (1968). (ser. “Nihon koten zenshū” 日本古典全集). Tokyo 東京, Asahi simibun shakan 朝日新聞社刊, Vol. II. 354 p.

- Kojiki* 古事記 (2001). (ser. “Nihon koten bungaku zenshū” 日本古典文学全集). Tokyo 東京, Shōgakkan 小学館, 464 p.
- Matsumoto Seichō 松本 清張. (1977). *Seichō-tsūsi* 清張通史. Tokyo 東京, Kōdansha 講談社, Vol. II. 280 p.
- Matsumoto Seichō 松本 清張. (1978 a). *Seichō-tsūsi* 清張通史. Tokyo 東京, Kōdansha 講談社, Vol. III. 268 p.
- Matsumoto Seichō 松本 清張. (1978 b). *Seichō-tsūsi* 清張通史. Tokyo 東京, Kōdansha 講談社, Vol. IV. 289 p.
- Nihon zenshi* 日本全史. (1958). Tokyo 東京, Tōkyō-daigaku shuppankai 東京大学出版会, Vol. I. 321 p.
- Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697.* (1956) / Transl. by W. G. Aston. London, Allen, Part I. 407 p.
- Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697.* (1956) / Transl. by W. G. Aston. London, Allen, Part II. 444 p.
- Nihon-shoki* 日本書紀 (1957). (ser. “Kokushi-taiki” 国史大系). Tokyo, Ёсикава кобункан 吉川弘文館, Part I. Vol. I. 417 p.
- Nihon-shoki* 日本書紀 (1957). (ser. “Kokushi-taiki” 国史大系). Tokyo, Ёсикава кобункан 吉川弘文館, Part I. Vol. II. 437 p.
- Nihon-seki: Annaly Iaponii.* (1997). [Nihon-shoki: Annals of Japan]. SPb., Giperion, Vol. I. 496 p.
- Nihon-seki: Annaly Iaponii.* (1997). [Nihon-shoki: Annals of Japan]. SPb., Giperion, Vol. II. 432 p.
- Sano Yamato 佐野 大和. (1959). *Nihon-no akebono* 日本のあけぼの. Tokyo 東京, Shōhō shoten 小峰書店, 282 p.
- Shinsen-shōji-roku 新撰姓氏録. (1900). In: *Shinsen-shōji-roku kōshō* 新撰姓氏録考證, in 21 books / Ed. Kurita Hiroshi 栗田 寛. Tokyo 東京, Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, 1403 p.
- Shinsen-shōji-roku 新撰姓氏録, in 3 parts (1962 a). In: Saeki Arikiyo 佐伯 有清. “*Shinsen-shōji-roku*”-no kenkyū. *Hombun-hen* 新撰姓氏録の研究 本文篇. Tokyo 東京, Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, pp. 149–350.
- Shinsen-shōji-roku, in 30 scrolls 新撰姓氏録. 全三十卷. (1962 b). In: Saeki Arikiyo 佐伯 有清. “*Shinsen-shōji-roku*”-no kenkyū. *Hombun-hen* 新撰姓氏録の研究 本文篇. Tokyo 東京: Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, [site]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (mode of access: 12.08.2018).
- Suroven, D. A. (2019 c). *Iaponiia v kontse IV – V vekakh: period srednego Yamato* [Japan in the late fourth to fifth centuries: the middle Yamato period]. Ekaterinburg, UrGIuU, Vol. I. 398 p.
- Svetlov, G. E. (1985). *Put' bogov : sinto v istorii Iaponii* [The Way of the Gods: Sinto in Japan ‘s History]. Moscow, Mysl', 240 p.
- Svetlov, G. E. (1994). *Kolybel' iaponskoi tsivilizatsii: istoriia, religiia, kul'tura* [Cradle of Japanese civilization: history, religion, culture]. Moscow, Iskusstvo, 271 p.
- The Cambridge history of Japan: Ancient Japan.* (1993). Cambridge–New York, Cambridge University Press, Vol. I. 602 p.
- Tsybul'skii, V. V. (1987). *Lunno-solnechnyi kalendar' stran Vostochnoi Azii* [East Asian Lunar-Solar Calendar]. Moscow, Nauka, 384 p.
- Vorob'iov, M. V. (1958). *Drevniaia Iaponiia : istoriko-arkheologicheskii ocherk* [Ancient Japan: historical and archaeological essay]. Moscow, Izdatel'stvo Vostjchnaia literatura, 119 p.
- Vorob'iov, M. V. (1980). *Iaponiia v III–VII vekakh* [Japan in the 3rd–7th centuries]. Moscow, Nauka, 344 p.
- Yamao Yukihisa 山尾 幸久. (1983). *Nihon kodai ōken-keisei shiron* 日本古代王権形成史論. Tokyo 東京, Iwanami shoten 岩波書店, 486 + 15 p.
- Akima Toshio (1993). The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla. In: *Japanese journal of religious studies*. No 20/2–3, pp. 95–185.
- Arutiunov, S. A. (1975). Dzimmu-tenno: mificheskii vymysel i istoricheskaiia rekonstruktsiia [Jimmu-tennō : mythical fiction and historical reconstruction]. In: *Sibir' , Tsentral'naia i Vostochnaia Aziia v srednie veka*. Novosibirsk, Nauka, pp. 9–12.

Edwards Walter. (1999). Mirrors on Ancient Yamato : The Kurozuka kofun discovery and the question of Yamatai. In: *Monumenta Nipponica*. Spring. Vol. 54. No 1, p. 75–110.

Ellwood, R. S. (1990). The Sujin religious revolution. In: *Japanese journal of religious studies*. No 17/2–3. P. 199–217.

Furuta Takehiko 古田 武彦. *Jimmu-tōshin* 神武東侵 [site]. URL: www.furutasigaku.jp/~jfuruta/jimmuj.html (mode of access: 12.08.2018).

Furuta Takehiko. *King Jimmu to Eastern Invasion* [site]. URL: <http://www.furutasigaku.jp/~efuruta/jimmue/jimmue.html> (mode of access: 12.08.2018).

Hashimoto Masukichi. (1956). Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. In: Hashimoto Masukichi 橋本 増吉. *Toyō-shi-jō-yori mitaru nihon jō-ko-shi kenkyū* 東洋史上より見たる日本上古史研究. Tokyo 東京, Toyōbunko 東洋文庫, pp. 1–7.

Higo Kazuo 肥後 和男. (1956). Yamato-to shite-no Yamatai 大和として邪馬臺 In: *Kodaishi-kenkyū: Yamatai-koku* 古代史研究: 邪馬台国. Tokyo 東京, pp. 1–44.

Ishii Yoshimi 石井 好. (1999). Onkyō kōgaku-no kanten-kara mita jōdai timei (Ito-no Maru-timei)-no dempa-no kenkyū 音響工学の観点からみた上代地名(伊都の丸地名)の伝播の研究. In: *Kenkyū kiyō* 研究紀要 (Tōkyō toritsu kōkū kōgyō kōto semmon gakkō denshi kōgakuka 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). September, No 36, pp. 49–64.

Ishii Yoshimi 石井 好. (2000). Jōdai timei dempa-ni kan-suru sūchi jikken: Tōsen-setsu-no seitōsei 上代地名伝播に関する数値実験: 東遷説の正当性. In: *Kenkyū kiyō* 研究紀要 (Tōkyō toritsu kōkū kōgyō kōto semmon gakkō denshi kōgakuka 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). September, No 37, pp. 27–38.

Kawamoto Yoshiaki 川本 芳昭 (2006). Wa-koku-ni okeru taikaikōsho-no hensan-ni tsuite 倭国における対外交渉の変遷について. In: *Shien* 史淵 (Kyūshū-daigaku 九州大学). March, No 143, pp. 27–64.

Kitamura Masaki 北村 優季. (2003). Ki-ki-ni mieru nihon-kodai-no miya-gō 記紀にみえる日本古代の宮号 // *Yamagata-daigaku rekishi, chiri, jinruigaku ronshū* 山形大学歴史・地理・人類学論集. No 4, pp. 1–12.

Kofun to ryōshu – 2 古墳と陵主-2 [site]. URL: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/RYOS2.htm> (mode of access: 12.08.2018).

Konrad, N. I. (1974). Drevniaia istoriia Iaponii [Ancient history of Japan] // *Izbrannye trudy: istoriia*. Moscow, Nauka, pp. 11–74.

Kūji-konki 舊事本紀 (1901) // Sendai kūji-honki 先代舊事本紀 In: *Kokushi-taikei* 国史大系. Tokyo 東京, Keizai zasshi-sha 経済雑誌社, Vol. 7 第七巻, pp. 171–418.

Kūji-konki, in 10 scrolls 舊事本紀. 全十巻 // *Sendai kūji-konki* 先代舊事本紀 [site]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (mode of access: 12.08.2018).

Murayama Shichiro, Miller Roy Andrew. (1979). The Inariyama tumulus sword inscription / In: *Journal of Japanese studies*. Summer. Vol. 5. No 2, pp. 405–438.

Ō-uji kō (tsuki: Aso-*uji*, Kanesashi-*uji* 多(おお)氏考(付:阿蘇氏・金刺氏) [site]. URL: <http://www17.ocn.ne.jp/~kanada/1234-7-31.html> (mode of access: 12.08.2019).

Suroven, D. A. (1995). Vozniknovenie rannerabovladel'cheskogo gosudarstva v Iaponii (I vek do n. e. – III vek n. e.) [The emergence of an early-ownership state in Japan (1st century BC – 3rd century CE)]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow – Magnitogorsk, Institut archeologii RAN – MGPI, Iss. 2, pp. 150–175.

Suroven, D. A. (1998 b). Osnovanie gosudarstva Iamato i problema Vostochnogo pokhoda Kamuiamato-ivare-biko [Foundation of the Yamato State and the problem of the Kamu-yamato-iware-biko's Eastern Campaign]. In: *Istoriko-iuridicheskie issledovaniia rossiiskogo i zarubezhnykh gosudarstv*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrGluA, pp. 175–198.

Suroven, D. A. (1998 a). Koreiskii pokhod Okinaga-tarasi-khime (pravitel'nitsy Dzingu) [Korean campaign of Okinaga-tarashi-hime (Empress Jingu)]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow – Magnitogorsk, Institut archeologii RAN – MGPI, Iss. 5, pp. 160–167.

Suroven, D. A. (1998 c). Problemy tsarstvovaniia v Iamato pravitelia Ikume (Suinina) [Problems of reign in Yamato ruler Ikume (Suinin)]. In: *Antichnaia drevnost' i srednie veka*. Ekaterinburg, pp. 193–217.

Suroven, D. A. (1999). Problema perioda “vos'mi pravitelei” i razvitie gosudarstva Iamato v tsarstvovanie Mimaki (gosudaria Sudzina) [The Problem of the “Eight Rulers” Period and the development of

the Yamato state in the Reign of Mimaki (Emperor Sujin)]. In: *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: gumanitarnye nauki*. Iss. 2. Ekaterinburg, UrGU, No 13, pp. 89–113.

Suroven, D. A. (2015 a). K voprosu o vremeni osnovaniia dinastii Iamato i tsarstvovaniia gosudaria Dzimmu [To the question of the founding time of Yamato dynasty and King Jimmu's reign]. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniia*. No 3, pp. 136–220.

Suroven, D. A. (2019 a). Ranniaia forma gosudarstva i pervye politicheskie ob"edineniia v drevnei Iaponii [Early form of state and first political associations in ancient Japan]. In: *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh trudov* / Glav. red. prof. A. S. Smykalin. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi iuridicheskii universitet, Iss. 6th, pp. 110–268.

Suroven, D. A. (2019 b). Rekonstruktsiia khronologii pervoi poloviny V veka (tsarstvovaniia gosudarei Nintoku – Inge). Ch. 1: Khronologiiia vtoroi chetverti V veka [Reconstruction of the chronology of the first half of the 5th century (reigns of Nintoku – Ingyō). Part 1: Chronology of the second quarter of the 5th century]. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniia*. No 3, pp. 22–46.

The article was submitted on 19.02.2020

ГОСУДАРСТВО МАНЬЧЖОУ-ГО ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ АНАЛИТИКОВ: ОТ «МАНЬЧЖУРСКОГО ИНЦИДЕНТА» (1931) ДО «КИТАЙСКОГО ИНЦИДЕНТА» (1937)

Аннотация: Государство Маньчжоу-го, созданное в марте 1932 года на территориях, оккупированных Квантунской армией осенью-зимой 1931/32 года, имело необходимые формальные атрибуты независимого, но с самого начала полностью контролировалось Японией и считалось «марионеточным». Большинство стран-членов Лиги Наций, включая Францию, а также СССР и США не признавали Маньчжоу-го де-юре, но не могли игнорировать его существование. Французские аналитики 1930-х годов оценивали характер государства Маньчжоу-го и проводимую там Японией политику в зависимости от своих предпочтений и общего видения событий на Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Азии. Прокитайские авторы игнорировали Маньчжоу-го как «незаконное» (Жан Эскарра) или рассматривали его в контексте японской экспансии (Андре Виолли), прояпонские высоко оценивали модернизаторскую деятельность Японии (Жан Рэй, А.Р. Тюлье), нейтральные отдавали должное усилиям Японии по стабилизации и развитию региона (Морис Лашен).

Ключевые слова: Маньчжоу-го, Маньчжурия, Франция, Япония, экспансия, модернизация

Vassilij E. Molodiakov

STATE OF MANCHUKUO AS SEEN BY FRENCH ANALYSTS: FROM THE “MANCHURIAN INCIDENT” (1932) TO THE “CHINA INCIDENT” (1937)

Abstract: State of Manchukuo (Mandchoukouo in French) established in March, 1932 on the territories occupied by the Kwantung Army in Autumn 1931 – Winter 1932 had necessary attributes of the independent one, but from the very beginning was under Japanese total control and so was a “puppet-state”. Almost all member-states of the League of Nations, and also the USSR and the USA, did not recognize Manchukuo as a state de-jure but could not ignore its existence. French analysts of the 1930s viewed the nature of Manchukuo state and Japanese policy there according to their political preferences and general vision of the events in the Far East and North-Eastern Asia. Pro-Chinese authors ignored Manchukuo as “unlawful” (Jean Escarra) or saw it in the context of Japanese expansion (Andree Viollis), pro-Japanese ones highly appreciated Japanese activities for modernization (Jean Ray, A.R. Tullie), neutral ones paid tribute to Japan’s efforts for stabilization and development of the region (Maurice Lachin).

Key words: Manchukuo, Manchuria, France, Japan, expansion, modernization

Официальное провозглашение 1 марта 1932 года независимого государства Маньчжоу-го, созданного на территориях Северо-Восточного Китая, которые были оккупированы Квантунской армией осенью и зимой 1931/32 года, означало новый этап японской экспансии на континенте, выходящий за пределы традиционного раздела «сфер влияния», и попытку закрепить новый баланс сил в регионе. Это было сделано в качестве открытого противостояния «доктрине Стимсона» – официальной позиции США, изложенной в ноте государственного секретаря Генри

Стимсона от 7 января 1932 года – о непризнании возможных территориальных изменений в Маньчжурии в результате применения силы и «установления какого бы то ни было статуса де-факто», «включая договоры и соглашения, касающиеся суверенитета, независимости либо административной или территориальной целостности Китая», в условиях, когда «недавние военные операции, развернувшиеся вокруг Цзиньчжоу, уничтожили последний признак административной власти Китайской республики в Южной Маньчжурии в том виде, в каком она существовала там до 18 сентября» 1931 года [Стимсон, с. 66]. Позицию США поддержали Великобритания, Франция и вслед за ними большинство стран-членов Лиги Наций [Молодяков, 2018].

Создание Маньчжоу-го официально мотивировалось наличием движения за независимость Маньчжурии и ссылкой на принцип «права наций на самоопределение», введенный в широкий международный обиход в 1918 году президентом США Вудро Вильсоном и ставший одним из краеугольных камней нового, послевоенного миропорядка. Уже 27 сентября 1931 года, через девять дней после оккупации Мукдена частями Квантунской армии, японское телеграфное агентство «Рэнго» сообщило о создании в этом городе китайского комитета, готовящего объявление независимости Маньчжурии. 25 февраля 1932 года мэр Мукдена известил журналистов о скором провозглашении нового государства Маньчжоу-го во главе с «регентом» и со столицей в Чанчуне, о его пятицветном флаге и значении каждого из цветов, о названии эры правления. 8 марта последний император цинского Китая Айсин Горо Пу И, согласившийся стать «регентом» Маньчжоу-го, прибыл в Чанчунь и на следующий день в ходе торжественной церемонии, проходившей под контролем японских военных, официально принял пост. 11 марта были провозглашены временная конституция Маньчжоу-го и декларация прав его граждан. 12 марта страны, представленные консульствами на территории Маньчжурии, были официально извещены о создании нового государства, разорвавшего дипломатические отношения с Китаем, и приглашены к вступлению с ним в дипломатические отношения. Маньчжоу-го объявило о принятии на себя прежних обязательств Китайской республики на данной территории и обещало следовать принципу «открытых дверей» [Lévy, 1932, p. 181–186].

Маньчжоу-го имело необходимые формальные атрибуты независимого государства, но с самого начала полностью контролировалось Японией, хотя та не сразу признала его де-юре, стремясь создать прецедент признания другой страной: первой это сделала небольшая центральноамериканская республика Сан-Сальвадор (очевидно, что не без «усилий» со стороны Токио). Центральное правительство Китая в Нанкине официально протестовало против создания «марионеточного государства», каковое определение и закрепилось за Маньчжоу-го у тех, кто отказывался признать его.

Даже не признавая новое государство де-юре, игнорировать факт его существования было трудно. Среди французских аналитиков, работам которых посвящена настоящая статья, наиболее радикальную позицию занял профессор юридического факультета Сорбонны Жан Эскарра (1885–1955). Действовавший в Париже Европейский центр Фонда Карнеги в январе 1933 года пригласил его

прочитать курс из шести лекций «Лига Наций и китайско-японский конфликт». Специалист по гражданскому праву, Эскарра преподавал в парижском Институте китайских исследований, а в 1921–1929 годах работал в Китае юридическим советником национальных правительств и был одним из авторов Гражданского кодекса 1929 года, принятого режимом Чан Кайши. Эскарра заявил, что выступает не от китайской стороны, а лично от себя, т.е. анализирует и оценивает происходящее как независимый эксперт с точки зрения международного права, а не одной из конфликтующих сторон, но оговорка никого не ввела в заблуждение относительно позиции лектора [Молодяков, 2019, с. 233–235]. Создание Маньчжоу-го правоев демонстративно проигнорировал, поскольку отчет Комиссии Лиги Наций, известной как «комиссия Литтона», квалифицировал его создание как незаконное, а термины «маньчжоугоское правительство» и «маньчжоугоская армия» употреблял исключительно в кавычках [Lévy, 1932, p. 188].

«Верный обыкновению никогда не представлять вопрос только с одной стороны» [Escarra-Ray, p. 5], Европейский центр Фонда Карнеги вслед за Эскарра предоставил трибуну доктору права Жану Рэю (1884–1943), юридическому советнику японского посольства в Париже, который прочитал шесть публичных лекций «Позиция, деятельность и политика Японии в Маньчжурии». Стенограммы обоих курсов вышли отдельной книгой. «Дуэль юристов» не только стала значимым эпизодом политико-пропагандистского противостояния Японии и Китая, но и отразила разность бытовавших во Франции точек зрения на дальневосточные события [Молодяков, 2019].

Рэй посвятил особую лекцию «Новому маньчжурскому государству» [Escarra-Ray, p. 231–255] как «вопросу, полностью обращенному в будущее». Он отметил, что формирование органов администрации на территориях, занятых японцами, началось из-за бегства чиновников режима маньчжурского диктатора Чжан Сюэляна и вызванной этим дезорганизации. Местные нотабли в сотрудничестве с японскими военными создали «комитеты поддержания порядка» в каждом крупном городе, что к началу 1932 года позволило им объединить усилия. Деятельность комитетов дала жизнь «движению за единство и независимость Маньчжурии», которое увенчалось созданием нового государства [Escarra-Ray, p. 233–235].

Признав вопрос о легитимности Маньчжоу-го основополагающим, Рэй отверг вывод «комиссии Литтона» о том, что оно является «искусственным продуктом Японии», во-первых, на основании известного аргумента о непринадлежности Маньчжурии к «собственно Китаю», во-вторых, указав на то, что этническая и цивилизационная близость не предполагает сама по себе государственного единства: «Азиатский путешественник, посетив Брюссель и Лилль, Женеvu и Лион, не придет к выводу, что эти города должны непременно принадлежать одной стране», – и, в-третьих, напомнив о столь же существенных различиях между разными частями Китая [Escarra-Ray, p. 235–239]. Рэй заявил, что конституция Маньчжоу-го отражает волю его населения, с которым, как он напомнил, члены комиссии непосредственно не общались из-за незнания китайского языка, а полученные ими «письма от разных лиц» общим числом 1550 дезавуировал напоминанием о населении в 34 миллиона человек. Другой его аргумент звучал весомо применительно

к Европе после Первой мировой войны: «В Маньчжурии сейчас происходит то, что происходило в большинстве стран; движение за независимость – дело рук меньшинства, и так было почти везде» [Escarra-Ray, p. 239–242].

Представляя слушателям постановления и законы Маньчжоу-го, Рэй отметил, что важны не сами тексты, но «люди, которым поручено привести их в исполнение». Не скрывая особой роли японских «советников», он указал на обилие в государственном аппарате маньчжурских и китайских «старых кадров», что должно было подчеркнуть административную преемственность [Escarra-Ray, p. 245–249]. О «будущем такого сотрудничества» Рэй высказался с ожидаемым оптимизмом: «Если бы японцы хотели, как говорят их противники, создать марионеточное правительство, стали бы они искать наследника старой маньчжурской династии, человека, который в силу своей личности, в силу влияния своей семьи и всей исторической традиции, имеет в этой стране не сравнимый ни с чьим престиж? Этот выбор все объясняет: я уверен, что японцы действительно хотят, как они сами не раз заявляли, создать в Маньчжурии что-то новое, создать систему сотрудничества с местным населением. Как реализуется это сотрудничество? Будущее покажет. <...> Японские администраторы в Маньчжурии намерены осуществить масштабное экономическое развитие страны. <...> Еще рано судить о том, к чему могут привести эти усилия, но я уверен, что уже сейчас они представляют интерес и для местного населения, и для иностранцев. <...> Очевидно, что мы присутствуем при опыте, достойном осуществления и содействия» [Escarra-Ray, p. 249–255].

Рэй представлял позицию Токио, но аргументы японской стороны были признаны и независимыми аналитиками. Один из них – А. Р. Тюлье, биографические сведения о котором пока найти не удалось. Весной 1935 г. он представил юридическому факультету Университета Тулузы в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора права книгу «Маньчжурия и китайско-японский конфликт перед Лигой Наций» (напечатана в Тулузе под маркой парижского издательства «Recueil Sirey», которое специализировалось на литературе по праву и выпускало среди прочих книги Эскарра и Рэя) и не позднее 27 апреля 1935 года получил искомую степень. Этим числом датирован его инскрипт на экземпляре в моем собрании, на обложке и титульном листе которого автор уже фигурирует как «доктор права»; другой вариант, представленный к защите в качестве диссертации, отличается лишь обложкой и титульным листом, на которых нет упоминания об ученой степени [Молодяков, 2019, с. 245–247].

Тюлье преследовал не политические, но академические цели, начав исследование первой фразой из предисловия Мишеля Монтэня к «Опытам»: «Это искренняя книга, читатель» [Tullié, p. 1]. Актуальность темы он мотивировал значением позиций Франции в Индокитае. Автор высоко оценил вклад Японии в экономическое развитие Маньчжурии после русско-японской войны, сделав акцент на его взаимовыгодном характере: сырье в обмен на инвестиции и технологии [Tullié, p. 110–111]. Поэтому создание Маньчжоу-го он, вопреки утверждениям о его «искусственности» и «полном подчинении японской политике», считал не только легитимным, но положительным фактом, напомнив о «тирании Чжанов, их прискорбных методах управления, вызванной ими невероятной финансовой разру-

хе и нищете, в которую их правление повергло все население». Причастность «Японии» к созданию нового государства требовала конкретизации, поскольку инициатива исходила не от правительства в Токио, не от МИД, военного министерства или генерального штаба, как обычно, но неверно утверждалось, – но от группы офицеров штаба Квантунской армии, что укладывалось в систему *гэко-кудзэ*, или подчинения верхов инициативе снизу [Toland, p. 3–12]. Тюлье справедливо указал на инструкции главы МИД Сидэхара Кидзюро и военного министра Минами Дзиро своим подчиненным в Маньчжурии о «невмешательстве» в происходящие события [Tullié, p. 339–340], хотя вряд ли представлял себе сложность ситуации, которая стала ясной лишь из документов и мемуаров, опубликованных после Второй мировой войны.

Тюлье призвал признать новое государство де-юре, не просто выразив уверенность в его жизнеспособности, но и утверждая его правовую совместимость с Договором девяти держав 1922 года и «общими принципами международного права», а также то, что «действия Японии в течение всего этого дела были полностью нормальными» [Tullié, p. 340–343]. Конкретные аргументы он заимствовал из более ранней работы французского юриста Э. де Вевра «Признание де-юре регентства Маньчжурии и Договор девяти держав» [de Vevre, 1932], которую подверг критике Эскарра. У нас нет оснований говорить о политическом резонансе диссертации Тюлье, но сам факт ее существования и одобрения высокой академической инстанцией показывает неоднозначность восприятия французской элитой 1930-х годов японской континентальной и колониальной политики, что отразилось не только в дуэли политически ангажированных юристов.

Нейтральную – точнее, равноудаленную – позицию в споре попытался занять Роже Леви (1887–1975), секретарь французского Комитета по изучению тихоокеанских проблем, а ранее активист Социалистической партии и автор апологетических брошюр о Фридрихе Адлере (1917) и Льве Троцком (1920). Работы этого автора о японо-китайских отношениях и о политике Франции на Дальнем Востоке заслуживают отдельного рассмотрения, поэтому остановимся пока на том, что он писал о Маньчжоу-го.

Первая книга Леви о дальневосточных событиях «Чья Маньчжурия?» [Lévy, 1932] вышла в издательстве «A. Pedone», специализировавшемся на юридической литературе и выпускавшем среди прочих книги Эскарра. Автор посвятил ее виднейшему французскому историку-китаисту того времени Полю Пеллио, что «читалось» как выражение симпатии к Китаю, но не признак политической ангажированности: Пеллио изучал религию, древнюю и средневековую литературу, причем не только китайскую, но также монгольскую, тибетскую и уйгурскую. Поставив вопрос об «определении агрессора» [Lévy, 1932, p. 7–9], автор не ограничился односторонним осуждением действий Японии, но рассмотрел ситуацию в Маньчжурии в исторической перспективе трех десятилетий, начиная с «боксерского восстания» 1900 г., и привел различные точки зрения, не солидаризирусь открыто ни с одной из них. Объективность автора должно было подчеркнуть обширное документальное приложение к книге, представлявшее позицию всех конфликтующих сторон. Короткая глава 11 «Маньчжоу-го или Маньчжурская страна» (в оригинале «*rays*»)

[Lévy, 1932, p. 181–191] выдержана в стиле «только факты». Среди прочего автор сообщил, что «население Маньчжурии не встречало ликованием ни новое правительство, ни Пу И», добавив: «В Маньчжурии царят смятение и нестабильность, на искоренение которых претендует новая власть. <...> Правительству Маньчжоу-го потребуется много усилий, терпения и материальных средств, чтобы преодолеть такое умонастроение и заставить понять, что порядок и умиротворение соответствуют общим интересам» [Lévy, 1932, p. 187, 190].

Рассматривая в книге «Дальний Восток и Тихий океан» [Lévy, 1935] регион как арену взаимодействия великих держав: Китая, Японии, России / СССР, Великобритании, США, Франции и Германии, – Леви не отвел Маньчжоу-го отдельной главы, но лишь раздел в главе о Японии (аналогично разделы о Внешней Монголии (МНР) и Синьцзяне включены в главу «Русские успехи в Азии»). Однако, встречая на предшествующих страницах замечания о Маньчжурии как «последнем завоевании» Японии или территории, «помещенной под ее сюзеренитет» [Lévy, 1935, p. 26, 63], читатель понимал, что автор не признает самостоятельность Маньчжоу-го наравне с другими государствами. В популярной книге, адресованной широкому читателю, Леви тщательно подбирал выражения и формулировки. «Очистив Маньчжурию от бандитов и заполонивших ее вооруженных банд, Япония сумела удержаться от желания аннексировать ее. Она породила государство, дала ему независимость и жизнь. Она проявила уважение к традициям, возведя на трон настоящего наследника маньчжурской династии». И следом сделал вывод: «Маньчжурия – творение Японии. Она может существовать только под ее покровительством. <...> Это специфический режим, по форме близкий к нашим протекторатам», т. е. Марокко, Тунису, Аннам и Камбодже [Lévy, 1935, p. 95]. В широко разрекламированных японских планах экономического развития Маньчжурии Леви усмотрел лишь намерение сохранить ее в качестве источника первичного сырья, добавив: «Она (Япония – *В. М.*) хочет предотвратить подъем страны (Маньчжоу-го – *В. М.*) за счет своего железа, угля или конкурентоспособной металлургии. <...> Ей позволят оставить лишь то производство, которые не считается нежелательным для метрополии. <...> В финансовом отношении Маньчжоу-го обладает огромным преимуществом перед своими соседями Японией, Китаем и Кореей: его экспорт экономически превышает импорт» [Lévy, 1935, p. 96–98]. Иными словами, он считал Маньчжоу-го не колонией, как некоторые антияпонски настроенные авторы, но «новым государством», экономически зависящим от могущественного «сюзерена» [Lévy, 1935, p. 99]. Раздел о Маньчжоу-го в главе о Японии завершают короткие параграфы о Внутренней Монголии как «лимитрофе Маньчжурии», претендующем на автономию под японским покровительством [Lévy, 1935, p. 100–102], и о Корее как «находящейся под японским сюзеренитетом», без употребления слова «колония». «Японская интервенция в Маньчжурии была представлена корейцам и принята ими как возможность улучшить их экономические условия», – заключил аналитик [Lévy, 1935, p. 102].

Из французских журналистов, добравшихся в это время до Японии следует отметить Андре Виолли (1870–1950; в старых русских переводах: Виоллис/Виолис) и Мориса Лашена (1909–1977). Книга «королевы репортажа» [Jeandel] Виолли

«Япония и ее империя» [Viollis] собрала большую аудиторию во Франции и в 1934 году вышла в СССР в русском переводе. Верная традициям «большого репортажа», которые предполагали максимальную информативность и минимальную ангажированность, позицию «поверх страстей», как в заглавии ее книги 1928 года об Эльзасе и Лотарингии, Виолли не могла открыто принять ни японскую, ни китайскую сторону при явной симпатии ко второй. Она демонстрировала сочувствие угнетенным народам в книге «Индия против англичан» (1930) и осуждала колониальную политику Франции в книге «Индокитай S.O.S.» (1935; предисловие Андре Мальро), фрагменты которой были изданы в СССР в многотиражной серии «Библиотека “Огонек”» (1936). Рассказ об идеологии, задачах и перспективах японской экспансии и о «японском фашизме» давал необходимый материал для обличения: именно так книга Виолли использовалась советской пропагандой. Добавлю, что побывавшая в Японии весной-летом 1932 года журналистка параллельно с «политической» книгой набрала материал на книгу «Интимная Япония» (1934), написанную в деполитизированном жанре «очерков нравов».

«Королева репортажа» приехала в Японию из Шанхая, где наблюдала японскую экспансию и сопротивление ей. Статьи об этом, регулярно публиковавшиеся в газете «Le Petit Parisien», составили книгу «Шанхай и судьба Китая» (1933). До Маньчжурии Виолли не доехала, но обсуждала происходившие там события с влиятельными и информированными собеседниками в Токио. Изложив читателям официальную позицию Японии и отметив единодушие прессы в отношении ее «беспорных прав» на Маньчжурию, она охарактеризовала Маньчжоу-го как «ленное владение» или «феод» японской армии, используя исторический термин «fief» [Viollis, p. 27]. Военный министр генерал Араки Садао, считавшийся идеологом внешней экспансии и внутренних преобразований в национал-реформистском («фашистском») духе и даже рассматривавшийся как потенциальный диктатор, откровенно заявил: «Мы тридцать пять лет сражались за Маньчжурию в двух войнах, где рекой лилась японская кровь. Маньчжурия ценна для нас не только в экономическом, но и в стратегическом отношении. Она является частью оборонительной системы Японии. <...> Там создается новое государство. Если оно будет и впредь лояльно относиться к нам, мы не откажем ему ни в экономической, ни в военной помощи. Мы хотим сделать из этой страны рай земной, где все смогут жить и процветать. Мы не позволим нападать на нее или разлагать ее» [Viollis, p. 31–32]. В разговоре с иностранкой генерал был сдержан, но незадолго до того заявил на «митинге, организованном патриотическим обществом»: «Ни Лига Наций, ни Москва нас не остановят. Мы никогда не свернем с нашего пути и готовы преодолеть все препятствия» [Viollis, p. 33].

«Франция, столь страдающая угнетенным народам, поймет, почему мы помогли этому государству установить у себя порядок и мир. Мы не пытаемся поработить его, у нас нет никаких территориальных притязаний». – уверял французскую гостью некий новоизбранный депутат парламента. Когда он закончил, организовавший встречу либеральный профессор, друг депутата и знакомый Виолли, резко заявил: «Все это чудовищная ложь, и вы хорошо это знаете. Не верьте. Государство Маньчжоу-го – творение японской армии, Пу И – ее манекен. Армия связала

Маньчжоу-го по рукам и ногам, управляет всеми органами пресловутого государства, его войсками, финансами, полицией. <...> Это ее феодал, ее владение, которое она никогда не бросит, даже если того потребует правительство. Но оно не потребует, потому что армия точно так же хозяйничает и здесь. Не перебивайте, – отвел он попытку депутата запротестовать. – Вы отлично знаете, что мы движемся по пути к фашизму и, возможно, находимся накануне военной диктатуры». «Не тратьте время на маньчжурскую проблему, – заключил профессор, обращаясь к журналистке. – Достаточно знать, что, согласно официальным заявлениям, там есть только сторонники Японии и бандиты. Так что это второстепенный вопрос» [Viollis, p. 35–38].

Вняв совету, Виолли уделила основное внимание в книге внутреннему положению Японии, особенно «мощному движению, которое пока можно назвать фашистским за неимением иного слова» [Viollis, p. 51], но еще две цитаты по нашей теме заслуживают внимания. «Мы взяли и сохраним Маньчжурию для нашего народа, для храбрых людей, которые трудятся и страдают», – привела она слова молодого офицера штаба Квантунской армии, одного из «умных, энергичных, амбициозных» людей, не хотевших видеть новое государство во власти банкиров и капиталистов [Viollis, p. 66]. «Я враг империалистических войн, – заявил гостю Акамацу Кацумаро, профсоюзный вождь, в прошлом один из основателей Коммунистической партии Японии, ставший к тому времени национальным социалистом, – но я уверен, что Маньчжурия необходима для экономического будущего японских трудящихся. <...> Я полностью доверяю антикапиталистическому движению молодых офицеров; я верю в его искренность и убежден, что с его помощью мы создадим социалистическое государство, которое объединит Японию и Маньчжурию» [Viollis, p. 150].

Журналистская известность Мориса Лашена, ограничившаяся 1930-ми годами, началась с книги «Япония 1934» [Lachin], за которой последовали «IV-ая Италия» (1935), «Эфиопия и ее судьба» (1935) и «Капиталистический Китай» (1938). Дебют он посвятил влиятельному критику Бенжамену Кремье, который, видимо, покровительствовал автору.

Побывавший в Японии в августе-сентябре 1933 года, Лашен, в отличие от Виолли, добрался до Маньчжоу-го, предварительно посетив Корею (восприятие иностранцами японской политики в Корее – отдельная важная тема). «Маньчжурская реальность», как автор озаглавил главу 15 книги, ему в целом понравилась. Описывая первые минуты пребывания на территории нового государства, а именно прохождение паспортного контроля на границе с Кореей, журналист отметил, что документы проверял «молодой китаец, у которого все родные живут в Китае, который изучал право в Пекине и был счастлив получить, по протекции, место в государственном аппарате Маньчжоу-го, причем без малейших возражений со стороны родственников, многие из которых, как он пояснил, служат в администрации нанкинского правительства, – те были счастливы, что их кузен или племянник нашел хорошее местечко» [Lachin, p. 187]. Из этого автор сделал вывод – возможно, несколько поспешный: «У китайцев полностью отсутствует та идея национальности – я не говорю о патриотизме – которая составляла силу древнего Рима» [Lachin, p. 188].

«Китайцы равнодушны к подобным вещам. Чего они требуют, так это возможности есть, пить и зарабатывать деньги. Все прочее – литература», – неоднократно слышал Лашен от местных жителей, даже если последнюю фразу, звучащую слишком по-верленовски, придумал сам. [Lachin, p. 191]. Отметив присутствие в Маньчжоу-го большого числа китайцев из северных провинций, он пояснил, что граница для них фактически открыта, как и для перемещения в обратном направлении. «Какое еще требуется более убедительное доказательство превосходных отношений между Китаем и Маньчжурией, чем эта свобода перемещения для жителей обеих стран?», – парировал он расхожие утверждения о китайско-маньчжурском антагонизме [Lachin, p. 188]. «Где же очаги сопротивления японскому господству в новом государстве? Где весь этот восставший народ, о котором нам так много вешали в Женеве?» – вопрошал он. «Враги режима? Да сюда валом валят китайцы, всего лишь два-три года назад окончившие университеты в Пекине, Шанхае и даже Нанкине, чтобы найти местечко в администрации нового государства. <...> В Маньчжурии мы служим правительству Маньчжоу-го, в Китае – нанкинскому правительству», – пояснил собеседник-китаец. Другой китаец из местной администрации обмолвился, что «возможно, скоро поедет в наше посольство в Лондон». На недоуменное замечание француза, что у Маньчжоу-го нет дипломатических отношений с Великобританией, он невозмутимо ответил: «Говоря о нашем посольстве, я имел в виду китайскую миссию в Лондоне. Мой отец служил дипломатом, и многие мои родственники аккредитованы при Сент-Джеймском дворе» [Lachin, p. 191–192].

Бросавшееся в глаза пребывание японской армии в Маньчжоу-го Лашен объяснил тем, что страна «завоевана, но еще не замирена», и поделился наблюдением: «Рядом с японскими солдатами чувствуешь себя в безопасности, но, оказавшись в одиночестве среди солдат нового государства, хочется как можно скорее оказаться у себя дома» [Lachin, p. 188]. «В маньчжурских и японских газетах нередко можно прочитать, что подразделения маньчжурской армии взбунтовались или перешли к бандитам с оружием и снаряжением» [Lachin, p. 194]. Разница между солдатами и бандитами в Китае, пояснил Лашен, вообще невелика: «Первые служат генералу, то есть бандиту, который объявил себя таковым и принес присягу на верность центральному правительству или губернатору провинции. Вторые служат генералу вне закона, которому завтра, может быть, будут оказаны высочайшие почести» [Lachin, p. 193]. И привел диалог с одним из местных чиновников: «Что испытывает маньчжурский народ по отношению к японцам? – Удивление. – Как это? Поясните, пожалуйста. – Китайское население Маньчжурии удивлялось тому, что японские солдаты платят за то, что берут. В Китае веками не видали такого, чтобы солдаты платили за то, что берут. – А раньше? – Торговец был счастлив, если отделялся от солдата цыпленком» [Lachin, p. 192–193].

Если настоящее нового государства, по заключению Лашена, зависит от японской армии, которая обеспечивает его безопасность, то будущее – еще и от японских капиталов, необходимых для экономического развития, поскольку одно лишь наличие природных ресурсов развития не обеспечивает. «Пока Япония сильна, – прямо заявил француз высокопоставленному лицу из японского МИД, – Маньчжоу-

го будет развиваться; но если однажды ваша страна потеряет силу, существование Маньчжоу-го окажется под угрозой» [Lachin, p. 202–203]. События августа-сентября 1945 года полностью подтвердили правоту его предсказания. На опыте Кореи автор высоко оценил колониальную политику Японии, «продемонстрировавшей решимость быстро преобразовать отсталую во всех отношениях страну в авангард промышленного прогресса» [Lachin, p. 195–196]. Приводимые им цифры официальной статистики настраивали на оптимистический лад. В том же духе Лашен оценил перспективы японской «демографической экспансии» на континент, но подчеркнул, что «Япония не хочет *политически* аннексировать Маньчжоу-го», сравнил его, для французской аудитории, с Цизальпинской республикой, созданной в 1797 года генералом Наполеоном Бонапартом на севере Италии [Lachin, p. 200, 202]. Дав читателю понять, что о подлинной независимости речь не идет, он осторожно назвал существующий режим «диархией, двумя головами которой являются Пу И и японский посол». «Японский посол – не простой дипломат, – пояснил Лашен. – В первую очередь он – командующий Квантунской армией. <...> Он больше, чем посол, он вице-король! <...> Посольство Японии в Маньчжурии больше похоже на администрацию, чем на дипломатическое представительство» [Lachin, p. 203–204].

Несмотря на молодость и малую известность (в 1933 году автору было 24 года, и он готовил дебютную книгу), Лашен был принят первыми лицами – Пу И и его министрами, командующим Квантунской армией генералом Хисикари Такаси и начальником ее штаба генералом Койсо Куниаки, будущим генерал-губернатором Кореи и премьер-министром Японии. Пу И согласился ответить на «острые» вопросы, но ответы оказались предсказуемыми. Он заявил, что согласился стать регентом без какого-либо давления извне, а только в силу «моральных обязательств перед бывшими подданными, которые попросили [его] снова занять трон [его] предков», и не намерен распространять свое влияние за пределы Маньчжурии, если только «китайский народ, которому надоело жить в анархии, не призовет [его] к власти» [Lachin, p. 208–210]. «Мы совершенно не намерены поощрять расширение Маньчжоу-го. Ошибочно видеть в его рождении первый этап военных операций более широкого масштаба», – уверял генерал Хисикари, оговорив при этом, что Япония «не может без тревоги смотреть на русских, устраивающих всяческие провокации на границах Маньчжурии» [Lachin, p. 210–211]. На вопрос о том, «не приведет ли нынешняя ситуация к конфликту с Россией», генерал Койсо, которого называли «крестным отцом» Маньчжоу-го, ответил: «Надеюсь, что не приведет, что, напротив, Маньчжоу-го станет фактором стабилизации и послужит укреплению мира, угроза которому действительно существует» [Lachin, p. 220]. А что еще они могли сказать...

Было бы несправедливо считать книгу Лашена, содержание которой выходит далеко за пределы проблем Маньчжурии, прояпонской пропагандой. Она отразила разнообразие оценок и мнений, бытовавших во французской политической аналитике и журналистике. «Китайский инцидент» 1937 года не только изменил ситуацию в регионе, но и поляризовал оценки происходящего. Эту тему автор намерен исследовать в дальнейшем.

Список литературы

Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: вокруг «Маньчжурского инцидента» // Япония. Ежегодник. 2018. Т. 47. М. : АИРО-XXI, 2018. С. 203–219.

Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов» // Япония. Ежегодник. 2019. Т. 48. М. : АИРО-XXI, 2019. С. 228–249.

Стимсон Г. Л. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. М. : Соцэкгиз, 1938. 16+196 с.

Escarra J. Le Conflit Sino-Japonais et la Société des Nations / Ray J. La position, l'oeuvre et la politique du Japon en Mandchourie. Paris : Publications de la conciliation internationale, 1933. 278 p.

Jeandel A.-A. Andrée Viollis : une femme grand reporter, une écriture de l'événement 1927–1939. Paris : L'Harmattan, 2006. 272 p.

Lachin M. Japon 1934. Paris : Gallimard, 1934. 252 p.

Lévy R. A qui la Mandchourie! Paris : A. Pedone, 1932. 294 p.

Lévy R. Extrême-Orient et Pacifique. Paris : Armand Coline, 1935. 220 p.

Toland J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945. New York : Random House, 1970. 956 p.

Tullié A. R. La Mandchourie et le conflit Sino-Japonais devant la Société des Nations. Paris : Recueil Sirey, <1935>. 379 p.

de Vevre E. La reconnaissance de jure de la Régence de Mandchourie et le Traité des Neuf Puissances. Paris : Rousseau, 1932. 137 p.

Viollis A. Le Japon et son empire. Paris : Grasset, 1933. 266 p.

References

Escarra, J. (1933). *Le Conflit Sino-Japonais et la Société des Nations* // Ray, J. (1933). *La position, l'oeuvre et la politique du Japon en Mandchourie*. Paris, Publications de la conciliation internationale, 1933. 278 p.

Jeandel, A.-A. (2006). *Andrée Viollis: une femme grand reporter, une écriture de l'événement 1927–1939*. Paris, L'Harmattan. 272 p.

Lachin, M. (1934). *Japon 1934*. Paris, Gallimard. 252 p.

Lévy, R. (1932). *A qui la Mandchourie?* Paris, A. Pedone. 294 p.

Lévy, R. (1935). *Extrême-Orient et Pacifique*. Paris, Armand Coline. 220 p.

Molodiakov, V. E. (2018). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii : vokrug "Manchzhurskogo intsidenta" [Japanese Colonial Policy as Seen from France: around "Manchurian Incident"]. In: *Yaponiya. Ejegodnik. 2018*. TT. 47, pp. 203–219.

Molodiakov, V. E. (2019). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii : "Manchzhurskiy intsident" i "duel' yuristov" [Japanese Colonial Policy as Seen from France : "Manchurian Incident" and "Jurists' Duel"]. In: *Yaponiya. Ejegodnik. 2019*. T. 48, pp. 228–249.

Stimson, H. L. (1938). *Dal'nevostochnyi krizis. Vospominaniya i nablyudeniya* [The War Eastern Crisis. Recollections and Observations]. Moscow, Sozgekiz, 1938. 16+196 p.

Toland, J. (1970). *The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945*. New York, Random House. 956 p.

Tullié, A. R. (1935). *La Mandchourie et le conflit Sino-Japonais devant la Société des Nations*. Paris, Recueil Sirey. 379 p.

de Vevre, E. (1932). *La reconnaissance de jure de la Régence de Mandchourie et le Traité des Neuf Puissances*. Paris, Rousseau. 137 p.

Viollis, A. (1933). *Le Japon et son empire*. Paris, Grasset. 266 p.

The article was submitted on 22.02.2020

А. Е. Лестев, Е. А. Курамшина

ДОНЕСЕНИЕ Б. Ф. ФЕЛЛЕРСА Д. МАКАРТУРУ КАК ОСНОВА ПРИНЦИПАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ США ОТНОСИТЕЛЬНО СУДЬБЫ ИМПЕРАТОРА ЯПОНИИ ХИРОХИТО ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье приводится перевод исторического документа «Донесение главнокомандующему», написанного бригадным генералом Б. Ф. Феллерсом для главнокомандующего союзных держав в Японии генерала армии США Дугласа Макартира. В статье рассматривается причина возникновения данного документа, личность автора донесения, а также степень влияния данного документа на послевоенные отношения между США, Японией и СССР и, главным образом, на судьбу императора Японии Хирохито. Боннер Феллерс сыграл важную роль в сохранении императорской системы в Японии и оправдании императора Хирохито в обвинениях о причастности к военным преступлениям. Официальные документы, написанные Б. Феллерсом, и его воспоминания являются важными историческими источниками для изучения послевоенных международных отношений.

Ключевые слова: Хирохито, Дуглас Макартир, Боннер Феллерс, Вторая мировая Война, послевоенная Япония, военные преступления, оккупация Японии, холодная война.

Anton E. Lestev, Yelena A. Kuramshina

FELLERS MEMORANDUM TO MACARTHUR AS THE BASE OF PRINCIPLED STANCE OF THE USA ABOUT HIROHITO'S FATE, EMPEROR OF JAPAN, AFTER THE END OF WORLD WAR II

Summary. The article contains the translation of the historical document “Memorandum to the Commander-in-chief” written by Bonner F. Fellers, Brigadier General, to Douglas MacArthur, Supreme commander of the Allied Powers in Japan, General of the USA Army. In the article it is reviewed the cause of the document appearance, the personality of the author who wrote the memorandum and what kind of an influence the document had on postwar relationships between the USA, Japan, the USSR and especially on the fate Hirohito, Emperor of Japan. Bonner F. Fellers played a pivotal role in the retention of the imperial power system in Japan and in Emperor Hirohito's absolution of prosecutions that stated his involvement in war crimes. Official documents written by Bonner F. Fellers and his memories are important primary historical sources for the study of postwar international relations.

Key words: Hirohito, Douglas MacArthur, Bonner F. Fellers, World War II, postwar Japan, war crimes, occupation of Japan, cold war.

1 февраля 1950 года Госдепартаменту США была вручена нота советского правительства с требованием привлечь императора Японии Хирохито к международному военному суду в качестве военного преступника.

Вопрос о наказании императора Хирохито (1901–1989) как военного преступника был одним из главных элементов политической борьбы вокруг послевоенной Японии, оккупированной американцами. Советский Союз пытался использовать сложившуюся вокруг императора ситуацию в качестве инструмента

давления на главнокомандующего союзных держав в Японии генерала армии США Дугласа Макартура (1880–1964). Между тем, исследование исторических документов показывает, что выбранная Советским Союзом тактика оказалась неудачной, т. к. американское правительство заранее приняло решение не судить императора и сохранить, хоть и формально, систему императорской власти в Японии [Лестев, 2015].

Наказанием военных преступников занимался Международный военный трибунал, сформированный из представителей 11 стран. Главным обвинителем трибунала выступал американский адвокат Джозеф Кинан [Панов, 2014, с. 68], что означало: окончательное решение о привлечении к суду находится в ведении правительства США.

Американская позиция по поводу личности императора Хирохито была сформулирована задолго до 1950 года. Еще до окончания войны с Японией многие влиятельные американские политики выступили за сохранение императорской системы власти в Японии после ее оккупации. Среди них были: бывший посол США в Японии, заместитель государственного секретаря Дж. Грю, военный министр г. Стимсон, помощник президента адмирал У. Леги [Панов, 2014, с. 20]. Однако, главным в этом вопросе стало мнение генерала Макартура, представленное им в Белый дом: «Обвинительный приговор императору приведет японское общество к глубочайшему эмоциональному потрясению, трагические отголоски которого ощутят и грядущие поколения страны» [Панов, 2014, с. 68].

Позиция Макартура была основана на результатах проведенного по его приказу расследования о роли и мере ответственности императора за военные преступления японцев в ходе Второй Мировой Войны. Расследование было поручено провести бригадному генералу, военному секретарю Главнокомандующего Фрэнку Боннеру Феллерсу (1896–1973).

Выбор Феллерса на эту роль был не случайным. Еще до войны Феллерс изучал японскую культуру и три раза посетил Японию [Holden, 1998, p. 13]. Будучи студентом колледжа командования и генерального штаба армии США Б. Ф. Феллерс провел исследование и написал тезисы для получения степени магистра под названием «Психология японского солдата» [Fellers, 1936], в которых он рассматривал влияние синто, кодекса бусидо и императорской системы на формирование особенностей японского характера. Свое исследование Б. Ф. Феллерс завершил размышлениями о важности для американских офицеров понимания психологии японского солдата. В 1943 году Б. Ф. Феллерс был назначен военным секретарём в штаб генерала Дугласа Макартура и руководителем направления по организации психологической войны против японских боевых частей. Большой опыт и знание японской культуры сделали Боннера Феллерса идеальной кандидатурой для проведения расследования в отношении императора Японии. Кроме того, Б. Ф. Феллерс (рис. 1) разделял взгляды Д. Макартура об опасности стремлений Советского Союза к мировому господству [Fellers, 1953, p. 3] и о необходимости противодействия распространению мирового коммунизма. Рожденный в религиозной семье [Congressional record, 1973, p. 3] Б. Ф. Феллерс испытывал крайнюю неприязнь к антихристианской направленности коммунистической идеологии.

*Рис. 1. Фотография Б. Ф. Феллера с суперобложки книги *Wings for peace. A Primer for a New Defense*, 1953 год*

27 сентября 1945 года состоялась знаковая встреча между генералом Дугласом Макартуром и императором Хирохито (рис. 2), на которой присутствовал Б. Ф. Феллерс. По свидетельству Феллера Хирохито хоть и держался достойно, но все же нервничал, опасаясь быть осужденным [Holden, 1998, p. 15].

Боннер Феллерс провел расследование, опираясь на факты, полученные в результате допросов высокопоставленных японских чиновников и членов императорского совета. Свои выводы по результатам расследования он изложил 2 октября 1945 года в «Донесении главнокомандующему» [Fellers, 1945].

Донесение состояло из одной страницы машинописного текста и не содержало каких-либо развернутых подробностей и юридических тонкостей (рис. 3). Тем не менее, именно оно легло в основу американского решения о судьбе японского императора. В своей секретной телеграмме в Вашингтон Д. Макартур цитировал выводы Феллера [Holden, 1998, p. 15].

Таким образом, генерал Макартур и его штаб сформировали позицию по недопущению суда над императором Японии Хирохито. Однако официальных заяв-

лений по этому поводу не было сделано вплоть до 17 июня 1946 года. Только тогда Д. Кинан дал понять, что император к суду привлечен не будет. Это означало, что данный вопрос является решенным. Хирохито даже написал благодарственное письмо г. Трумэну – президенту США, в знак признания его великодушного отношения к судьбе императора [Панов, 2014, с. 69].

Более подробные выводы по результатам своего расследования Боннер Ф. Феллерс изложил в статье «Hirohito's Struggle to surrender» («Борьба Хирохито за прекращение войны») [Fellers, 1947], вышедшей в 1947 году в июльском номере журнала «Иностранная служ-

Рис. 2. Совместная фотография Д. Макарура и Хирохито во время встречи

ба». Перевод статьи опубликован А. Лестевым в журнале «Современные востоковедческие исследования» [Лестев, 2019]. В этой статье подробно описываются разногласия между японскими чиновниками и события, предшествовавшие капитуляции Японии. При этом характерно, что Феллерс пытался переложить ответственность за затягивание войны на СССР: «Хладнокровно в своих собственных интересах СССР планировал занять доминирующее положение на Востоке, как в территориальном плане, так и в политическом. Для достижения этой цели СССР планировал вступить в войну с Японией в наиболее благоприятное для него время. В результате проведенного мной расследования, основанного на допросах членов кабинета Хирохито и других высокопоставленных чиновников, а также истории рассказанной лично императором, я выяснил, что СССР, выдвигая грабительские требования в качестве платы за посреднические услуги между Японией и США, сделал все возможное, чтобы задушить первые попытки японцев добиться разумной капитуляции в течение всей зимы и весны 1945 года. В июле СССР снова заблокировал попытку капитуляции, не приняв в качестве официального посланника императора Японии принца Коноэ, уполномоченного сдаться и добиться мира» [Лестев, 2019, с. 59]. Высказывание подобной точки зрения Б. Феллерсом сформировалось не только вследствие его критического отношения к СССР, но и в результате обострившихся отношений между союзниками. Штаб Макартура боялся, что под давлением СССР правительство США может изменить своё решение относительно Хирохито. По этой причине Феллерс считал главной задачей доказать невиновность Хирохито [Holden, 1998, p. 16].

Интересно, что американский исследователь Джон Дауэр считал взгляды Феллерса на японский характер и на императора практически неизменными со времени написания «Психологии японского солдата» [Дауэр, 2017, с. 239]. Д. Дауэр не цитирует рассматриваемое в статье донесение Феллерса. При этом описание взглядов Феллерса из других работ и донесений, включая более ранние, совпадают с положениями донесения от 2 октября 1945 года. В работе «Ответы Японии», написанной летом 1944 года, Феллерс писал: «свержение с трона или повешение императора вызовет сильнейшую и неистовую реакцию со стороны всех японцев» [Дауэр, 2017, с. 239].

Таким образом, Донесение Главнокомандующему от 2 октября 1945 года следует рассматривать в качестве официально высказанного мнения от признанного в американской армии япониста и специалиста по психологической войне. Этот официальный документ был необходим для подкрепления позиции Главнокомандующего. Скорее всего, для написания донесения Феллерс лишь кратко суммировал выводы, к которым он пришел ранее, а проведенное им расследование и встречи с представителями японской политической элиты не оказали влияния на выводы, изложенные в донесении.

Заслуги Боннера Ф. Феллерса были признаны не только в США, но и в самой Японии. 12 января 1971 года император Японии наградил Боннера Феллерса орденом Священного сокровища второй степени [Congressional record, 1973, p. 2].

В данной статье приведен перевод текста «Донесение главнокомандующему», выполненный по документу из коллекции бумаг Б. Ф. Феллерса, хранящихся

в архиве Гуверского института США (Memorandum from Brigadier General Fellers to the Commander-in-Chief, regarding American-Japanese relations and the status of the Japanese Emperor, 1945. Bonner Frank Fellers Papers, 1904–1997 Collection, box 3, folder 4, Hoover Institution Archives).

2 October 1945.

MEMORANDUM TO THE COMMANDER-IN-CHIEF:

The attitude of the Japanese toward their Emperor is not generally understood. Unlike Christians, the Japanese have no God with whom to commune. Their Emperor is the living symbol of the race in whom lies the virtues of their ancestors. He is the incarnation of national spirit, incapable of wrong or misdeeds. Loyalty to him is absolute. Although no one fears him, all hold their Emperor in reverential awe. They would not touch him, look into his face, address him, step on his shadow. Their abject homage to him amounts to a self abnegation sustained by a religious patriotism the depth of which is incomprehensible to Westerners.

It would be a sacrilege to entertain the idea that the Emperor is on a level with the people or any governmental official. To try him as a war criminal would not only be blasphemous but a denial of spiritual freedom.

The Imperial War Rescript, 8 December 1941, was the inescapable responsibility of the Emperor who, as the head of a then sovereign state, possessed the legal right to issue it. From the highest and most reliable sources, it can be established that the war did not stem from the Emperor himself. He has personally said that he had no intention to have the War Rescript used as Tojo used it.

It is a fundamental American concept that the people of any nation have the inherent right to choose their own government. Were the Japanese given this opportunity, they would select the Emperor as the symbolic head of the state. The masses are especially devoted to Hirohito. They feel that his addressing the people personally make him unprecedentedly close to them. His rescript demanding peace filled them with joy. They know he is no puppet now. They feel his retention is not a barrier to as liberal a government as they are qualified to enjoy.

In effecting our bloodless invasion, we requisitioned the services of the Emperor. By his order seven million soldiers laid down their arms and are being rapidly demobilized. Through his act hundreds of thousands of American casualties were avoided and the war terminated far ahead of schedule. Therefore having made good use of the Emperor, to try him for war crimes, to the Japanese, would amount to a breach of faith. Moreover, the Japanese feel that unconditional surrender as outlined in the Potsdam Declaration meant preservation of the State structure, which includes the Emperor.

If the Emperor were tried for war crimes the governmental structure would collapse and a general uprising would be inevitable. The people will uncomplainingly stand any other humiliation. Although they are disarmed, there would be chaos and bloodshed. It would necessitate a large expeditionary force with many thousands of public officials. The period of occupation would be prolonged and we would have alienated the Japanese.

American long range interests require friendly relations with the Orient based on mutual respect, faith and understanding. In the long run it is of paramount, national importance that Japan harbor no lasting resentment.

Bonner F. Fellers
BONNER F. FELLERS,

Brigadier General, G.S.C.,
Military Secretary to the C-in-C.

COPY: jwh

Рисунок 3. Копия «Донесения главнокомандующему» из архива Гуверского института.

БОННЕР Ф. ФЕЛЛЕРС

Бригадный генерал, Служба общего обеспечения,
Военный секретарь Главнокомандующего

ДОНЕСЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ

(Перевод с английского Курамшиной Е. А.)

2 октября 1945.

Отношение японцев к своему императору не достаточно четко понимается. В отличие от христиан, у японцев нет Бога, к которому они могли бы обращаться. Их император является живым символом расы, в котором заключена доблесть их предков. Он является воплощением национального духа, способным поступать неправильно или преступно. Преданность ему абсолютна. Хотя его никто не боится, все испытывают к императору благоговейный страх. Они никогда бы не стали прикасаться к нему, смотреть ему в лицо, обращаться к нему, наступать на его тень. Их смиренное преклонение ему доходит до самоотречения, подпитываемого религиозным патриотизмом, глубина которого не может быть постигнута представителем западной цивилизации.

Было бы кощунством допустить мысль о том, что к императору можно подходить с теми же стандартами, что и к обычным людям или к любому государственному служащему. Рассматривать его как военного преступника было бы не только святотатством, но и отрицанием духовной свободы. Императорский военный указ от 8 декабря 1941 года был неизбежной ответственностью императора, который будучи главой, тогда еще суверенного государства, обладал законным правом издать его. От самых высокопоставленных и очень надежных источников, можно выяснить, что решение о начале войны не исходило от самого императора. Лично он сказал, что у него не было намерения использовать военный указ так, как его использовал Тодзио.

Основная американская идея гласит, что народ любой страны имеет неотъемлемое право выбирать свое правительство. Если бы японцам предоставили такую возможность, они бы выбрали императора символическим главой государства. Народные массы исключительно преданы Хирохито. Они чувствуют, что его личное обращение к народу делает его беспрецедентно близким к ним. Его указ, призывающий к миру, наполнил их радостью. Теперь они знают, что он не марионетка. Они чувствуют, что сохранение им своего положения не является препятствием к такому либеральному правительству, которое соответствует их чаяниям.

Для осуществления нашего бескровного вторжения, нам потребовалась помощь императора. По его приказу семь миллионов солдат сложили оружие и в настоящий момент быстро демобилизуются. Благодаря его поступку удалось избежать гибели сотен тысяч американцев, и война завершилась намного раньше запланированного срока. Таким образом, после того, как император сделал много полезного, попытка обвинить его в военных преступлениях означала бы для японцев злоупотребление их доверием. Более того, японцы чувствуют, что безоговорочная капитуляция, как указано в Потсдамской декларации, означала сохранение государственной структуры, которая включает в себя императора.

Если императора судить за военные преступления, правительственная структура рухнет и всеобщее восстание будет неизбежно. Народ безропотно снесет любое другое унижение. Хотя они разоружены, может возникнуть хаос и кровопролитие. Потребуется большой экспедиционный корпус со многими тысячами государственных служащих. Тогда период оккупации продлится, и мы оттолкнем от себя японцев.

Долгосрочные американские интересы требуют дружеских отношений с Востоком, основанных на взаимном уважении, доверии и взаимопонимании. В конечном итоге первоочередная задача состоит в том, чтобы Япония не затаила надолго чувство обиды.

Список литературы

Даур Д. У. В объятиях победителя / пер. А. Г. Фесюн. – М. : Изд. Дом «Серебряные нити», 2017. 567 с.

Лестев А. Е. Понимание ментальности страны – значимый фактор в выстраивании внешнеполитических отношений (на примере послевоенных отношений между СССР, США и Японией) // Международные отношения. 2015. № 3. С.360.

Лестев А. Е. Статья Б. Феллера «Hirohito's struggle to surrender» как источник для изучения позиции руководства США в отношении императора Японии Хирохито // Современные востоковедческие исследования = Modern Oriental Studies. 2019. Т. 1, № 2. С. 56–67.

Панов А. Н. О Японии. Очерки и исследования дипломата. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. 608 с.

Fellers B. F. Psychology of the Japanese soldier // CGSS Student Papers, 1930–1936. 46 p. URL: <http://cgsc.contentdm.oclc.org/cdm/ref/collection/p4013coll14/id/802> (дата обращения: 22.03.2015)

Fellers B. F. Hirohito's Struggle to surrender (1947) // Bonner Frank Fellers Papers, 1904–1997 Collection, box 1, folder 2, Hoover Institution Archives.

Fellers B. F. Memorandum to the Commander-in-chief (1945) // Bonner Frank Fellers Papers, 1904–1997 Collection, box 3, folder 4, Hoover Institution Archives.

Fellers B. F. Wings for peace. A Primer for a New Defense. – Chicago: Henry Regnery Company, 1953. 248 p.

Gen. Bonner Fellers in memoriam // Congressional Record. 1973. Vol. 119. № 168. P. 3.

Holden R. Saving the throne // Earlhamite. Winter 1998. P. 12–17.

References

Dower, J. W. (2017). *V ob'iatyakh pobeditelia* [Embracing Defeat (Japan in the wake of World War II)] / Tr. by A. G. Fesiun. Moscow, Izd. Dom "Serebrianye niti", 2017. 567 p.

Lestev, A. E. (2015). Poniimanie mental'nosti strany – znachimyi faktor v vystraivanii vneshnepoliticeskikh otnoshenii (na primere poslevoennykh otnoshenii mezhdru SSSR, SShA i Iaponiei) [Understanding the mentality of the country is a significant factor in building foreign policy relations (for example, post-war relations between the USSR, the USA and Japan)]. In *Mezhdunarodnye otnosheniia* [International relations]. No. 3, p. 360.

Lestev, A. E. (2019). Stat'ia B. Fellersa "Hirohito's struggle to surrender" kak istochnik dlia izucheniia pozitsii rukovodstva SShA v otnoshenii imperatora Iaponii Khirokhito [Bonner F. Fellers' article "Hirohito's struggle to surrender" as a source for studying US position regarding the Emperor of Japan Hirohito] In *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniia*. Vol. 1, No. 2, pp. 56–67.

Panov, A. N. (2014). O Iaponii. Ocherki i issledovaniia diplomata [On Japan. The Diplomat's Essays and Studies]. Moscow, OLMA Media Grupp. 608 p.

Fellers, B. F. (1936). Psychology of the Japanese soldier. In *CGSS Student Papers*. URL: <http://cgsc.contentdm.oclc.org/cdm/ref/collection/p4013coll14/id/802> (mode of access: 22. 03. 2015).

Fellers, B. F. (1947). Hirohito's Struggle to surrender. Bonner Frank Fellers Papers, 1904–1997 Collection, box 1, folder 2, Hoover Institution Archives.

Fellers, B. F. (1945). Memorandum to the Commander-in-chief in *Bonner Frank Fellers Papers*, 1904–1997 Collection, box 3, folder 4, Hoover Institution Archives.

Fellers, B. F. (1953). Wings for peace. A Primer for a New Defense. Chicago, Henry Regnery Company, 1953. – 248 p.

Gen. Bonner Fellers in memoriam (1973) in *Congressional Record*. 1973. Vol. 119. № 168. P. 3.

Holden, R. (1998) Saving the throne in *Earlhamite*. Winter 1998, pp. 12–17.

The article was submitted on 11.03.2020

В. В. Хренов

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ С КНДР В 1957 ГОДУ

Аннотация. Развитию экономических связей между СССР и КНДР серьезно помешала Корейская война 1950–1953 гг. Вскоре после подписания Соглашения о перемирии между Севером и Югом руководство Северной Кореи взяло курс на скорейшее восстановление национальной экономики, в серьезной степени пострадавшей от разрушительной войны: государство остро нуждалось в разного рода гражданской и промышленной продукции, которую она на тот момент была не в состоянии производить из-за отсутствия необходимых производственных мощностей. Во времена холодной войны у Корейской Народно-Демократической Республики не было иного варианта, кроме получения помощи от Советского Союза. С середины 50-х годов XX века Северная Корея вошла в число стран социалистического блока, для которых крупные промышленные предприятия Свердловска и Свердловской области производили и экспортировали свою продукцию посредством всесоюзного объединения «Тяжпромэкспорт» и ряда других. Статья посвящена экономическому сотрудничеству промышленных предприятий Свердловской области (за исключением непосредственно Свердловска) с КНДР в 1957 году – в год ликвидации в СССР отраслевых министерств и образования совнархозов. Проведен анализ статистики объемов торговли и товарной матрицы между промышленными предприятиями Свердловской области и КНДР в 1957 году, делаются обоснованные научные выводы. Новизной нашего исследования является то, что его источниковая база основана на впервые введенных в научный оборот в рамках изучаемого вопроса материалах Государственного архива Свердловской области, связанных с деятельностью отдела внешних сношений СНХ Свердловского экономического административного района, что помогло пролить свет на объемы экспортных поставок в КНДР продукции предприятий Свердловской области по линии управлений машиностроения, черной металлургии, цветной металлургии, деревообрабатывающей и бумажной промышленности. Актуальность темы обусловлена важностью понимания роли регионов СССР во внешнеэкономическом сотрудничестве Советского Союза с социалистическими странами в процессе изучения истории не только отечественной экономики, но и экономики КНДР, одного из наиболее закрытых государств мира.

Данная работа осуществлялась при поддержке Базовой университетской программы исследований Кореи через Министерство образования Республики Корея и Службы содействия развитию корееведения Академии корееведения (AKS-2019-OLU-2250001).

Ключевые слова: Свердловская область, промышленность, история экономики Урала, экономика Северной Кореи, КНДР, экономическое сотрудничество.

Valentin V. Khrenov

ECONOMIC COOPERATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE SVERDLOVSK REGION WITH THE DPRK IN 1957

Abstract. The development of economic relations between the USSR and the DPRK was seriously hindered by the Korean War of 1950-1953. Shortly after the signing of the Korean Armistice Agreement between the North and the South, the North Korean leadership headed for the speedy restoration of the national economy which had been seriously damaged by the devastating war: the state urgently needed all kinds of civil and industrial products that North Korean industry couldn't produce at that time because of the lack of necessary production capacity. In the period of the Cold

War the Democratic People's Republic of Korea had no option but to receive such assistance from the Soviet Union. And since the middle of 1950s North Korea became one of the countries of the socialist bloc for which large industrial enterprises of Sverdlovsk and the Sverdlovsk region produced and exported their products through the all-union association "Tyazhpromexport" etc., and these ties were maintained with varying success until the dissolution of the USSR. This article is devoted to the economic cooperation of industrial enterprises of the Sverdlovsk region (except for the city of Sverdlovsk directly) with the DPRK in 1957 - in the year of the liquidation of branch ministries in the USSR when Councils of National Economy were established. Statistics on trade volumes and commodity matrix between industrial enterprises of the Sverdlovsk region and the DPRK in 1957 is analyzed, reasonable scientific conclusions are made. The scientific novelty of our research is determined by using the materials of the State Archive of the Sverdlovsk Region on the activities of the Department of External Relations of the National Economy Council of the Sverdlovsk Economic Administrative Region which have been first introduced into scientific circulation. It helped us shed light on the volume of export deliveries to the DPRK from enterprises of the Sverdlovsk region working under the departments of mechanical engineering, ferrous metallurgy, non-ferrous metallurgy, woodworking and paper industry. The relevance of the topic is due to the importance of understanding the role of the regions of the USSR in the foreign economic cooperation of the Soviet Union with socialist countries in the process of studying the history of not only the domestic economy, but also the economy of the DPRK that is one of the most closed countries in the world.

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2019-OLU-2250001).

Key words: Sverdlovsk region, industry, history of the Ural economy, economy of North Korea, North Korea, economic cooperation.

В век глобализации происходит активное расширение не только политических, культурных, но и также экономических контактов России с зарубежными государствами. Что касается экономического сотрудничества, то здесь немалую роль играли и продолжают играть субъекты Российской Федерации, на территории которых сосредоточены крупные промышленные предприятия, чья продукция экспортируется во многие страны мира.

Если в наши дни формы международного экономического сотрудничества весьма разнообразны, то во времена Советского Союза их количество было весьма ограниченным и сводилась преимущественно к научно-техническим контактам и внешней торговле, основную долю которой составляла продукция отечественной промышленности. Свои коррективы в этот процесс внесла начавшаяся в 1946 году холодная война: основными рынками сбыта продукции советских промышленных предприятий вплоть до распада СССР стали так называемые «страны народной демократии» Восточной Европы, Африки, Латинской Америки и Азии, в число которых в 1948 году вошла Корейская Народно-Демократическая Республика. В экспортных поставках в эти страны были задействованы многие предприятия со всего Советского Союза, в том числе и Свердловской области.

1 июля 1957 года в СССР отраслевые министерства были упразднены, а функции территориального управления промышленностью были возложены на совнархозы (СНХ) [Закон от 10 мая 1957 года]. В Свердловской области был создан Совет народного хозяйства Свердловского экономического административного района, состоявший из различных отраслевых управлений: электротехнической промышленности, промстройматериалов и других [ГАСО. Оп. 1. Д. 1001. Л. 74]. При этом сотрудничество предприятий Свердловской области с КНДР в 1957 году

развивалось по линии пяти управлений: машиностроения, черной металлургии, цветной металлургии, промстройматериалов, деревообрабатывающей и бумажной промышленности. Ниже обозначим эти предприятия:

1. Управление машиностроения:
  - Красногвардейский крановый завод (п. Красногвардейский, Артёмовский городской округ)
  - Полевской машиностроительный завод «Красный металлист» (г. Полевской)
  - Ирбитский мотоциклетный завод (г. Ирбит)
2. Управление черной металлургии:
  - Первоуральский новотрубный завод (г. Первоуральск)
  - Ревдинский метизно-металлургический завод (г. Ревда)
  - Металлургический завод имени А. К. Серова (г. Серов)
3. Управление цветной металлургии:
  - Завод по обработке цветных металлов (г. Верхняя Салда)
  - Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов (г. Каменск-Уральский)
4. Управление промстройматериалов:
  - Фабрика имени Коминтерна (пос. Белоярский)
5. Управление деревообрабатывающей и бумажной промышленности:
  - Тавдинский фанерный комбинат (г. Тавда)

Важную роль в осуществлении экспортных поставок в Северную Корею в 1957 году играли прежде всего промышленные предприятия, подведомственные Управлению машиностроения и черной металлургии Свердловского СНХ. По Управлению машиностроения ситуация с экспортом в КНДР в указанный период складывалась следующим образом:

Красногвардейский крановый завод (ККЗ). Завод расположен в поселке Красногвардейский Артёмовского городского округа Свердловской области. Был основан на реке Ирбит в 1776 году как железоделательный завод, а в 1906 году получил название Ирбитский металлопрокатный завод [Красногвардейский крановый завод]. Вскоре после окончания войны завод освоил производство грузоподъемного оборудования – ручных лебедок, грузоподъемных кошек и тали, что обусловило появления у завода более узкой специализации и привело к переименованию его в 1952 году в «Красногвардейский крановый завод» [Красногвардейский крановый завод].

Согласно архивным документам «План поставки оборудования на экспорт в 1957 году для стран народной демократии и портфель заказов на экспорт Красногвардейского завода», начальник управления внешних сношений министерства тяжелого машиностроения С. Родионов во втором полугодии 1956 года направил в адрес руководства Красногвардейского кранового завода портфель заказов по экспорту продукции завода на 1957 год на общую сумму 389,79 тыс. руб. В указанном году экспорт предлагалось осуществлять в Китайскую Народную Республику (КНР), Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР), Демократическую Республику Вьетнам (ДРВ), Монгольскую Народную Республику (МНР) и Польскую Народную Республику (ПНР) [ГАСО. Оп. 1. Д. 936. Л. 1–22].

В 1957 году ККЗ планировал экспортировать в КНДР следующее грузоподъемное оборудование:

– таль червячная (т. е. механизм, предназначенный для подъема, опускания, перемещения грузов) грузоподъемностью 1 тонна: 7 шт. на сумму 1,4 тыс. руб. со сроком поставки в IV квартале 1957 года [ГАСО. Оп. 1. Д. 936. Л. 21–22]

– кошка (т. е. каретка, предназначенная для горизонтального перемещения тали) грузоподъемностью 1 тонна: 9 шт. на сумму 0,72 тыс. руб. со сроком поставки во II квартале [ГАСО. Оп. 1. Д. 936. Л. 16] и 7 шт. на сумму 0,56 тыс. руб. со сроком поставки в IV квартале 1957 года [ГАСО. Оп. 1. Д. 936. Л. 21–22].

– ручной кран грузоподъемностью 3 тонны, пролет 5 м.: 1 шт. на сумму 2,9 тыс. руб. со сроком поставки до 01.12.1957 [ГАСО. Оп. 1. Д. 936. Л. 22].

О том, что данные заказы были выполнены в полном объеме, свидетельствует наличие на последней странице документа отметки «Отгружено» [ГАСО. Оп. 1. Д. 936. Л. 22].

Таким образом, Красногвардейский крановый завод за 1957 год поставил в КНДР кошки, тали червячные и ручной кран на общую сумму 5,58 тыс. руб., что составило 1,43% от валовой стоимости продукции завода, отправленной на экспорт в указанном году. При этом следует отметить, что в разделе о поставках товаров ККЗ на официальном сайте завода упоминается 15 стран, в которые предприятие осуществляло поставки до 1960 года [Красногвардейский крановый завод], однако по непонятной причине об экспорте в КНДР там ничего не говорится. Можно лишь предположить, что отсутствие информации об этом связано с крайне незначительным объемом экспорта продукции относительно других государств, что упоминанием о поставках в Северную Корею решили пренебречь.

Полевской машиностроительный завод «Красный металлист». Расположен в г. Полевской Свердловской области. Основан в 1719 году и является одним из старейших отечественных предприятий [Машиностроительный завод Урала]. В годы Великой Отечественной войны в Полевской был эвакуирован машиностроительный завод «Красный металлист» (благодаря чему завод в статистических отчетах СНХ выступает как «Завод «Красный металлист»»), и с первых же дней начал вырабатывать оборонную продукцию. В послевоенное время основными видами продукции под маркой «ПМЗ» стали конвейеры, электротали, лебёдки и многочисленные виды литья [Машиностроительный завод Урала].

С поставками продукции ПМЗ в КНДР дело обстояло не так уж и просто. В плане на 1957 год «Красный металлист» должен был выполнить 38 заказ-нарядов на экспорт продукции на общую сумму 637,8 тыс. руб., из которых лишь один заказ предназначался для Северной Кореи со сроком поставки в III квартале 1957 года [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 221]. Речь шла о поставке в КНДР одного ленточного конвейера модели 6550 на сумму 8,6 тыс. руб. [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 8] по линии всесоюзного объединения «Тяжпромэкспорт» [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 221]. Однако, согласно отчета о выполнении экспортных поставок отдела внешних сношений по Свердловскому экономическому административному району за 1957 год, этот заказ оказался единственным из всех запланированных заказов ПМЗ, который завод не успел выполнить за отчетный год [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 8].

Недоставка конвейера была связана с отсутствием электродвигателя, поставляемого заводом «Кузбассэлектромотор», который поступил на ПМЗ вместо II квартала 1957 года [ГАСО. Оп. 1. Д. 947. Л. 3] только в январе 1958 года, а в феврале предполагалось произвести монтаж электродвигателя на конвейер и его отгрузку [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 34]. В итоге, хоть и с небольшой задержкой по вине смежника, конвейер был отгружен в КНДР в том же месяце, в январе 1958 года, о чем говорится в графике поставки невыполненных на 1 января 1958 года заказ-нарядов на экспорт по Свердловскому совнархозу [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 10].

Таким образом, Полевской машиностроительный завод «Красный металлист» поставил за 1957 год (с фактической отгрузкой в январе 1958 года) ленточный конвейер модели 6550 на общую сумму 8,6 тыс. руб., что составило 1,35% от валовой стоимости экспортированной продукции завода в отчетном году.

Согласно информации официального сайта «ПМЗ» о поставках продукции за рубеж, полевские конвейеры и электротали поставлялись в Болгарию, Вьетнам, Монголию, Цейлон, Югославию, Польшу, Китай, Кубу, Гану, Мали, Финляндию, Турцию [Машиностроительный завод Урала], а о поставках в Северную Корею, как и в случае с Красногвардейским крановым заводом, здесь также не говорится ни слова.

Ирбитский мотоциклетный завод (ИМЗ). Предприятие появилось в 1941 году в результате эвакуации в уральский город Ирбит Московского мотоциклетного завода, который на многие годы стал ведущим отечественным производителем тяжелых мотоциклов под маркой «Урал» [Ирбитский мотоциклетный завод]. В 1953 году началась поставка ирбитских мотоциклов М-72 на экспорт. В основном они вывозились в развивающиеся страны и государства Восточной Европы [Город Ирбит], в т. ч. и в КНДР.

Основной экспортной продукцией завода в 1957 году по-прежнему оставались мотоциклы М-72, однако сведения об их поставке в КНДР на указанный год отсутствуют. Что же касается экспорта запасных частей к этим мотоциклам, то, как следует из справки об отгрузке на экспорт мотозапчастей Ирбитским мотоциклетным заводом, география их поставок включала в себя такие страны, как Румынию, ПНР, ЧССР, ГДР, МНР, Албанию, Болгарию, Венгрию, КНР и КНДР [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 247–252]. В 1957 году запчасти на общую сумму 5,5 тыс. руб. были отгружены в КНДР в четыре этапа: 29.03.1957 (2 тыс. руб.), 18.04.1957 (2,5 тыс. руб.), 25.04.1957 (0,9 тыс. руб.) и 12.12.1957 (0,1 тыс. руб.) [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 249].

Таким образом, в 1957 году экспорт продукции в Корею Республику предприятиями, подчинявшимся управлению машиностроения Свердловского СНХ, был выполнен в полном объеме. Нарушения в сроках поставки были допущены лишь заводом «Красный металлист» по вине смежника, не поставившего вовремя на ПМЗ электродвигатель для конвейера.

Экспорт продукции в КНДР в 1957 году по предприятиям, подведомственным Управлению черной металлургии СНХ, выглядел так:

Первоуральский новотрубный завод. Был основан в 1732 году как Васильево-Шайтанский железоделательный завод, который производил чугуны и кричное железо. Нынешнее название завод получил в начале 1920-х гг., вскоре после пере-

именования города в Первоуральск и освоения прокатки труб, что и по сей день является основной продукцией предприятия [Первоуральский новотрубный завод – информация о предприятии].

В плане на 1957 год Первоуральский новотрубный должен был выполнить 401 заказ-наряд на экспорт продукции на общую сумму 37927,8 тыс. руб., из которых 3 заказа на поставку катаных труб в КНР и КНДР так и не были выполнены за отчетный год: в КНР оказалось не поставлено 2 заказ-наряда на 15 тонн, а в КНДР – 1 заказ на 5 тонн катаных труб (с поставкой в августе 1957 года), при этом сумма последнего составила 25 тыс. руб. В справке по экспортным поставкам по Управлению черной металлургии Свердловского СНХ срыв поставок в Северную Корею объяснялся неполной обеспеченностью завода металлом для изготовления 5 тонн труб [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 188]. А вот в объяснительной записке Свердловского Совнархоза о срыве поставок на экспорт в 1957 году на имя Председателя Совета министров РСФСР Ф.Р. Козлова все вышеуказанные недопоставки объяснялись тем, что для каждого из указанных заказов требовалась специальная плавка стали, в связи с чем требовалось больше времени на изготовление продукции. При этом отмечалось, что по состоянию на начало января 1958 года всё изготовлено и будет немедленно отгружено, как только будет получено разрешение на отгрузку [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 33]. В итоге товар был полностью отгружен в КНР и КНДР в феврале 1958 года [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 10].

В плане экспортных поставок Новотрубного завода на I квартал 1957 года также значился заказ на 300 погонных метров тонкостенных труб на сумму 0,28 тыс. руб. для ТЭЦ при Текстильном комбинате в Пхеньяне. В начале января 1958 года на имя зампреда Свердловского СНХ П. Я. Соколова от председателя всесоюзного объединения Проммашэкспорт Д. Казакова была направлена ведомость недопоставленного оборудования и материалов за 1957 год по состоянию на 1 января 1958 года, где был и вышеуказанный заказ [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 71]. В письме Проммашэкспорта содержалась директива принять меры к изготовлению и отгрузке материалов и оборудования в течение I квартала 1958 года [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 69], однако нам не удалось найти документального подтверждения того, что допоставка по этому заказу в итоге была осуществлена.

Ревдинский метизно-металлургический завод. Находится в г. Ревда Свердловской области. Был основан в 1734 году как Ревдинский железоделательный завод, в первой половине XX века переименован в Ревдинский метизно-металлургический завод. Базовой продукцией предприятия в советское время было производство разного вида проволоки и метизов. Прекратил существование в начале 2000-х после слияния с Нижне-Сергинским металлургическим заводом в Нижнесергинский метизно-металлургический завод (ныне АО «НЛМК-Урал» [Промышленные предприятия России]).

На 1957 год Ревдинский метизно-металлургический завод получил 141 заказ-наряд на экспорт продукции валовой стоимостью 4017,5 тыс. руб., из которых оказался не выполнен в срок единственный заказ на поставку в IV квартале 20,6 тонн бердной проволоки на общую сумму 30,8 тыс. руб., что составило лишь 0,78% от заявленной стоимости экспортируемой заводом продукции

в 1957 году [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 10]. В списке Свердловского СНХ заказ-нарядов, невыполненных на 01.01.1958 вина за срыв поставки полностью возлагалась на Ревдинский метизно-металлургический завод [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 34], а не на смежников, как это было в случае с заводом «Красный металлист». И действительно, как следует из справки по экспортным поставкам по Управлению черной металлургии, причиной такого срыва была задержка ввода Ревдинским заводом нового волочильного отделения, что не позволило изготовить продукцию в срок [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 188]. В отчете о выполнении экспортных поставок отдела внешних сношений по Свердловскому экономическому административному району за 1957 год о причинах этой недопоставки говорится, что заказ изготовлен и будет немедленно отгружен с получением разрешения на отгрузку [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 10]. В справке о выполнении поставок за 1957 год в разделе по данному заказу содержится примечание о том, что «есть разрешение грузить в январе 1958 г.» [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 207]. Тем не менее, в итоге поставка была выполнена только в феврале 1958 года [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 34].

Металлургический завод имени А. К. Серова. Был основан в 1894 году как Надеждинский металлургический завод [Надеждинский металлургический завод. О заводе]. После переименования в 1939 году города Надеждинск в Серов предприятие получило название Металлургический завод имени А. К. Серова, а в 2016 году предприятию возвращено первоначальное название [Надеждинский металлургический завод. История]. Основным видом продукции завода является производство легированной стали.

Согласно плану Министерства тяжелого машиностроения, в III квартале 1957 года Металлургический завод имени А. К. Серова должен был поставить 20,5 тонн легированной стали для Бонгунского азотно-тукового завода (АТЗ) (г. Бонгун, КНДР), однако этот заказ по итогам года по неизвестной причине оказался невыполненным [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 67]. Несмотря на срыв поставок в 1957 году, в план экспорта продукции завода им. А. К. Серова на I квартал 1958 года вошел очередной заказ для этого же АТЗ в Бонгуне, а именно: 0,72 тонны тонкостенных нержавеющей труб на сумму 1,7 тыс. руб. Как следует из примечаний к данным документам, вышеуказанная поставка в КНДР на этот раз была произведена в срок и в полном объеме [ГАСО. Оп. 1. Д. 954. Л. 24]. Однако, документального подтверждения восполнения недопоставок за 1957 год нам найти не удалось.

Таким образом, ситуация с выполнением заказов для Северной Кореи в 1957 году предприятиями черной металлургии Свердловской области оказалась несколько хуже, чем в случае с Управлением машиностроения. Все предприятия по линии Управления черной металлургии Свердловского СНХ, производившие продукцию для КНДР, испытывали те или иные проблемы с поставками, которые в основном носили технологический характер. Так, если Первоуральский новотрубный завод не сумел обеспечить в срок заказ на поставку труб в Северную Корею по причине того, что для его выполнения требовалась специальная плавка стали, то в случае Ревдинским заводом срыв сроков поставки был связан с поздним вводом в эксплуатацию нового волочильного отделения для изготовления

бердной проволоки, что, тем не менее, не помешало производителям восполнить эти недопоставки в начале 1958 года. Причина срыва заказа Серовским заводом на поставку легированной стали для Бонгунского азотно-тукового завода в КНДР осталась неизвестной, но можно полагать, что причина этого могла быть связана с более трудоемкими технологическими процессами при плавке стали, как это имело место быть на Первоуральском новотрубном заводе.

По линии Управления цветной металлургии в 1957 году в КНДР экспортировали свою продукцию следующие предприятия Свердловского СНХ:

Верхнесалдинский завод по обработке цветных металлов. Основан в 1933 году в г. Верхняя Салда Свердловской области и стал специализироваться на выпуске сплавов повышенной прочности (из титана, никеля и других цветных металлов) для авиационной, а впоследствии и ракетной промышленности [ВСМПО-АВИСМА. Создание]. В постсоветское время предприятие стало носить название ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» [ВСМПО-АВИСМА. Становление].

Согласно плану Министерства тяжелого машиностроения, в III квартале 1957 года Верхнесалдинский завод по обработке цветных металлов должен был поставить 0,7 тонн медных прутков на сумму 6 тыс. руб. для Азотно-тукового завода в КНДР, однако этот заказ в 1957 году по неизвестной причине так и не был выполнен [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 68].

Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов (ОЦМ). Основан в 1942 году в г. Каменск-Уральский Свердловской области и специализируется на выпуске такой продукции из цветных металлов, как прессованные и тянутые прутки различных сечений, проволоки, литейных сплавов и др. [Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов].

Каменск-Уральский завод ОЦМ не отличался дисциплинированностью в отношении пунктуальности выполнения показателей по экспорту продукции предприятия. По этой причине 18 января 1958 года и. о. начальника Управления цветной металлургии Н. Горский издал приказ, в котором директор Каменск-Уральского завода ОЦМ Матюханов подвергся жесткой критике за то, что не контролировал ход выполнения экспортных поставок и привел к их срыву. При этом Н. Горский обязал дирекцию завода изготовить и отгрузить продукцию в январе 1958 года и отчитаться об этом до 30 января 1958 года [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 209]. Уже через два дня после издания приказа, 20 января 1958 г. замначальника Управления цветных металлов Л. Розенберг направил в отдел внешних сношений Свердловского совнархоза дополнения к отчету об отгрузке продукции в зарубежные страны за 1957 год из которого следовало, что из 335 заказ-нарядов на экспорт изделий из драгоценных металлов на общую сумму 11 млн. руб. остались невыполненными 35 заказов на сумму 787 тыс. руб. для ЧССР, КНР, Румынии, МНР, Болгарии и КНДР. Причем объем невыполненных заказов для Корейской Народно-Демократической Республики составил 100 тыс. руб. [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 208].

Несмотря на приказ Управления цветной металлургии о необходимости допоставки продукции, нам так и не удалось найти ни одного подтверждения того, что Каменск-Уральский завод ОЦМ в итоге осуществил поставку неотгруженного в 1957 году товара.

Таким образом, ситуация с экспортом в 1957 году в КНДР продукции заводов цветной металлургии Свердловской области обострилась значительно хуже, чем в случае с предприятиями, подведомственными управлениям машиностроения и черной металлургии. Ни одно из предприятий по линии Управления цветной металлургии Свердловского СНХ не сумело обеспечить запланированные на 1957 год поставки продукции в КНДР в полном объеме. Кроме того, до сих пор остается открытым вопрос о том, были ли в итоге выполнены поставки в Северную Корею, изначально запланированные на этот период.

По Управлению промстройматериалов в обозначенный период поставки в КНДР осуществляло лишь одно предприятие Свердловска:

Фабрика имени Коминтерна. Располагается в пос. Белоярский Свердловской области. Фабрика была основана в 1914 году [Асбестовский городской округ. История Асбеста] и теперь является одним из ведущих отечественных производителей асбестового картона и теплоизоляционных материалов. После приватизации в постсоветские годы предприятие стало носить название ООО «Белоярская фабрика асбокартонных изделий» (БФАИ) [Белоярская фабрика асбокартонных изделий].

Согласно отчету треста «Союзасбест» об отгрузке товаров на экспорт от 31 декабря 1957 года, в 1957 году Фабрика имени Коминтерна отгрузила в КНДР 36,08 тонн асбестового картона (асбокартона) на сумму 55 тыс. руб. Помимо Корейской Народно-Демократической Республики, в указанном году фабрика экспортировала аналогичную продукцию также в Афганистан, Албанию и МНР [ГАСО. Д. 945. Л. 237].

Примечательно, что данный заказ для Северной Кореи был самым крупным среди всех экспортных поставок предприятия 1957 года. Так, для сравнения, в МНР было отгружено 15,7 тонн асбокартона за 26,3 тыс. руб., в Афганистан лишь 1 тонна за 1500 тыс. руб., а в Албанию и вовсе 0,2 тонны за 360 руб. При этом стоит отметить, что фактически отгруженный объем продукции во все вышеуказанные страны точно совпадал с запланированным [ГАСО. Д. 945. Л. 237].

На 1958 год у Фабрики имени Коминтерна также была запланирована поставка в Корейскую Народно-Демократическую Республику, однако в значительно меньшем объеме по сравнению с 1957 годом. Так, в I квартале 1958 года предприятие отправила в КНДР всего лишь 160 кг. (33 м²) асбестового картона ГОСТ 2850–45 [ГАСО. Д. 954. Л. 50] и была единственной экспортной поставкой предприятия за 1958 год.

Все вышеуказанные заказы, выполненные Фабрикой имени Коминтерна для Северной Кореи в 1957–1958 годах в установленные сроки и в полном объеме, предназначались для *Мадонского цементного завода* (г. Мадон, КНДР) [ГАСО. Д. 954. Л. 50], на строительство которого в этот период направлялась продукция многих промышленных предприятий Свердловска. Причем объем поставки в КНДР от общего объема экспорта предприятия в 1957 году составил 66 %.

Наконец, по управлению деревообрабатывающей и бумажной промышленности поставки в КНДР в 1957 году осуществляло лишь одно предприятие Свердловской области:

Тавдинский фанерный комбинат. Основан в г. Тавда Свердловской области в июле 1941 года. Главным видом выпускаемой продукции с начала его основания стали различные виды фанеры, древесно-стружечных плит, гнучо-клееных изделий и др. На сегодняшний день предприятие носит название «Тавдинский фанерно-плитный комбинат» [ООО «Тавдинский фанерно-плитный комбинат»].

В плане заказ-нарядов на экспорт продукции Тавдинского фанерного комбината на 1957 год имелся заказ на поставку в КНДР 94 кубометров фанеры клееной на сумму 85 тыс. руб. По итогам 1957 года этот комбинат стал единственным предприятием Свердловской области, которое, согласно его отчетам об экспортных поставках, не только выполнило, но и перевыполнило план экспорта своей продукции в Корейскую Народно-Демократическую Республику, отправив туда 102 кубометра фанеры на сумму 92 тыс. руб. [ГАСО. Оп. 1. Д. 945. Л. 183].

Таким образом, в 1957 году экономическое сотрудничество промышленных предприятий Свердловской области с Корейской Народно-Демократической Республикой велось по линии пяти управлений Свердловского совнархоза: машиностроения, черной металлургии, цветной металлургии, промстройматериалов, а также деревообрабатывающей и бумажной промышленности, которые в совокупности были представлены десятью заводами. При этом из них по три предприятия приходилось на управление машиностроения и черной металлургии, продукция которых составила основу валового объема экспортных поставок продукции предприятий Свердловской области в Северную Корею за 1957 год.

Основные проблемы в ходе поставок в КНДР в течение 1957 года преимущественно сводились к задержкам отгрузки продукции. Такие задержки в основном были связаны с нерасторопностью смежников (как в случае с заводом «Красный металлист», на который не был вовремя поставлен электродвигатель с завода «Кузбассэлектромотор» для изготовления конвейера), так и с технологическими причинами (как в случае с Первоуральским новотрубным заводом и, возможно, также Металлургическому заводу имени А. К. Серова, которым для выполнения заказа на поставку труб в Северную Корею требовалась специальная плавка стали). Иногда срыв сроков поставок происходил по вине завода-производителя (например, по причине позднего ввода в эксплуатацию нового волочильного отделения для изготовления бердной проволоки на Ревдинском метизно-металлургическом заводе), а также не очень ответственного отношения к экспортным поставкам со стороны руководства Каменск-Уральского завода ОЦМ. К сожалению, по ряду заказов, запланированных на 1957 год для КНДР, но не отгруженных в срок, нам не удалось найти документального подтверждения фактического их выполнения (например, в случае Верхнесалдинского завода по обработке цветных металлов, Металлургического завода имени А. К. Серова и одного из заказов Первоуральского новотрубного завода).

Несмотря на обозначенные выше проблемы, с которыми столкнулось большинство заводов Свердловской области в ходе обеспечения поставок своей продукции в Северную Корею в 1957 году, у четырех предприятий – Красногвардейского крапового завода, Ирбитского мотоциклетного завода, Фабрики имени Коминтерна

и Тавдинского фанерного комбината – все поставки в КНДР в целом прошли без замечаний. При этом Тавдинский комбинат, в отличие от всех остальных заводов, не только обеспечил выполнение всех заказов в срок, но и даже перевыполнил план поставок на 9%.

Что касается доли экспортных поставок промышленных предприятий Свердловской области в Корейскую Народно-Демократическую Республику по сравнению с экспортом в другие страны в 1957 году, такие данные удалось найти лишь по трем из десяти рассмотренных предприятий: по двум они оказались относительно низкими: по Красногвардейскому крановому заводу (1,43%) и Полевскому машиностроительному заводу «Красный металлист» (1,35%), а по Фабрике имени Коминтерна, напротив, достаточно высокими 66%).

Список литературы

Асбестовский городской округ. История Асбеста [Электронный ресурс]. URL: //http://asbestadm.ru/about/history/ (Дата обращения: 29.03.2020)

Белоярская фабрика асбокартонных изделий [Электронный ресурс]. URL: // https://www.exponet.ru/exhibitions/online/metallexpo2007/asbokartonyh.ru.html (Дата обращения: 10.04.2020)

ВСМПО-АВИСМА. Создание [Электронный ресурс]. URL: // http://www.vsm-po.ru/pages/Sozdanie (Дата обращения: 19.01.2020)

ВСМПО-АВИСМА. Становление [Электронный ресурс]. URL: // http://www.vsm-po.ru/pages/Stanovlenie (Дата обращения: 19.01.2020)

Город Ирбит – бывшая мотоциклетная столица России [Электронный ресурс]. URL: // http://irbit.info/news/problems/1334/ (Дата обращения: 14.01.2020)

Государственный архив Свердловской области – ГАСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 936. 22 л.

Государственный архив Свердловской области – ГАСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 945. 256 л.

Государственный архив Свердловской области – ГАСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 947. 11 л.

Государственный архив Свердловской области – ГАСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 954. 188 л.

Государственный архив Свердловской области – ГАСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 1001. 170 л.

Ирбитский мотоциклетный завод [Электронный ресурс]. URL: // http://irbit.info/business/imz/ (Дата обращения: 14.01.2020)

Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов. О компании [Электронный ресурс]. URL: // https://kuzocm.ru/o-kompanii/ (Дата обращения: 20.01.2020)

Красногвардейский крановый завод. История завода [Электронный ресурс]. URL: // http://krantal.com/1-istoriya-zavoda.html (Дата обращения: 15.01.2020)

Машиностроительный завод Урала – Полевской машиностроительный завод [Электронный ресурс]. URL: // http://www.polmashz.ru/about (Дата обращения: 15.01.2020)

Надеждинский металлургический завод. История [Электронный ресурс]. URL: // https://www.steel.ugmk.com/factory/nmz/#c2 (Дата обращения: 15.01.2020)

Надеждинский металлургический завод. О заводе [Электронный ресурс]. URL: // https://www.steel.ugmk.com/factory/nmz/ (Дата обращения: 19.01.2020)

О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: Закон от 10 мая 1957 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1957 г., № 11

ООО «Тавдинский фанерно-плитный комбинат. О комбинате [Электронный ресурс]. URL: // http://www.tavda.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=10&Itemid=102&lang=ru (Дата обращения: 15.01.2020)

Первоуральский новотрубный завод – информация о предприятии [Электронный ресурс]. URL: https://www.metaprom.ru/articles/a207-pervouralskiy-novotrubnyy-zavod-informatsiya-o-predpriyatii/ (Дата обращения: 19.01.2020)

Промышленные предприятия России. ОАО «Нижнесергинский метизно-металлургический завод [Электронный ресурс]. URL: // https://ibprom.ru/nsmmz (Дата обращения: 18.01.2020)

References

- Asbestovskii gorodskoi okrug. Istoriia Asbesta [website]. URL: //http://asbestadm.ru/about/history/ (mode of access: 29.03.2020).
- Beloiarskaia fabrika asbokartonnykh izdelii [website]. URL: //https://www.exponet.ru/exhibitions/online/metallxpom2007/asbokartonnyh.ru.html (mode of access: 10.04.2020).
- VSMPO-AVISMA. Sozdanie [website]. URL: // http://www.vsm-po.ru/ru/pages/Sozdanie (mode of access: 19.01.2020).
- VSMPO-AVISMA. Stanovlenie [website]. URL: // http://www.vsm-po.ru/ru/pages/Stanovlenie (mode of access: 19.01.2020).
- Gorod Irbit – byvshaia mototsikletnaia stolitsa Rossii [website]. URL: // http://irbit.info/news/problems/1334/ (mode of access: 14.01.2020).
- GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 1966. List 1. Dos. 936, 945, 947, 954, 1001.
- Irbitskii mototsikletnyi zavod [website]. URL: // http://irbit.info/business/imz/ (mode of access: 14.01.2020).
- Kamensk-Ural'skii zavod po obrabotke tsvetnykh metallov. O kompanii [website]. URL: // https://kuzocm.ru/o-kompanii/ (mode of access: 20.01.2020).
- Krasnogvardeiskii kranovyi zavod. Istoriia zavoda [website]. URL: // http://krantal.com/1-istoriya-zavoda.html (mode of access: 15.01.2020).
- Mashinostroitel'nyi zavod Urala – Polevskoi mashinostroitel'nyi zavod [website]. URL: // http://www.polmashz.ru/about (mode of access: 15.01.2020).
- Nadezhdinskii metallurgicheskii zavod. Istoriia [website]. URL: // https://www.steel.ugmk.com/factory/nmz/#c2 (mode of access: 15.01.2020).
- Nadezhdinskii metallurgicheskii zavod. O zavode [website]. URL: // https://www.steel.ugmk.com/factory/nmz/ (mode of access: 19.01.2020).
- O dal'neishem sovershenstvovanii organizatsii upravleniia promyshlennost'iu i stroitel'stvom: Zakon ot 10 maia 1957 g. // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1957 g., № 11.
- OOO “Tavdinskii fanerno-plitnyi kombinat. O kombinat [website]. URL: // http://www.tavda.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=10&Itemid=102&lang=ru (mode of access: 15.01.2020).
- Pervoural'skii novotrubnyi zavod – informatsiia o predpriatii [website]. URL: // https://www.metaprom.ru/articles/a207-pervouralskiy-novotrubnyy-zavod-informatsiya-o-predpriatii/ (mode of access: 19.01.2020).
- Promyshlennye predpriatiia Rossii. OAO “Nizhneserginskii metizno-metallurgicheskii zavod [website]. URL: // https://ibprom.ru/nsmmz (mode of access: 18.01.2020).

The article was submitted on 26.02.2020

«ЧХОНАНСКИЙ ИНЦИДЕНТ» 2010 ГОДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ КОНТАКТЫ ПО СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЕ

Аннотация. Разрабатывая свою ядерную программу, правительство КНДР сознательно нарушало режим нераспространения, бросая вызов международному сообществу. Ядерное разоружение Северной Кореи – вопрос двухстороннего взаимодействия США и КНР на протяжении ряда лет. 26 марта 2010 года вблизи границы с КНДР погибло южнокорейское военное судно «Чхонан». Для выяснения обстоятельств случившегося Южная Корея совместно с международной комиссией в составе представителей США, Великобритании, Австралии и Швеции провела расследование, в результате которого ответственность за гибель корабля была возложена на Северную Корею. Впоследствии данное происшествие получило название «Чхонанский инцидент». Как показали дальнейшие события, инцидент вызвал резкое обострение отношений между Северной и Южной Кореей и оказал существенное влияние на ход американо-китайских переговоров по решению северокорейской ядерной проблемы. Цель статьи – продемонстрировать каким образом «Чхонанский инцидент» выявил разногласия между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой по северокорейской проблеме. Решая поставленную задачу, авторы опирались на анализ различных по характеру и происхождению источников на китайском и английском языке.

Ключевые слова: Барак Обама, денуклеаризация, Северная Корея, Китай, США, Южная Корея.

Anna D. Verisova, Vadim A. Kuzmin

«THE CHEONAN INCIDENT» IN 2010 AND HIS IMPACT ON CHINESE-AMERICAN RELATIONS WITHIN NORTH KOREAN NUCLEAR ISSUE

Abstract. Developing its own nuclear program, North Korea broke the non-proliferation regime by challenging the international community. Nuclear disarmament of North Korea has been an important issue of bilateral cooperation between the United States and China for several years. At the end of March 2010, a sharp aggravation of relations between North and South Korea influenced the solution of the North Korean nuclear issue. On 26 March 2010 year there was an incident with the loss of the South Korean warship “Cheonan” near the border with North Korea. To clarify the circumstances of the incident, South Korea, together with the international commission of inquiry (which included representatives of the United States, Great Britain, Australia, and Sweden), conducted an investigation, after which North Korea was accused with the loss. In the future, this incident was called the “Cheonan incident”. In this article, the authors attempted to show how the incident with the sinking South Korean warship revealed disagreements between the United States and the People’s Republic of China on the North Korean issue in 2010. In pursuance of the task, the authors focused on various types of sources in Chinese and English.

Keywords: Barack Obama, China, denuclearization, North Korea, South Korea, USA.

Вопрос ядерного разоружения Северной Кореи стал одним из главных для правительства США после окончания холодной войны. Нераспространение ядерного оружия имеет важное значение для сохранения существующего международного порядка. Попытки Пхеньяна создать такое оружие постави-

ли перед администрацией США важную задачу, состоящую в денуклеаризации Корейского полуострова. Несмотря на то, что в июле – августе 2005 года в ходе четвертого раунда шестисторонних переговоров Соединенным Штатам удалось убедить Северную Корею отказаться от программы создания ракетно-ядерного оружия и принять Совместное Заявление о принципах денуклеаризации (итоговый документ был одобрен 19 сентября 2005 года), Пхеньян не выполнил свои обязательства. В результате администрация президента Б. Обамы унаследовала незавершенную задачу по реализации соглашения о нераспространении ядерного оружия на территории Северной Кореи.

В марте 2010 года вблизи спорной границы между Северной и Южной Кореей произошел инцидент с гибелью южнокорейского военного судна. В ходе расследования происшествия Республика Корея наряду с представителями международной следственной комиссии из США, Великобритании, Швеции и Австралии возложила вину за случившееся на КНДР. Впоследствии данное событие вошло в историю под названием «Чхонанский инцидент». В настоящей статье автором поставлена задача проанализировать китайско-американские контакты по северокорейской ядерной проблеме через призму происшествия с корветом «Чхонан». Поставленная задача раскрывается на основе анализа содержания выступлений президента Соединенных Штатов и президента Республики Корея, пресс-конференций официальных представителей КНР и Южной Кореи. Особый интерес представляют источники на китайском языке: заявления официальных лиц Китайской Народной Республики, пресс-конференции представителей МИД КНР, материалы информационных агентств. Указанные источники в достаточно полной мере отражают позицию Пекина по северокорейскому ядерному вопросу в рассматриваемый период. Активное обращение к ним придает содержанию статьи существенный элемент новизны.

Следует отметить, что китайские авторы, кратко упоминающие в своих работах «Чхонанский инцидент», как правило, уходят от необходимости давать ему какую-либо оценку. Среди российских специалистов, обративших внимание на «Чхонанский инцидент», стоит выделить совместную статью А. В. Воронцова и О. П. Ревенко «Тайна погибшего корвета: корейское обострение и будущее Восточной Азии», в которой ответственность за случившееся авторы возложили на Южную Корею, сделав вывод, что гибель судна была выгодна Сеулу для построения с Пхеньяном нового типа отношений с позиции силы [Воронцов; Ревенко, с.114]. В свою очередь, исследователи из США С. Снайдер и Се Вон Бьён, опираясь на американские и южнокорейские источники, пришли к выводу, что «Чхонанский инцидент» был провокацией со стороны КНДР [Snyder S.; See-Won Wun, p.74]. В целом упомянутые исследователи, концентрируя внимание на самом «инциденте», слабо связывают это происшествие с общим развитием американо-китайских отношений. В настоящей статье автор предпринял попытку устранить данный пробел.

Вскоре после вступления на пост президент США Барак Обама дал понять, как он собирался решать северокорейскую проблему: «Мы будем работать вместе с нашими партнерами, чтобы противостоять вызовам, и мы удвоим наши усилия

в направлении более надежного режима нераспространения, которому все страны обязаны соответствовать» [Remarks by the President on North Korea].

17 ноября 2009 года в Большом зале народных собраний Пекина прошла встреча президента США Б. Обамы с председателем КНР Ху Цзиньтао. Лидеры обсудили развитие двухсторонних отношений, а также ситуацию вокруг ракетно-ядерного комплекса КНДР. Председатель КНР подчеркнул, что Пекин планирует работать с Вашингтоном над вопросом денуклеаризации Северной Кореи дипломатическим путем: «Такой подход отвечает общим интересам Китая, Соединенных Штатов и других заинтересованных сторон. США и Пекин будут сотрудничать с другими заинтересованными сторонами, чтобы продолжить процесс денуклеаризации Корейского полуострова и процесс шестисторонних переговоров в попытке поддержать мир и стабильность в Северо-Восточной Азии» [胡锦涛和奥巴马在人民大会堂共同会见中外记者].

Однако весной 2010 года инцидент с южнокорейским корветом «Чхонан», прервал усилия США и КНР по возобновлению шестисторонних переговоров. 26 марта 2010 года корвет, занимаясь патрулированием в Желтом море вблизи границы с КНДР, затонул в результате взрыва торпеды. Гибель «Чхонана» обострила и без того напряженные отношения на Корейском полуострове между Севером и Югом. Вследствие чего, Южная Корея отказалась принимать участие в шестисторонних переговорах до выяснения всех обстоятельств гибели своего корабля [The Sinking of the Cheonan].

Чтобы выяснить причину гибели корвета, Южная Корея создала следственную группу, в которую вошли 24 эксперта из США, Австралии, Республики Кореи, Великобритании и Швеции. 7 мая 2010 года были объявлены результаты официального расследования, в ходе которого было установлено, что причиной гибели «Чхонан» стала атака подводной лодки КНДР. Комиссия национальной обороны Северной Кореи незамедлительно выступила с заявлением, в котором выражала несогласие с данным выводом и сообщила о готовности направить собственных экспертов в Южную Корею для обсуждения результатов проведенного расследования, однако Республика Корея отклонила это предложение [«天安»号沉没追踪 中国不会偏袒任何一方].

Правительство КНР и китайские специалисты также сочли выводы международной следственной группы об инциденте с «Чхонан» недостаточно обоснованными. В частности, профессор Института международных отношений при Пекинском университете Чжу Фэн утверждал: «Результаты расследования не выдерживают критики и слишком эмоциональны» [China has different view on Cheonan]. Фактически, подобные заявления свидетельствовали о нежелании Пекина осуждать Северную Корею за торпедную атаку.

15 мая 2010 года министр иностранных дел КНР Ян Цзечи встретился с министром иностранных дел Южной Кореи Ю Мёнхван для обсуждения инцидента, произошедшего в Желтом море. В ходе состоявшейся беседы Ян Цзечи сказал: «Гибель «Чхонан» – несчастный случай. Нынешняя ситуация на Корейском полуострове очень сложная и деликатная. Китай надеется, что все заинтересованные стороны сосредоточатся на достижении общего мира и стабильности как на полу-

острове, так и в регионе в целом; сохраняют спокойствие, сдержанность и должным образом решат связанные с этим вопросы» [外交部发言人马朝旭就中韩、中日外长会晤有关情况答记者问].

В свою очередь Вашингтон полностью солидаризировался с оценками и выводами следственной группы и правительства Южной Кореи. 26 мая 2010 года госсекретарь США Х. Клинтон в ходе визита в Сеул сделала следующее заявление: «Международное, независимое расследование было объективным, доказательства неопровержимы, вывод неизбежен. Это была недопустимая провокация со стороны Северной Кореи, международное сообщество должно надлежащим образом отреагировать на данный инцидент» [ROK-US Foreign Ministers' Joint Press Availability].

1 июня 2010 года премьер-министр Госсовета КНР Вэнь Цзябао в интервью японскому телеканалу NHK подчеркнул: «Китай – это страна, которая поддерживает справедливость. Мы придаем большое значение совместным расследованиям, проводимым Южной Кореей и другими странами, а также реакциям всех сторон. В ходе изучения ситуации наше отношение к результатам будет объективным» [天安号事件].

Нежелание Китая признавать вину за Северной Кореей привело к ухудшению отношений между КНР и США. 26–27 июня 2010 года на саммите G20 в Торонто Барак Обама подверг критике позицию КНР, назвав ее «умышленной слепотой» [Remarks by President Obama at G20 press conference in Toronto].

29 июня 2010 года официальный представитель МИД КНР Цинь Ган на пресс-конференции дал незамедлительный ответ президенту США, подчеркнув, что первоочередной задачей в сложившейся ситуации является снятие напряженности, а не обострение конфликта. Кроме того, он дал понять, что Китай не будет поддерживать ни одну из сторон в вопросе о гибели «Чхонан»: «Эскалация напряженности на полуострове не входит в интересы сторон, поэтому позиция Китая справедлива. Мы не будем предпринимать никаких действий, чтобы не усугубить ситуацию. В разжигании конфликта Китай не заинтересован, так как является близким соседом Корейского полуострова. Таким образом, наша позиция не совпадает с точкой зрения других стран» [«天安»号沉没追踪 中国不会偏袒任何一方].

Китай не позволил Совету Безопасности ООН назвать КНДР виновной в гибели корвета. 9 июля 2010 года Совет Безопасности ООН провел голосование по соответствующей резолюции, в которой было выражено осуждение нападения на «Чхонан», однако никаких упоминаний о Северной Корее в тексте резолюции не было [Bechtol, p. 27].

Российские эксперты А. В. Воронцов и О. П. Ревенко в своей статье указали на благоприятную ситуацию для наращивания военного присутствия США в акватории Желтого моря: «Растущая напряженность вокруг Кореи в принципе создает благоприятные возможности для продвижения военно-политических интересов Вашингтона в регионе, близком к Китаю» [Воронцов; Ревенко, с. 114]. Действительно, 25 июля 2010 года Южная Корея и Соединенные Штаты начали проводить совместные четырехдневные морские учения в Японском море. Профессор Института международных отношений при Пекинском университете

Чжу Фэн отмечал, что Пекин был недоволен сложившейся ситуацией, «поскольку такие маневры могут еще больше обострить напряженность в нестабильном регионе Восточной Азии и перерасти в военное столкновение с Северной Кореей» [China has different view on Cheonan].

23 ноября 2010 года обстановка в районе Корейского полуострова снова обострилась. В ответ на очередные военные учения Южной Кореи, КНДР провела обстрел острова Ёнпхёндо. Администрация КНР довольно сдержанно отреагировала на провокации Северной Кореи, заявив: «Мы обеспокоены ситуацией и надеемся, что вовлеченные в конфликт стороны проявят большое содействие для восстановления мира и стабильности на Корейском полуострове» [Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference on November 23, 2010]. В свою очередь Вашингтон решительно осудил КНДР, назвав ее действия возмутительным актом, и объявил о готовности Соединенных Штатов защищать Южную Корею [US condemns North Korean attack on South Korea].

28 ноября 2010 года специальный представитель правительства КНР по делам Корейского полуострова У Давэй предложил провести шестисторонние переговоры для урегулирования обострившегося конфликта между Сеулом и Пхеньяном. Он заявил: «Чтобы разрешить разногласия на полуострове, необходимо обменяться мнениями по вопросам, волнующим все стороны» [美派航母参加军演一箭三雕 韩拒重启六方会谈]. Однако США, Япония и Республика Корея отказались участвовать в переговорах до улучшения межкорейских отношений.

Директор Центра изучения американской политики на Корейском полуострове при Совете по международным делам США С. Снайдер и консультант американской независимой исследовательской группы по делам Корейского полуострова Се Вон Бьён, в совместной статье «Чхонан и Ёнпхёндо: ответ Северо-Восточной Азии на провокации КНДР» пришли к выводу, что китайско-американское взаимодействие могло стать потенциально эффективным механизмом для сдерживания конфликта между Северной и Южной Кореей. В то же время они подчеркивали, что провокации со стороны КНДР являются лакмусовой бумажкой, которая покажет, во что перерастут отношения между США и КНР в данном регионе: в сотрудничество или конкуренцию [Snyder S.; See-Won Byun, p. 78].

Провокации КНДР 2010 года выявили разницу в подходах Китая и Соединенных Штатов к решению северокорейской проблемы и с новой остротой обозначили вопрос ядерного разоружения Северной Кореи. Решение КНР не признавать вину за Пхеньяном указывало на стремление Пекина поддерживать баланс региональной безопасности, который, по мнению руководства страны, зависел в том числе и от стабильной ситуации на Корейском полуострове. Крах режима КНДР мог повлечь за собой гораздо худшие последствия для Китая, чем разногласия с США. Кроме того, отношения КНР с Северной Кореей поддерживали баланс сил в Азии, противопоставляя Пекин и Пхеньян Вашингтону в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Список литературы

Воронцов А. В., Ревенко О. П. Тайна погибшего корвета : корейское обострение и будущее Восточной Азии // Россия в глобальной политике. 2010. №4. С. 106–118.

Bechtol B. E. Confronting security challenges on the Korean peninsula. Quantico, Virginia : Marine corps University press, 2011. 230 p.

China has different view on Cheonan // *The Korea Times*. 18.07.2010. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2010/07/113_69702.html (Дата обращения: 20.02.2020).

Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference on November 23, 2010 // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Moldova. 23.11.2010. URL: <http://md.china-embassy.org/eng/fyrth/t772107.htm> (Дата обращения: 23.02.2020).

Remarks by President Obama at G20 press conference in Toronto // *The White House President Barack Obama*. 27.06.2010. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-g-20-press-conference-toronto-canada> (Дата обращения: 23.02.2020).

Remarks by the President on North Korea // *The White House President Barack Obama*. 25. 05. 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-north-korea> (Дата обращения: 18.02.2020).

ROK-US Foreign Ministers' Joint Press Availability (May 26) // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. 28.05.2010. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5679/view.do?seq=308489&srchFr=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=78&titleNm= (Дата обращения: 20.02.2020).

Snyder S., See-Won Byun. Cheonan and Yeonpyeong: The Northeast Asian Response to North Korea's Provocations // *RUSI Journal*. 2011. Vol. 156. №. 2. P. 74–81.

The Sinking of the Cheonan // *The Center for Strategic and International Studies*. 22.04. 2010. URL: <https://www.csis.org/analysis/sinking-cheonan> (Дата обращения: 19.02.2020).

US condemns North Korean attack on South Korea // *The San Diego Union Tribune*. 23.11.2010 URL: <https://www.sandiegouniontribune.com/sdut-us-condemns-north-korean-attack-on-south-korea-2010nov23-story.html> (Дата обращения: 24.02.2020).

外交部发言人马朝旭就中韩、中日外长会晤有关情况答记者问 [Сообщение официального представителя МИД КНР Ма Чжаосюя о встрече министров иностранных дел Китая и Южной Кореи, а также встрече министров иностранных дел Китая и Японии // Официальный сайт Консульства КНР в Рио де Жанейро. 15.05.2010] // *中华人民共和国外交*. 2010年05月15日. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgrj/chn/fyrth/t694823.htm> (Дата обращения: 20.02.2020).

天安号事件 [Инцидент с «Чхонан» // Китайская государственная интернет-энциклопедия «Байду Байке». 26.12.2019] // *百度百科*. 2019年12月26日. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%A4%A9%E5%AE%89%E5%8F%B7%E4%BA%8B%E4%BB%B6/10802762?fromtitle=%E5%A4%A9%E5%AE%89%E8%88%B0%E4%BA%8B%E4%BB%B6&fromid=1315065> (Дата обращения: 19.02.2020).

«天安»号沉没追踪 中国不会偏袒任何一方 [МИД: Китай не поддерживает ни одну из сторон // *Sinacom*. 30.06.2010] // *新闻中心*. 2010年06月30日. URL: <http://news.sina.com.cn/w/2010-06-30/012817729882s.shtml> (Дата обращения: 20.02.2020).

美派航母参加军演一箭三雕 韩拒重启六方会谈 [Участие американского авианосца в военных учениях и отказ Южной Кореи от возобновления шестисторонних переговоров // *News Sohu*. 29.11.2010] // *新闻搜狐*. 2010年11月29日. URL: <http://news.sohu.com/20101129/n277974313.shtml> (Дата обращения: 24.02.2020).

胡锦涛和奥巴马在人民大会堂共同会见中外记者 [Ху Цзиньтао и Обама встречаются с китайскими и иностранными журналистами в Большом зале народных собраний // Официальный сайт правительства КНР. 17. 11. 2009] // *中华人民共和国中央人民政府*. 2009年11月17日. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2009-11/17/content_1466512.htm (Дата обращения: 18.02.2020).

References

Bechtol, B. E. (2011). *Confronting security challenges on the Korean peninsula*. Quantico, Virginia: Marine corps University press, 2011. 230 p.

China has different view on Cheonan. In *The Korea Times* [website]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2010/07/113_69702.html (mode of access: 20.02.2020).

Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference on November 23, 2010. In *Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Moldova* [website]. URL: <http://md.china-embassy.org/eng/fyrth/t772107.htm> (mode of access: 23.02.2020).

Remarks by President Obama at G20 press conference in Toronto. In *The White House President Barack Obama* [website] URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-g-20-press-conference-toronto-canada> (mode of access: 23.02.2020).

Remarks by the President on North Korea. In *The White House President Barack Obama* [website]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-north-korea> (mode of access: 18.02.2020).

ROK-US Foreign Ministers' Joint Press Availability (May 26). In *Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea* [website].

URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5679/view.do?seq=308489&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=78&titleNm= (mode of access: 20.02.2020).

Snyder, S., See-Won Byun (2011). Cheonan and Yeonpyeong: The Northeast Asian Response to North Korea's Provocations // *RUSI Journal*. 2011. Vol. 156. №. 2. pp. 74–81.

The Sinking of the Cheonan // *Center for Strategic and International Studies*, 22.04.2010. URL: <https://www.csis.org/analysis/sinking-cheonan> (mode of access: 19.02.2020).

US condemns North Korean attack on South Korea. In *San Diego Union Tribune* [website]. URL: <https://www.sandiegouniontribune.com/sdut-us-condemns-north-korean-attack-on-south-korea-2010nov23-story.html> (mode of access: 24.02.2020).

Voroncov, A. V., Revenko, O. P. (2010). Tajna pogibshego korveta: korejskoe obostrenie i budushchee Vostochnoj Azii [The mystery of the dead corvette: Korean escalation and the future of East Asia] // *Rossiia v global'noj politike*. 2010. №4. pp. 106-118.

Tian'an hao shijian (天安号事件) [Cheonan Incident]. In *Baidu Baike (百度百科) [Baidu Encyclopedia]*. 2019 nian 12 yue 26 ri (2019年12月26日) [website]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%A4%A9%E5%AE%89%E5%8F%B7%E4%BA%8B%E4%BB%B6/10802762?fromtitle=%E5%A4%A9%E5%AE%89%E8%88%B0%E4%BA%8B%E4%BB%B6&fromid=1315065> (mode of access: 19.02.2020).

«Tian'an» hao chenmo zhuzhong bu hui pianan renhe yifang («天安»号沉没追踪 中国不会偏袒任何一方) [Cheonan sinking, China will not support any side]. In *Xinwen zhongxin (新闻中心) [Sinacom]*. 2010 nian 06 yue 30 ri (2010年06月30日) [website]. URL: <http://news.sina.com.cn/w/2010-06-30/012817729882s.shtml> (mode of access: 20.02.2020).

Waijiao bu fayan ren mazhaoxu jiu zhong han, zhong ri waizhang huiwu youguan qingkuang da jizhe wen(外交部发言人马朝旭就中韩、中日外长会晤有关情况答记者问) [Foreign ministry spokesperson Ma Zhaoxui about China and South Korea foreign ministry meeting and China-Japan foreign ministry meeting]. In *Zhonghua renmin gongheguo waijiao (中华人民共和国外交) [Consulate General of the People's Republic of China in Rio De Janeiro]*. 2010 nian 05 yue 15 ri (2010年05月15日) [website]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgrj/chn/fyrth/t694823.htm> (mode of access: 20.02.2020).

Hujintao he Aobama zai renmin dahui tang gongtong huijian zhongwai jizhe (胡锦涛和奥巴马在人民大会堂共同会见中外记者) [Hu Jintao and Obama met with Chinese and foreign reporters at the Great Hall] // In *Zhonghua renmin gonghe zhongyang renmin zhengfu (中华人民共和国中央人民政府) [The Central People's Government of the People's Republic of China]*. 2009 nian 11 yue 17 ri (2009年11月17日). URL: http://www.gov.cn/ldhd/2009-11/17/content_1466512.htm (mode of access: 18.02.2020).

Mei pai hangmu canjia jun yan yi jian san diao han ju chongqi liufang huitan (美派航母参加军演一箭三雕 韩拒重启六方会谈) [US aircraft carrier participates in military exercise, the refuse to restart six-party talks]. In *Xinwen souhu (新闻搜狐) [News Sohu]*. 2010 nian 11 yue 29 ri (2010年11月29日) [website]. URL: <http://news.sohu.com/20101129/n277974313.shtml> (mode of access: 24.02.2020).

The article was submitted on 8.03.2020

О ПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ «ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ» МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И ЯПОНИЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрены политические аспекты «торговой войны» между Республикой Корея и Японией. Речь идет о событиях, начавшихся в июле 2019 года и связанных с взаимными акциями Сеула и Токио по исключению из преференциальных списков экспортеров, а также политических предпосылках, причинах и последствиях этих шагов. Судя по тому, что двусторонние южнокорейско-японские переговоры, начатые в декабре 2019 года, не принесли заметного результата, скорее всего, мы имеем дело с появлением новых неурегулированных проблем, которые потенциально могут нанести урон не политическому сотрудничеству между Республикой Корея и Японией. Причиной нынешнего кризиса в южнокорейско-японских отношениях стали попытки властей Республики Корея использовать тему компенсаций жертвам принудительного труда в период Второй мировой войны во внутривнутриполитических целях. Это вызвало негативную реакцию со стороны Токио, где обратили внимание на то, что вынесение требований о компенсациях противоречит духу и букве Соглашения об урегулировании проблемы прав и притязаний и о экономическом сотрудничестве между Республикой Корея и Японией от 22 июня 1965 г. По этому соглашению стороны взаимно отказывались от прав на компенсации и претензий на собственность в обмен на предоставление Японией финансовой помощи и кредитов. Развертывание нового спора привело к неблагоприятным для сторон последствиям. В частности, поставлено под вопрос существование Договора о защите военной информации между РК и Японией, который предполагал, помимо прочего, обмен разведывательной информацией. Кроме того, использованием мер экономического давления в отношении РК, в Токио дали понять, что, в случае дальнейших попыток заставить Японию принять невыгодные для себя соглашения, правительство страны может отреагировать куда жестче, чем на этапе переговоров по проблеме «женщин для утешения».

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, внешняя политика, проблема компенсаций, исторические споры, Договор о защите военной информации.

Roman N. Lobov

“TRADE WAR” BETWEEN THE REPUBLIC OF KOREA AND JAPAN: POLITICAL ASPECT

Abstract. The paper is analyzing political aspects of “trade war” between the Republic of Korea and Japan. In our research we took an attempt to considering the number of events that started in July of 2019 and connected with mutual doings of Seoul and Tokyo on exempting from preferential “white lists” of exporters. We also analyzed political roots and implications of these events. Since the bilateral talks between Republic of Korea and Japan doesn't gave no significant result, we are dealing with new unsettled issues, that potentially can reduce the non-political cooperation between two states. The reason of current crisis in South Korea – Japan relations was an attempt of government of Republic of Korea to use for political goals the issue of compensation for victims of forced labour in the World War II. It caused a negative reaction from the Japanese side. In Tokyo stated that these claims are controverting the Agreement on the settlement of problems concerning property and claims and on economic co-operation (1965). Under this agreement, both sides rejected from the property and compensations claims, in exchange for the financial aid and credits that were provided by Japan. New dispute was caused to negative implications

for Korea-Japan relations. In particular, issue of preserving the General Security of Military Information Agreement that allows intelligence information sharing, is open. Moreover, using the economic pressure measures toward South Korea, becomes an instrument that allows Tokyo to demonstrate its readiness to act more strictly.

Keywords: Republic of Korea, Japan, foreign policy, compensation issue, history disputes, GSOMIA.

Противоречия, развернувшиеся между Республикой Корея (РК) и Японией во второй половине 2019 года, с легкой руки отдельных зарубежных журналистов были названы «торговой войной». Очевидно, такое определение двустороннего спора было навеяно продолжающимся противоборством между Китаем и США, которое давно вышло за пределы собственно их торгово-экономических отношений. Однако при ближайшем рассмотрении этого вопроса подобные аналогии выглядят, по меньшей мере, далекими от реальности.

Внимательный анализ этих событий показывает, что экономика в данном случае оказалась инструментом и даже заложником неурегулированных политико-идеологических проблем в корейско-японских отношениях. При этом именно использование сторонами экономических мер воздействия явилось той характерной чертой, которая отличает нынешний кризис в двусторонних отношениях от имевших место ранее. К настоящему времени перспективы урегулирования вопроса о взаимных торговых ограничениях остаются туманными и, во многом, зависят от решимости Сеула и Токио пойти на компромисс в ряде принципиальных вопросов, в том числе, – по проблеме компенсаций жертвам принудительного труда в годы Второй мировой войны.

Важным направлением внешней политики РК традиционно остаются ее взаимоотношения с Японией. Основы двусторонних отношений были заложены 55 лет назад (22 июня 1965 года) подписанием Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией, а также дополнительными соглашениями, в которых оговаривались предварительные условия экономического сотрудничества двух стран [Договор об основах отношений между Республикой Корея и Японией].

Пришедшему к власти в Республике Корея в результате военного переворота 16 мая 1961 года Пак Чонхи (и легализовавшему свои претензии на управление страной в ходе относительно конкурентных президентских выборов 1963 года) удалось продвинуть переговорный процесс между Сеулом и Токио далеко вперед, в том числе, – несмотря на серьезное сопротивление южнокорейского общества. Прежде всего, этому способствовало понимание частью правящей элиты в РК того обстоятельства, что установление связей с Японией может стать важным подспорьем для начинавшейся тогда социально-экономической модернизации страны. Южная Корея тогда остро нуждалась в притоке зарубежных инвестиций и технологий, и, в этом контексте, логичным их источником становилась именно Япония, достигшая к тому времени определенных успехов в своем послевоенном восстановлении.

Вместе с тем, подписанное сторонами в 1965 году соглашение об экономическом сотрудничестве, правах и притязаниях обязывало и Сеул, и Токио не предъявлять взаимные претензии на компенсации и притязания на права собственности [Соглашение об экономическом сотрудничестве и урегулировании проблем прав

и притязаний между Республикой Корея и Японией]. Тем самым в разговорах о репарациях и компенсациях Корею за ущерб в годы колониального правления была поставлена жирная точка. Однако, как показала практика, эти договоренности могли быть жизнеспособными лишь в ситуации, когда спорные вопросы двусторонних отношений по политическим причинам становились «фигурой умолчания» на официальном уровне. Как только использование Сеулом темы «исторической ответственности за преступления, совершенные Токио в прошлом» стали частью политической риторики в двусторонних отношениях, удар по двусторонним торгово-экономическим отношениям становился, увы, делом времени. В конечном итоге, это положение оказалось своего рода «бомбой замедленного действия», заложенной под взаимодействие РК и Японии, которая «взорвалась» в 2018–2019 гг., ухудшив и без того непростые отношения двух стран.

В этих условиях политическому диалогу между Сеулом и Токио с 1965 г. до конца 1980-х гг. была отведена вспомогательная роль в структуре двусторонних отношений. Первые обмены визитами между лидерами двух стран состоялись лишь в первой половине 1980-х годов, а окончательно вошли в практику только начиная с президента РК Ро Дэу (1988–1993). Первоначально на повестке дня встреч на высшем уровне находились преимущественно общие вопросы дальнейшего развития двусторонних отношений, а также проблемы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии.

Однако две страны, даже будучи ключевыми стратегическими союзниками США в этом регионе, друг друга таковыми не считали. Более того, по некоторым сведениям, и сегодня одной из потенциальных внешних угроз в Республике Корея негласно считается угроза чрезмерного военно-политического усиления Токио. Не случайно инициативы премьер-министра Синдзо Абэ в рамках доктрины «активного пацифизма», касающиеся пересмотра трактовки девятой статьи Конституции Японии, и потенциально позволяющие ее Силам самообороны участвовать в военных операциях за пределами своей страны, подвергались в 2013–2015 годах резкой критике со стороны южнокорейского правительства. Впрочем, заметим, что отношение к Японии как к возможному неприятелю в целом не афишируется и используется, главным образом, для внутреннего потребления.

Вопрос о степени развития диалога между Сеулом и Токио является предметом дискуссии двух ключевых политических сил Республики Корея – либералов, ныне находящихся у власти, (в лице Демократической партии «Тобуро») и консерваторов (с 2020 года – Объединенная партия будущего). Представители консервативных сил, находящиеся в оппозиции к либералам, как правило, призывают к теснейшему развитию трехстороннего альянса между США, Республикой Корея и Японией, и, соответственно, считают, что, в условиях возрастающей угрозы со стороны Китая, двум странам необходимо координировать свои действия в сфере безопасности в СВА. Так, в частности, политики правой ориентации последовательно выступали против денонсации Договора о защите военной информацией между РК и Японией. Не вызывает у них энтузиазма и политический скандал, раздутый сторонами вокруг проблемы компенсаций гражданам Республики Корея – жертвам принудительного труда в годы Второй мировой войны.

Еще одним фактором, который привел к дальнейшему разрастанию конфликта между двумя странами, стали так называемые «исторические споры». Этот термин используется в государствах Восточной Азии для систематизации всей совокупности проблем, связанных с вопросами трактовки исторических событий недавнего прошлого отдельными странами. Призывы к Японии «соблюдать историческую ответственность» стали особенно частыми с начала 2000-х годов, когда во внутривнутриполитическую сферу Республики Корея вошли темы, связанные с проблемой «женщин для утешения» (кор. 위안부, яп. 慰安婦).

В период нахождения у власти президента РК Пак Кынхе (2013–2016/2017) тема «женщин для утешения» стала частью политической повестки южнокорейско-японских отношений. Вообще, лейтмотивом ее политики в отношении Токио стал принцип зависимости развития двустороннего сотрудничества от «правильного понимания истории», под чем подразумевалось и принятие Японией южнокорейской точки зрения по поводу вышеозначенных проблем. Промежуточное решение проблемы было достигнуто в конце декабря 2015 года, когда министры иностранных дел РК и Японии Юн Бёнсе и Кисида Фумио подписали соглашение об урегулировании спора вокруг «женщин для утешения». Тогда Япония обязалась принести официальные извинения и перечислить сумму в 1 млрд иен для создания «Фонда исцеления и примирения», который и должен был выплатить компенсации [Japan, South Korea Reach Agreement on Comfort Women].

Но со своей стороны южнокорейцы дали обещание перенести «статую мира» (или памятник «женщинам для утешения») от посольства Японии и не муссировать эту тему в дальнейшем. После этого, действительно, тема «женщин для утешения» отошла на второй план, однако памятник так и не был перенесен, что, похоже, раздосадовало самих японцев. В течение 2016 года правительство Японии, в том числе, – и в лице самого Синдзо Абэ призывало Сеул придерживаться тех обещаний, которые были даны им ранее. Апогеем всего этого стала почти комическая история с установкой общественниками аналогичной статуи напротив генерального консульства Японии в Пусане [Why this statue of a young girl caused a diplomatic incident.]. Случилось это ровно через год после джентльменских соглашений между министрами иностранных дел Юном и Кисидой.

Установка памятника вызвала немалое раздражение в Токио и спровоцировала серьезный скандал в двусторонних отношениях, который закончился отзывом японского посла из Сеула. И, впоследствии, для того, чтобы страсти, кипящие во взаимоотношениях двух стран улеглись, новому президенту Мун Чжэину, которому досталось очень непростое внешнеполитическое наследство (включая разлад с Китаем и проблемы на северокорейском направлении) пришлось вести максимально мягкую и примирительную позицию в отношении Токио. Действующий президент страны шел на выборы уверяя свою аудиторию в том, что ему удастся договориться со всеми и нормализовать диалог с «четырьмя державами».

Президенту РК Мун Чжэину действительно удалось на некоторое время восстановить политический диалог между Сеулом и Токио, который пребывал в глубоком кризисе во время нахождения у власти Пак Кынхе. Другое дело, что между главами государств было достаточно противоречий, которые

временами прорывались наружу. Так, известно, что в вопросе о выстраивании отношений с КНДР и Китаем стороны имеют противоположные точки зрения. Все-таки, премьер-министр Абэ Синдзо является представителем умеренных японских консерваторов, считается сторонником жесткой линии в отношении Пхеньяна и в вопросе китайско-американского соперничества близок к позиции Вашингтона, а не Сеула.

Однако очередной кризис в южнокорейско-японских отношениях, разгоревшийся осенью 2018 года привел к тому, что изначальные попытки восстановить диалог сошли на нет. На этот раз скандал во взаимоотношениях двух стран разгорелся из-за решения Верховного Суда Республики Корея, обязывавшего японские корпорации Мицубиси и Sumitomo Steel к выплатам компенсаций жертвам принудительного труда в годы Второй мировой войны [KBS World Radio]. Постановление высшей судебной инстанции встретило поддержку правительства страны, выразившего надежду на то, что оно «не нанесет ущерба двусторонним отношениям» [PM says S. Korea hopes to move relations with Japan forward in future-oriented manner].

Известия из Республики Корея были негативно восприняты японским руководством. В частности, министр иностранных дел Японии Таро Коно охарактеризовал вынесенное южнокорейским судом решение как шаг, ставящий под угрозу договоренности, достигнутые между двумя странами в 1965 году [Чосон ильбо]. Любопытно, что вообще-то в 2005 году, еще во время нахождения у власти в РК Но Му Хёна, совместный комитет, состоявший из представителей правительства и гражданского общества во главе с Ли Хэчханом (премьер-министр РК в 2004–2006 гг.) установил, что соглашение 1965 г. полностью закрыло вопрос о компенсациях жертвам принудительного труда.

Резкое ухудшение климата в двусторонних отношениях отметил, в частности, председатель профильного комитета Национального собрания Республики Корея по международным делам и вопросам объединения Кореи Юн Санхён (Партия Свободной Кореи). Парламентская делегация, посетившая Японию в конце мая 2019 года, была принята, по меньшей мере, довольно холодно, что даже с учетом исторически непростых отношений стало неприятной новостью для депутатов [Чунъан ильбо].

Справедливости ради, южнокорейцы, столкнувшись с резким неприятием решения Верховного суда со стороны как японского правительства, так и японского общества, решили попытаться отыграть ситуацию. Так, руководство Республики Корея приняло решение назначить Чо Сеёна, эксперта-япониста и ректора Корейской государственной дипломатической академии на пост первого заместителя министра иностранных дел страны. Вдобавок, заместитель начальника Управления национальной безопасности при президенте РК Нам Гванпхё был назначен послом в Японии.

На этом фоне, правительство Японии в июле 2019 года объявило об исключении Республики Корея из «белого списка» экспортеров некоторых видов японских товаров, необходимых для производства компонентов для высокотехнологичных отраслей [Japan's export curbs on South Korea: 5 things to know]. Речь идет, в том числе, об ужесточении бюрократических процедур, необходимых для вывоза этих

материалов в РК. Тем самым, под ударом оказалась электронная отрасль промышленности Республики Корея, которая производит один из основных экспортных товаров – полупроводники, необходимые для создания чипов и микросхем для широкого спектра электроники.

Необходимо отметить, что данное решение японского правительства стало шоком для руководства Республики Корея и деловых кругов страны. Фактически был поставлен под сомнение один из ключевых принципов, позволявших предприятиям двух стран развивать торгово-экономические связи в отрыве от политического климата в двусторонних отношениях. Кроме того, исторически сложилось, что между Республикой Корея и Японией было выстроено огромное количество производственных и технологических цепочек, а топ-менеджмент ведущих корпораций Южной Кореи наладил обширные деловые и политические связи в Японии. Впрочем, к чести последних, топ-менеджмент компании «Самсунг» предпринял попытки задействовать для предотвращения кризиса свои сложившиеся связи с японской стороной, но успехов это не принесло. В итоге, политическим ответом на действия Токио стала инициированная Сеулом кампания по денонсации Договора о защите военной информации, не без труда подписанного в свое время.

Договор о защите военной информации между Республикой Корея и Японией был подписан в 2016 году в условиях активизации ракетных и ядерных испытаний КНДР [Japan, S. Korea sign intelligence-sharing pact over N. Korean threat]. Произошло это не в последнюю очередь благодаря усилиям Соединенных Штатов, которые видели в этом договоре инструмент активизации трехстороннего военно-политического взаимодействия.

Судьба этого договора по-своему является отражением достаточно непростых отношений, которые развивали между собой Сеул и Токио после 1965 года. Достаточно напомнить, что подписание этого договора в 2012 году было сорвано из-за общественного недовольства в РК. Глядя на проблему шире, можно заметить, что военно-политическое сотрудничество между двумя странами после 1965 года находилось на крайне низком уровне. Даже обмен визитами высокопоставленных военных Японии и Южной Кореи относится к 1980–1990-м гг. Ситуация в двустороннем взаимодействии в сфере безопасности между Сеулом и Токио была и остается настолько красноречивой, что один из ведущих южнокорейских экспертов Юн Тхэрён озаглавил одну из своих статей по этой теме таким образом: «Как сотрудничать не сотрудничая» [Tae-Ryong Yoon, pp.59–91].

Причину такой осторожности в развитии военно-политического сотрудничества выразил один из южнокорейских политиков осенью 2019 года, говоря о будущем Договора о защите военной информации: «существование этого соглашения невозможно в условиях недружественных действий с японской стороны». При этом однозначно назвать Японию врагом – сложно. Между врагами в привычном понимании, как правило, не складывается столь тесных экономических связей, которые особенно окрепли после 1965 года. Антияпонские настроения в современной Южной Корее не следует преувеличивать, но и не стоит сбрасывать со счетов совсем.

Однако, как бы то ни было, договор о защите военной информации был подписан и благополучно сохранил свою силу к настоящему моменту. Вместе с тем, разговоры о его отмене начались с первыми ударами так называемой «торговой войны» между Южной Кореей и Японией. С августа 2018 года в Сеуле и других городах Республики Корея начались демонстрации левых группировок с требованиями денонсации этого договора. Через некоторое время официальный Сеул объявляет о возможном выходе из него.

Примечательно, что с августа по ноябрь 2019 года южнокорейские власти вели последовательную кампанию по демонтажу этих договоренностей. С октября 2019 года был прекращен обмен военной информацией о северокорейских ракетных запусках, которые участились во второй половине этого года. Американские попытки подействовать на южнокорейское руководство первоначально не увенчались успехом и, к концу ноября 2019 года казалось, что договор будет отменен несмотря на настойчивые просьбы из Вашингтона, Токио и, что интересно, от правоконсервативных политических кругов в самой Южной Корее.

Однако 23 ноября 2019 года неожиданно для многих наблюдателей представитель Администрации Президента РК выступил с заявлением из которого следовало, что Сеул «приостанавливает процедуру выхода из договора» [KBS World]. На такой шаг южнокорейское правительство решилось после согласия Японии провести двусторонние переговоры, на которых стороны должны будут урегулировать имеющиеся вопросы в торгово-экономической сфере. При этом, Сеул оставляет за собой право окончательно расторгнуть договор в любое время.

Столь витиеватой формулировке правительство Южной Кореи обязано следующим обстоятельствам. Во-первых, общественное мнение к этому моменту было уже эмоционально заряжено в пользу расторжения договора. Противоречить собственным же заявлениям, сделанным в угоду собственной целевой аудитории, администрация Муна, и без того имевшая достаточное количество проблем во внутренней и внешней политике, не могла под угрозой потери лица. Во-вторых, к 23 ноября 2019 года в Вашингтоне последовательно настаивали на сохранении Договора о защите военной информации, причем все это сопровождалось разногласиями в американо-южнокорейских отношениях. Речь идет и о затяжных переговорах о распределении затрат на содержание контингента США в Южной Корее, и о деятельности посла США в стране Гарри Харриса, которого часть южнокорейской общественности и вовсе призывала выслать из Республики Корея. Кроме того, в Сеуле тогда высказывались опасения, будто бы из желания повлиять на правительство их страны, президент США Д. Трамп и вовсе может пойти на вывод американских войск из Южной Кореи.

Некоторыми южнокорейскими экспертами были высказаны определенные надежды на то, что ситуация и вокруг торговых споров, и по поводу Договора о защите военной информации между РК и Японией сдвинется с мертвой точки после серии японо-южнокорейских переговоров. Однако по состоянию на апрель 2020 года наиболее вероятным сценарием является то, что эти проблемы приобретают затяжной характер, так как это случилось, например, с темой женщин для утешения или переговорами по валютному своп-соглашению между двумя странами, которые не закончились ничем.

Таким образом, рассматривая «торговую войну» между Республикой Корея и Японией, мы наблюдаем прежде всего использование сторонами инструментов экономического давления для того, чтобы заставить своего контрапартнера переменить свое решение. Эта проблема имеет политический характер и связана с тем, что во взаимоотношениях двух стран за последние десятилетия накопилось критическое количество проблем, дальнейшее игнорирование которых деструктивно сказывается на развитии иных, неполитических сфер сотрудничества двух стран.

Опасность сложившейся ситуации для развития международных отношений в Северо-Восточной Азии заключается в том, что, сохранение неурегулированных проблем в двусторонних отношениях может создать дополнительные сложности для решения ряда других, «смежных» вопросов. Полезен в этом плане опыт шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова. Одной из причин неудачи этого механизма стало именно то, что отдельные его участники позволяли себе использовать переговорную площадку для решения своих внутривластных проблем. Тем самым, эксплуатация спорных вопросов исторического прошлого одними странами и ответ на это со стороны других усугубляет и без того нездоровую атмосферу в данном регионе и делает все более невозможной совместную кооперацию в сфере безопасности в СВА.

Список литературы

대한민국과 일본국간의 기본관계에 관한 조약 (Договор об основах отношений между Республикой Корея и Японией) // Посольство Республики Корея в Японии. [сайт] URL: http://overseas.mofa.go.kr/jp-ko/brd/m_1058/view.do?seq=643907 (дата обращения: 10.04.2020)

대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정 (Соглашение об экономическом сотрудничестве и урегулировании проблем прав и притязаний между Республикой Корея и Японией) // Посольство Республики Корея в Японии [сайт] URL: http://overseas.mofa.go.kr/jp-ko/brd/m_1058/view.do?seq=643907 (дата обращения: 10.04.2020)

Japan, South Korea Reach Agreement on Comfort Women. // The Diplomat, 28.12.2015 [сайт] URL: <https://thediplomat.com/2015/12/japan-south-korea-reach-agreement-on-comfort-women/> (дата обращения: 10.04.2020)

Why this statue of a young girl caused a diplomatic incident. // CNN, 10.02.2017 [сайт] URL: <https://edition.cnn.com/2017/02/05/asia/south-korea-comfort-women-statue/index.html> (дата обращения: 12.04.2020)

KBS World Radio, 30.10.2018

PM says S. Korea hopes to move relations with Japan forward in future-oriented manner // Yonhap News Agency, 30.10.2018. [сайт] URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181030011100315?section=search> (Дата обращения: 12.04.2020)

日 정부·미쓰비시 “韓 배상 판결, 청구권협정 위반...수용 못해“. 조선일보, 29.11.2018. (Правительство Японии и Мицубиси: решение корейской стороны о компенсациях противоречит соглашению о «правах и притязаниях» не может быть признано. // Чосон ильбо, 29.11.2018) [сайт] URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2018/11/29/2018112902995.html (Дата обращения: 12.04.2020)

Чунъан ильбо, 30.05.2019.

Japan's export curbs on South Korea: 5 things to know. Nikkei Asian Review, 09.07.2019. (Дата обращения: 14.04.2020)

Japan, S.Korea sign intelligence-sharing pact over N. Korean threat. The Mainichi, 24.11.2016. (Дата обращения: 19.04.2020)

Tae-Ryong Yoon. Learning To Cooperate Not To Cooperate: Bargaining For The 1965 Korea – Japan Normalization. Asian Perspective, Vol.32, No. 2, 2008, pp.59–91.

KBS World Radio, 23.11.2019.

References

Daehanmingukgwa ilbongukganui gibongwangyee gwanhan joyak 대한민국과 일본국간의 기본 관계에 관한 조약 [Treaty on Basic Relations between the Republic of Korea and Japan]. In *Embassy of the Republic of Korea in Japan* [website]. URL: http://overseas.mofa.go.kr/jp-ko/brd/m_1058/view.do?seq=643907 (mode of access: 10.04.2020).

Daehanmingukgwa ilbongukganui jaesan mit cheonggugwone gwanhan munjeui haegyeolgwa gyeongjehyeopryeoge gwanhan hyeopjeong 대한민국과 일본국간의 재산 및 청구권에 관한 문제의 해결과 경제협력에 관한 협정. [Agreement Between Japan and the Republic of Korea Concerning the Settlement of Problems in Regard to Property and Claims and Economic Cooperation]. In *Embassy of the Republic of Korea in Japan* [website]. URL: http://overseas.mofa.go.kr/jp-ko/brd/m_1058/view.do?seq=643907 (mode of access: 10.04.2020).

Japan, South Korea Reach Agreement on Comfort Women. In *The Diplomat*, 28.12.2015. [website]. URL: <https://thediplomat.com/2015/12/japan-south-korea-reach-agreement-on-comfort-women/> (mode of access: 10.04.2020).

Why this statue of a young girl caused a diplomatic incident. In *CNN*, 10.02.2017 [website]. URL: <https://edition.cnn.com/2017/02/05/asia/south-korea-comfort-women-statue/index.html> (mode of access: 12.04.2020).

KBS World Radio, 30.10.2018.

PM says S. Korea hopes to move relations with Japan forward in future-oriented manner. In *Yonhap News Agency*, 30.10.2018 [website]. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181030011100315?section=search> (mode of access: 12.04.2020).

Il jeongbu•misseubisi “Han baesang pangyeol, cheonggugwonhyeopjeong wiban...suyong moshae“. 정부 • 미쓰비시 “韓 배상 판결, 청구권협정 위반...수용 못해“. Joseon ilbo 조선일보, 29.11.2018. [The Government of Japan and Mitsubishi: Korean side decision on compensation is controverting on Agreement of property and claims and doesn't be approve]. In *Josun Ilbo*, 29.11.2018 [website]. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2018/11/29/2018112902995.html (mode of access: 12.04.2020).

Joongang Ilbo, 30.05.2019.

Japan's export curbs on South Korea: 5 things to know. In *Nikkei Asian Review*, 09.07.2019. (mode of access: 14.04.2020).

Japan, S. Korea sign intelligence-sharing pact over N. Korean threat. In *The Mainichi*, 24.11.2016. (mode of access: 19.04.2020).

Tae-Ryong Yoon. Learning To Cooperate Not To Cooperate: Bargaining For The 1965 Korea – Japan Normalization. In *Asian Perspective*, Vol.32, No. 2, 2008, pp.59–91.

KBS World Radio, 23.11.2019.

The article was submitted on 30.04.2020

А. Л. Мышинский

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗАГАДОК

Аннотация. В статье проанализирован феномен китайской иероглифической загадки, ее связь с китайской культурной традицией и возможность использовать иероглифические загадки для повышения эффективности изучения китайского языка. Подробно рассмотрены разные типы иероглифических загадок. Раскрыты различные типы взаимодействия семантического и семиотического аспекта иероглифической загадки.

Ключевые слова: китайский язык, китайский иероглиф, иероглифическая загадка, семантика, семиотика, Сунь Юнчан.

Alexey L. Myshinskiy

SEMANTIC AND SEMIOTIC FEATURES OF RIDDLES ABOUT CHINESE CHARACTERS

Abstract. The article analyzes the phenomenon of a riddle about Chinese character. The author reveals its relationship with the cultural tradition of China and demonstrates its possibilities for studying Chinese. It analyzed various types of the riddles in detail. The author comments various types of interaction between the semantic and semiotic aspects of this kind of riddles.

Key words: Chinese language, Chinese character, riddle about Chinese character, semantics, semiotics, Sun Yongchang.

«Феномен иероглифических загадок – дивный цветок в Саду Роскошных Зрелищ¹ нашей культуры иероглифического письма, уникальная форма устного народного творчества и письменной народной культуры. Этот феномен и познавателен, и увлекателен, и служит развлечением. Он одновременно является и очень доходчивым, и имеет большую художественную ценность. Вот почему иероглифические загадки испокон веков пользуются всеобщей любовью и популярностью». Это пишет ведущий китайский специалист по иероглифическим загадкам, профессор китайского языка Сунь Юнчан, главный редактор «Большого словаря иероглифических загадок» [Сунь Юнчан, 2002а, С. 5].

Действительно, китайцы любят иероглифические загадки. Что же это такое? Разберем пример.

来了一人, 昨日又走了 lái le yì rén, zuó rì yòu zǒu le. Здесь и далее мы записываем *пиньинь*, отделяя один слог от другого, поскольку зачастую загадки строятся на том, что при втором прочтении требуется иная разбивка фразы на слова, нежели в первый раз. Пословный перевод: «Пришел некто, к тому же вчерашний день ушел». Так загадка должна восприниматься на слух. Имеется же в виду следующее. Из левой части иероглифа 昨 убираем ключ 日 «день, солнце». На его место

¹ 大观园 Dàguānyuán Сад Роскошных зрелищ (сад Цзя Баоюя из романа «Сон в красном тереме»).

подставляем ключ 人 (人) «человек». Получаем иероглиф 作 zuò. Это и есть отгадка. 作 zuò означает «делать, заниматься чем-либо».

Здесь и далее семантическими аспектами иероглифической загадки мы будем считать те ее компоненты, которые указывают на значение иероглифа или значение составляющих его графем. К семиотическому аспекту мы относим указания на то, как пишется графема, а также на пространственные соотношения графем в иероглифе.

Отдаленной аналогией иероглифической загадки можно считать ребус. В основе ребуса, как и иероглифической загадки, лежат изображения.

Русские, как известно, пользуются алфавитным письмом, поэтому можно привести лишь отдаленную аналогию с русскими загадками и каламбурами. Профессор Сунь Юнчан даже писал о том, что иероглифическая загадка отличается от обычной загадки тем, что первая в принципе непереводаима с китайского языка на другие языки. Все же рассмотрим некоторые аналогии.

Русская шутивая загадка: «Что делал слон, когда пришел Наполеон?».

Отгадка: «Ел траву». Игра слов основана на том, что фраза по-разному разбирается на слова. («Что делал слон, когда пришёл на поле он»).

К этому же типу относятся другие каламбуры:

«Наполеон косил траву, когда поляки пели журавлями» – «На поле он косил траву, когда поля кипели журавлями»

«И дико мне» – «Иди ко мне»

«Ты же ребенок» – «Ты жеребенок»

«Ему же надо будет» – «Ему жена добудет»

«Несу разные вещи» – «Несуразные вещи»

«Промежуток» – «Промеж уток»

«Надо ждать» – «Надо ж дать»

«Помашите нам» – «По машинам»

«Запер дело в сундуке» (читатель сам в состоянии представить иную разбивку этой фразы на слова).

В китайской иероглифической загадке, представленной выше, тоже используется игра слов. 一人 yì rén можно перевести как «некто», и как «в одиночку», и как «единственный» (о монархе или о Будде). Но в данной загадке 一人 yì rén означает 单人旁儿 dānrénpáng (单立人 dānlìrén) – «иероглифический ключ 人 человек».

昨日 zuóri может означать 昨天 zuótiān «минувший день», «вчера». Однако в загадке 昨日 zuóri означает «ключ 日 солнце» из иероглифа 昨 zuó. Можно было бы сказать, что связь между морфемами 昨 и 日 – атрибутивная. Слева – определение, справа – определяемое слово, поэтому 昨日 zuóri можно интерпретировать как “昨”字的日 “zuó” zì de rì или даже как 昨之日 zuó zhī rì.

Китайцы лучше всех сознают все те трудности, которые связаны с обучением иероглифическому письму. В этом отношении с ними могут сравниться разве что иностранные преподаватели китайского языка. Нам известна только одна работа на русском языке, посвященная иероглифическим загадкам [Бочкарева, Бахтина]. В ней как раз разбирается использование загадок в качестве метода изучения ие-

роглифов. В китайской литературе термин 字謎 zì mí «иероглифические загадки» используется сравнительно редко. Обычно используется термин 燈謎 dēng mí «загадки на фонарях», «загадки на фонариках». Дело в том, что пятнадцатого числа первого месяца по китайскому лунному календарю отмечается Праздник Фонарей. Существует обычай в этот день “观灯猜谜” guān dēng cāi mí «любоваться фонарями и отгадывать загадки».

Считается, что «загадки на фонариках» (灯谜) возникли из «просто загадок» (谜语).

Как известно, китайцы чрезвычайно серьезно относятся к своей истории. Поэтому «просто загадки» возводят к 隐语 yǐn yǔ «скрытым речам» – намекам и 廋辞 sōu cí «спрятанным словам» – эвфемизмам периода Чуньцю (770–476/403 годы до н. э.) и Чжань-го (476/403–221 годы до н. э.). Такими намеками изобиловали 劝谏 quàn jiàn – «увещевания», обращенные к начальникам, а также придворные 诙谐 huī xié «шутки» [Сунь Юнчан, 2018]. Во время правления династии Южная Сун (1127–1279) загадки, написанные на листочках бумаги, стали прикреплять к вывешенным на улице фонарям, чтобы их отгадывали все желающие. Профессор Сунь Юнчан приводит обширную цитату из книги южносунского поэта 周密 Чжоу Ми (1232–1298) 《武林旧事·灯品》 «Дела минувших дней столицы Улинь», раздел «Виды фонарей»: «Берут фонарики, обтянутые цветным шелком, прикрепляют к ним стихи, написанные на листах бумаги. Стихи содержат насмешки и шутки. Изображают разных людей. Скрытые смыслы – непостижимые слова. Шутливые речи древней столицы. Смеются и потешаются над проходящими людьми» [Сунь Юнчан, 2018].

Большинство иероглифических загадок – плод народного творчества. Но зачастую разгадывать и придумывать иероглифические загадки любят интеллектуалы. В старом Китае этим страстно увлекались и представители высшего чиновничества, и литераторы. Знаменитый Ван Аньши (1021–1086), бывший первым министром при династии Северная Сун, один из восьми корифеев литературы эпох Тан – Сун, был мастером сочинять иероглифические загадки. Ему приписывается следующая загадка:

一月共一月，两月共半边；上有可耕之田，下有长流之川；一家有六口，两口不团圆 [Сунь Юнчан, 2002а, С. 5].

Yí yuè gòng yí yuè, liǎng yuè gòng bàn biān; shàng yǒu kě gēng zhī tián, xià yǒu cháng liú zhī chuān; yì jiā yǒu liù kǒu, liǎng kǒu bù tuán yuán.

Перевод: «Одна луна вместе с другой луной, у двух лун одна общая сторона; сверху имеется пахотное поле, внизу – длинная река; в семье шесть душ, но двое не придут на семейную встречу». В этой загадке три части, разделенные у нас точками с запятой. Первая часть иносказательно описывает левую и правую часть иероглифа. Вторая – верхнюю и нижнюю часть, третья – весь иероглиф. Отгадка 用 yòng «применять, употреблять, пускать в дело».

Современные иероглифические загадки легче отгадываются. Они включаются в многофункциональные иероглифические словари для школьников [Ян Чжэнъе]. Издаются и краткие практические словари иероглифических загадок [Лю Дэбао].

Наиболее полным изданием является «Большой словарь иероглифических загадок» под редакцией профессора Сунь Юнчана [Сунь Юнчан, 2002b]

Китайцы стараются научить детей иероглифам как можно раньше. Поэтому иероглифические загадки очень популярны у китайских школьников и студентов.

Довольно трудно классифицировать иероглифические загадки. Профессор Сунь Юнчан в своем академическом словаре классифицирует загадки по длине: длиной в один иероглиф, в два, в три и т. д. Ниже мы приведем, по возможности, разнообразные загадки для того, чтобы ввести читателя в курс дела.

Ниже мы будем называть то, как загадка **должна** восприниматься (на слух или глазами), «поверхностное», «кажущееся», верхним смысловым слоем (ВСС). Отгадка по-китайски называется 謎底 mídǐ – донышко загадки, «загадковое дно». Поэтому второй, нижний смысл загадки мы далее будем называть нижний смысловой слой (НСС).

人有他大，天没有他大 rén yǒu tā dà, tiān méi yǒu tā dà. ВСС: «Если у человека это есть – он большой, если у неба этого нет – оно большое». Вариант: «Человек обладает его величиной, а небо не обладает его величиной». Отгадкой является иероглиф 一 yī «единица». Этот иероглиф представляет собой горизонтальную черту. На этом и строится загадка. В левой части загадки сопоставляются иероглиф 人 rén «человек» и иероглиф 大 dà «большой». Если к иероглифу 人 приписать горизонтальную черту, получится иероглиф 大. В правой части загадки сопоставляются иероглиф 天 tiān «небо» и вновь иероглиф 大 dà «большой». Если из иероглифа 天 tiān убрать верхнюю горизонтальную черту, то вновь получится иероглиф 大 dà «большой».

安字不戴帽，猜女不对号 ān zì bù dài mào, cāi nǚ bú duì hào. Верхний смысловой слой. «Иероглиф 安 ān не носит головной убор, однако, иероглиф 女 nǚ не является отгадкой». У левой части загадки имеется НСС. «И у иероглифа 安 ān, и у иероглифа 字 zì, отсутствует верхняя графема 宀 «крыша». Следовательно, речь идёт о двух графемах: 女 nǚ и 子 zǐ. Из них-то и состоит иероглиф 好 hǎo. Это отгадка.

宝玉刚去且又来 bǎo yù gāng qù qiě yòu lái. ВСС: «Драгоценный камень только было ушел, да тут же вернулся». Комбинацию первых двух иероглифов можно перевести двумя способами. Словарь дает значения «драгоценный камень, самоцвет, драгоценность». Однако основной закон китайского языка позволяет интерпретировать эти два иероглифа как определение (слева) и определяемое слово (справа): 宝之玉 bǎo zhī yù или “宝” 字的玉 “bǎo” zì de yù. Имеется в виду графема 玉 yù из нижней части иероглифа 宝 bǎo. Тогда обнаруживается НСС. «Из иероглифа 宝 bǎo убираем нижнюю графему 玉 yù, а вместо неё подставляем графему 且 qiě». Отгадка иероглиф 宜 yí – «должно, следует; соответствовать, подходить; подходящий (в сочетаниях)».

不见愚公移山，只见智叟生病；看它皮包骨头，好似麻绳搓成 bú jiàn Yú Gōng yí shān, zhǐ jiàn Zhì Sǒu shēng bìng; kàn tā pí bāo gǔ tou, hǎo sì má shéng cuō chéng. ВСС: «Не видать Простака (Юй Гуна), передвинувшего горы, видно только Умника (Чжи Соу), глянь – кожа да кости, похож на скрученную пеньковую

верёвку»¹. Загадка требует знания традиционной китайской культуры. В загадке четыре части, и только во второй части есть намек на графику искомого иероглифа: 叟生病 sǒu shēng bìng. 叟 sǒu означает «старец». Это правая часть его китайского прозвища 智叟 Zhì Sǒu «Мудрый старец» (в переводе В. В. Малявина – «Умник»). Надо совместить иероглиф 叟 sǒu с ключом 疒 «болезнь». На это указывает иероглиф (не ключ!) 病 bìng «болезнь». Третья и четвертая часть загадки указывает на значение искомого иероглифа – «худой». Отгадкой является иероглиф 瘦 shòu «худой, тонкий, тощий; истощённый; отощавший; худеть, тощать».

尘土飞扬 chén tǔ fēi yáng. ВСС: «Пыль клубится». Комбинацию двух первых иероглифов 尘土飞扬 chén tǔ можно перевести как «пыль». Другой вариант перевода – ключ 土 tǔ «почва, земля» из нижней части иероглифа 尘 chén. Тогда возникает НСС: «Из нижней части иероглифа 尘 chén исчез ключ 土 tǔ почва, земля. Осталась верхняя часть – иероглиф 小 xiǎo маленький».

坏字没有土, 摇头如小鼓 huài zì méi yǒu tǔ, yáo tóu rú xiǎo gǔ. ВСС: «Иероглиф написан неправильно! Отсутствует ключ почва! Мотаю головой из стороны в сторону, как барабанчик». Следует иметь в виду, что барабанчик 小鼓 xiǎo gǔ имеет довольно длинную ручку, а к его ободу на веревочках приделаны два грузика. Чтобы барабанчик звучал, его надо крутить. Тогда грузики ударяют по натянутой на барабанчик бумаге. Когда человек говорит «нет, неправильно», он мотает головой. Движения его головы похожи на движения барабанчика. Правая часть загадки – это подсказка. Имеется в виду иероглиф, означающий отрицание. В левой части загадки имеется НСС. 坏字没有土 huài zì méi yǒu tǔ. «В иероглифе 坏 huài слева должен отсутствовать ключ 土 tǔ почва». Остается иероглиф 不 bù «не», отрицание.

---

¹ «Две горы, Тайхан и Ваньу, достигают семисот ли в окружности и вздымаются ввысь на десять тысяч сажен. Когда-то они стояли к северу от Цзичжоу и на юг от Хэяна. У подножия этих гор жил человек по прозвищу Простак с Северной Горы, и было ему уже девяносто лет. Очень было досадно Простаку всякий раз, когда он отправлялся по делам и возвращался домой, обходить большую гору на севере. Собрал он свою семью на совет и сказал:

– Давайте, не жалея сил, сроем эту преграду, чтобы было нам удобно уходить от юга Юйчжоу до южного берега реки Хань!

Все согласились, и только жена засомневалась:

– Тебе не под силу скрыть даже маленький холмик, а что говорить о Тайхан и Ваньу! Да и куда ты денешь столько земли и камней?

– Будем сбрасывать их в залив Бохай, севернее Иньту.

И вот Простак вместе со всеми своими детьми и внуками отправился на работу, и стали они дробить камни, рыть землю и относить ее корзинами в море. Сын соседки, вдовы из рода Цзинчэн, у которого только что выпали молочные зубы, тоже прибежал им помогать.

Простак не возвращался домой до тех пор, пока на смену зиме не пришла летняя жара. Некий человек по прозвищу Умник с Излучины Реки стал смеяться над Простакон и отговаривать его:

– Глупец! Да разве можешь ты, одряхлевший от старости, уменьшить гору хотя бы на волосок? Разве ты справишься с такой массой земли и камней?

Простак с Северной Горы вздохнул и ответил:

– Где уж тебе, твердолобому, понять это! Ума у тебя даже меньше, чем у моего младшего внука. К чему мне горевать о том, что я сам не успею кончить работу? Когда я умру, мое дело продолжат сыновья и внуки, а потом у них тоже народятся дети, а те тоже будут иметь детей, и так без конца. Мои потомки будут жить здесь всегда, а гора не станет больше.

Умнику с Излучины Реки и возразить было нечего» [Чжуан-цзы, С. 339–340].

金靠一戈, 变为通货 jīn kào yì gē, biàn wéi tōng huò. ВСС: «Золото опирается на старинное копье (*клевец*) и становится ходячей монетой». Ключ 金 jīn «золото, металл» имеет такой 钅 вариант написания в левой части иероглифа. Ключ копье (*клевец*) выглядит так 戈. НСС: «Ключ 钅 присоединяем к ключу 戈, все это превращается в иероглиф 钱». Отгадка 钱 qián «деньги».

千口一起走 qiān kǒu yì qǐ zǒu. ВСС: «Тысяча душ («ртов») вместе идут». НСС: «Иероглиф 千 qiān *тысяча* сверху справа, под ним иероглиф 口 kǒu рот, слева снизу пишем ключ 辶 *быстро идти*». И все это вместе. Отгадка 适 shì «годиться, подходить к...; соответствовать».

去一口, 有一人; 去一人, 有一口 qù yì kǒu, yǒu yì rén; qù yì rén, yǒu yì kǒu. ВСС: «[Если] уходит один рот, остаётся один человек; [если] уходит один человек, остаётся один рот». НСС: «Когда из искомого иероглифа уходит и ключ 一 *единица*, и ключ 口 *рот*, остается только ключ 人 *человек*; когда из искомого иероглифа уходит и ключ 一 *единица*, и ключ 人 *человек*, остается только ключ 口 *рот*». Отгадка 合 hé «соединять (ся); объединять (ся); сообща; совместный».

手高眼低 shǒu gāo yǎn dī. ВСС: «Рука высоко, а глаз низко». НСС: «В искомом иероглифе сверху расположен ключ 手 shǒu *рука*, а внизу – ключ 目 mù *глаз*». Трудность для китайского ребенка состоит в том, что в современном национальном китайском языке *путунхуа* «глаз» – это 眼睛 yǎnjīng, а не 目 mù. Поэтому русские студенты, выучившие иероглифические ключи, отгадывают эту загадку быстрее, чем китайские дети. Отгадка 看 kàn «смотреть, глядеть».

四边不见 sì biān bú jiàn. ВСС: «А вокруг красота – не видать ни черта» (Виктор Цой). «На четыре стороны ничего не видно». НСС: «От иероглифа 四 sì оставляем только графему, расположенную в центре. Все, что расположено вокруг, по четырем сторонам, убираем». Отгадка 儿 ér «ребёнок, дитя; малыш; сын; мальчик».

一步登天 yí bù dēng tiān. ВСС: «Одним шагом взойти на небеса». Этот фразеологизм (*чэньюй*) имеет два значения. 1) Кого-то осенило, он сразу все понял и постиг. 2) Одержать мгновенную победу. НСС: «Если к искомому иероглифу добавить одну горизонтальную черту (*единицу*), то получится иероглиф 天 «небо». Отгадка – иероглиф 大 dà.

一减一, 不是零 yí jiǎn yī, bú shì líng. ВСС: «Один минус один не равняется нулю!» Математический знак «минус» похож на китайскую единичку, поэтому если написать пример на вычитание 1 – 1 столбиком и использовать китайские цифры, а не арабские, возникает НСС. «Верхняя черта в искомом иероглифе есть горизонтальная черта (*единица*), средняя черта тоже горизонтальная (*минус*), нижняя черта вновь горизонтальная (*единица*). Отгадка 三 sān «три».

一人来打更, 万人把心省 yì rén lái dǎ gēng, wàn rén bǎ xīn shěng. ВСС: «Некто вышел отбивать часы ночной стражи, и все спокойны». В правой части загадки существительное 心 xīn выступает в роли дополнения к глагольному сказуемому 省 shěng. Но дополнение вынесено влево, находится *перед* сказуемым и оформлено частицей 把 bǎ. Эта инверсия осложняет жизнь русских китаистов, которые не всегда могут догадаться, что в словаре нужно поискать сочетание 省心 shěngxīn «не беспокоиться, не волноваться; быть спокойным; избегать лишних хлопот». НСС: «Иероглифический ключ 亻 *человек* следует совместить с иероглифом 更».

Отгадка 便 biàn «удобный, комфортабельный; мирный, спокойный». На нее дополнительно указывают два последних иероглифа загадки. Они тоже означают «спокойный».

银行两边 yín háng liǎng biān. ВСС: «Обе стороны банка». Оба иероглифа, которые образуют китайское слово «банк» (*серебряный ряд*), состоят из двух компонентов («сторон»). НСС: «Следует объединить левую часть иероглифа 行 háng с правой частью иероглифа 银 yín». Ключ 亻 плюс ключ 艮 дает отгадку. Это иероглиф 很 hěn «очень, весьма, вполне».

有刀能切 yǒu dāo néng qiē. ВСС: «[Если] будет ножик, можно будет [что-нибудь] порезать». НСС: «Если к искомому иероглифу прибавить ключ 刀 *нож*, то получится иероглиф 切 qiē *резать*». Отгадка 七 qī «семь».

一根棍子地上敲, 两只跳蚤左右跳 yì gēn gùn zǐ dì shàng qiāo, liǎng zhī tiàozao zhuō yòu tiào. ВСС: «Палка стучит по земле, а по бокам прыгают две блохи». Прямых указаний на иероглифические ключи нет. Левая часть загадки иносказательно описывает вертикальную черту с крюком. Правая часть загадки указывает на точку слева и точку справа. Отгадка иероглиф 小 xiǎo «маленький».

老头身得重病, 体重越来越轻 lǎotóu shēn dé zhòng bìng, tǐ zhòng yuè lái yuè qīng. ВСС: «Старец тяжело заболел, худеет не по дням, а по часам». Тут надобно знать, что синонимом слова 老头 lǎotóu является слово 叟 sǒu – «старик, старец». Русские студенты-китаисты зачастую этого слова не знают. НСС: «Следует соединить иероглиф 叟 sǒu с ключом 疒 *болезнь*». На этот ключ указывает слово 病 bìng «болезнь». Отгадкой является иероглиф 瘦 shòu «худой, истощённый; худеть, тошаты». Правая часть загадки – смысловая подсказка, не связанная с написанием иероглифа.

看是女子不是女子 kàn shì nǚ zǐ bú shì nǚ zǐ. ВСС: «Посмотришь – [вроде] женщина, ан нет, не женщина!». НСС: «Кажется, что здесь два иероглифа: 女 nǚ и 子 zǐ. А на самом деле – это две графемы 女 и 子». Из них состоит искомый иероглиф 好 hǎo. Это отгадка.

一院很方正, 周围不透风, 里边无他人, 孤儿在其中 yí yuàn hěn fāng zhèng, zhōu wéi bù tòu fēng, lǐ bian wú tā rén, gū'ér zài qí zhōng. ВСС: «Двор строго квадратной формы, со всех сторон защищён от ветра, внутри никого нет, [только] сиротка внутри». Комбинация 孤儿 gū'ér «одинокий» может указывать на знак 儿. НСС: «В искомом иероглифе снаружи имеется ключ 匚 *ограда*, внутри этого ключа только ключ 儿». Отгадка 四 sì «четыре».

一人一点 yì rén yì diǎn. ВСС: «По капле на человека». НСС: «Ключ человек, горизонтальная черта, точка вправо». Отгадка 太 tài «слишком, чересчур». Загадка «утяжелена» тем, что в действительности порядок написания этого иероглифа иной: горизонтальная черта, откидная черта влево, откидная вправо, точка вправо.

天上挂着两残月 tiān shàng guà zhe liǎng cán yuè. ВСС: «На небе висят два стареющих месяца». Отгадку усложняет то, что слово 残月 cányuè может означать и «стареющий месяц», и «изуродованный месяц». Ведь слово 残 cán означает «испорченный, дефектный; истрёпанный; разбитый». НСС: «Под горизонтальной чертой, изображающей небо, висят два изуродованных ключа 月. Отгадка 丽 lì «красивый, прекрасный; прелестный, изящный; роскошный, цветущий; блестящий, яркий».

一加一不等于二 yì jiā yí bù dèng yú èr. ВСС: «Один плюс один не равняется двум». Математический знак «плюс» похож на вторую и третью черту в иероглифе 王 wáng «князь», поэтому если написать пример на сложение 1 + 1 столбиком и использовать китайские цифры, а не арабские, возникает НСС. «Первая черта в искомом иероглифе есть горизонтальная черта (*единица*), вторая (средняя) черта – тоже горизонтальная, четвертая черта – вертикальная, четвертая нижняя горизонтальная (единица). Отгадка 王 wáng «князь».

孤帐一片日边来 gū zhàng yí piàn rì biān lái. ВСС: «К одинокой половинке занавеса солнышко подошло». Солнышко есть ключ 日, а вот «половинка занавеса», левая кулиса – это точка влево. НСС: «Пишем точку влево, к ней снизу приписываем ключ солнце». Отгадка 白 bái «белый».

一心跟你学 yì xīn gēn nǐ xué. ВСС: «Все сердце у тебя учится (Сердце целиком за тобой следует)». Общеизвестно, что слово 学 xué означает «учиться». Но оно еще имеет значение «следовать (кому-либо, чему-либо); копировать манеру (например, автора)». НСС: «Графема 心 xīn пишется после иероглифа 你 nǐ ты». Отгадка 您 nín «Вы, Ваш».

心上只有你 xīn shàng zhǐ yǒu nǐ. ВСС: «На сердце только ты». Очень трогательно. НСС: «Над ключом 心 xīn *сердце* написан иероглиф 你 nǐ ты». Отгадка та же, что и в предшествующей загадке – 您 nín «Вы, Ваш».

一边哄, 一边骗 yì biān hōng, yì biān piàn. ВСС: «И дурачит, и обманывает». 一边……一边…… yì biān... yì biān означает «одновременно, попутно, и вместе с тем». Но здесь 一边 означает «одна половинка, одна сторона». НСС: «Следует взять левую часть иероглифа 哄 и соединить ее с левой частью иероглифа 骗». Ключ 口 плюс ключ 马 образует иероглиф 吗 ma, всем известную конечную частицу вопросительных предложений. Это и есть отгадка.

白芍要长好, 必须除青草 bái sháo yào zhǎng hǎo, bì xū chú qīng cǎo. ВСС: «Чтобы белоцветковые пионы выросли, надо выполоть сорняки». НСС: «На графiku искомого иероглифа указывают, прежде всего, два первых иероглифа – 白 bái и 芍 sháo. Прежде чем их объединить, из второго иероглифа следует удалить ключ 艹 трава. Теперь объединяем графемы 白 bái и 勺 sháo». Получаем иероглиф 的 de – отгадку. Это всем известная служебная частица.

东汉 dōnghàn. ВСС: «Династия Восточная Хань (25–220 гг.)». НСС: «Восточная – правая – часть иероглифа 汉 hàn». Это иероглиф 又 yòu «снова, вновь, опять; еще раз».

占下火星变小滴, 紧跟雨后不分离 zhàn xià huǒ xīng biàn xiǎo dī, jǐn gēn yǔ hòu bù fēn lí. ВСС: «Находящиеся снизу искорки уменьшились и превратились в капли; этот как раз то, что бывает сразу после дождя». НСС: «Под знаком 占 следует разместить ключ 火 огонь в виде четырех точек 灺, тогда образуется иероглиф 点 diǎn, – то, что бывает сразу после дождя». Отгадка 点 diǎn «капля, пятно, точка».

不写上头, 光写下头 bù xiě shàng tóu, guāng xiě xià tóu. ВСС: «Не пиши сверху, пиши только снизу». 上头 может быть и наречием «сверху», и атрибутивной синтагмой «верхняя часть». 下头 тоже может быть и наречием «снизу», и атрибутивной синтагмой – «нижняя часть». Сочетание 不写 может выступать как наречие плюс глагол в повелительном наклонении – «не пиши». (Китайцы

считают, что 不 – это наречие, обстоятельство, точнее, определение к глаголу 写). Но сочетание 不写上头 может означать «не верхняя часть иероглифа 写». Сочетание 光写 тоже может выступать как наречие плюс глагол в повелительном наклонении – «только пиши». Но сочетание 光写上头 может означать «только нижняя часть иероглифа 写». НСС: «Не следует писать верхнюю часть иероглифа 写, следует написать только нижнюю часть иероглифа 写». Отгадка 与 yǔ – союз «и» литературного языка.

一人站来一人卧, 还有三点横上坐 yì rén zhàn lái yì rén wò, hái yǒu sān diǎn héng shàng zuò. ВСС: «Один человек встал, а другой [все] лежит, и еще имеются три точки, которые сидят на горизонтальной черте». Загадка полностью состоит из указаний на графику иероглифа. Требуется правильно расставить графические компоненты. НСС: «Ключ 亻 человек располагается слева. Ключ 人 человек, отдаленно напоминающий фигуру навзничь лежащего человека, располагается справа сверху. Под ним расположена горизонтальная черта, она указывает на поверхность, на которой «лежит» человек. Под ней находятся две точки вправо и точка влево. Под ними написана еще одна горизонтальная черта». Отгадка 俭 jiǎn «экономный, бережливый; экономно, бережливо».

断头台 duàn tóu tái. ВСС: «Эшафот, гильотина, лобное место, место казни». Отдельный иероглиф 断 duàn означает «разрубать, отрубать; обрывать, отрывать». Иероглиф 头 tóu означает «голова, верхушка». НСС: «Удали верхнюю часть иероглифа 台 tái. Остается иероглиф 口 kǒu «рот». Это и есть отгадка.

耳有闻 ěr yǒu wén. Пословный перевод: «Уши обладают новостями». ВСС: «Есть новости». НСС: «Искомый иероглиф – это то, что окружает графему 耳 ěr в иероглифе 闻 wén». Отгадка 门 mén «двери, ворота».

格里格 gélǐgégé. ВСС: «Клетка внутри другой клетки». Иероглиф 格 gé означает и деревянную клетку для птиц, и ячейку в таблице, и клеточку в тетради. НСС: «Снаружи и внутри искомого иероглифа располагаются два ключа, похожих на квадрат». Наружная, большая «клетка» – это ключ 口 kǒu «ограда». Внутренняя, меньшая клеточка – это ключ 口 kǒu «рот». Отгадка 回 huí «возвращаться, заворачивать».

已有一半, 又制一半 yǐ yǒu yí bàn, yòu zhì yí bàn. ВСС: «Половинка уже есть, надо изготовить ещё половинку». Когда загадку загадывают, дважды используют иероглиф 半 bàn. В левой части загадки 半 bàn означает графему, входящую в состав искомого иероглифа. В правой части 半 bàn означает половинку иероглифа. НСС: «В искомом иероглифе уже есть графема 半, к ней следует добавить еще половину иероглифа 制 zhì». Слева пишем слегка стилизованную графему 半, а справа – правую часть иероглифа 制 zhì – ключ 卩 jié «нож». Получаем отгадку 判 pàn «решать, определять, выносить решение, приговор».

听时有、看时无, 哭时有、笑时无。古时有、今时无, 凉时有、热时无。Tīng shí yǒu, kàn shí wú, kū shí yǒu, xiào shí wú。Gǔ shí yǒu, jīn shí wú, liáng shí yǒu, rè shí wú。ВСС: «Когда слушаешь – есть, когда смотришь – нету. Когда плачешь – есть, когда смеешься – нету. В древности было, а теперь – нету. Когда прохладно – есть, когда жарко – нету». Надо ясно представлять, как выглядят упоминаемые в загадке иероглифы, и тогда отгадка находится легко. Искомый иероглиф в каче-

стве графемы имеется в иероглифах 听、哭、古、凉. И отсутствует в иероглифах 看、笑、今、热. Это 口 kǒu «рот».

兔无尾, 刀出头 tù wú wěi, dāo chū tóu. ВСС: «У зайца нет хвоста, а у ножа высунулась голова». НСС: «Из иероглифа 兔 tù *заяц* следует справа снизу удалить точку. Получится знак 免 miǎn. Знак 刀 dāo следует заменить знаком 力 lì». Объединяем знаки 免 и 力. Получаем отгадку 勉 miǎn: «прилагать усилия, стараться, воодушевлять, поощрять; уговаривать, убеждать, заставляя, понуждать».

有的才放矢, 射到缺口里 yǒu de cái fàng shǐ, shè dào quē kǒu lǐ. ВСС: «Некое юное дарование пускало стрелы, ну и попало в пробоину». Комбинация иероглифов 缺口 quē kǒu может означать пробоину, а может – «выщербленный, попорченный рот», то есть ключ 𠄎. НСС: «В центре искомого иероглифа находится ключ 矢 shǐ стрела, а снаружи ключ 𠄎 *ящик, короб*». Отгадка 医 yī «врач, медицинский».

Еще две загадки, которые выбиваются из общего ряда. В них вообще не указывается на графические компоненты иероглифа, а указывается только на его смысл.

有一个字, 人人见了都会念错, 这是什么字? yǒu yí ge zì, rén rén jiàn le dōu huì niàn cuò, zhè shì shén me zì? ВСС: «Есть такой иероглиф, все, увидев его, читают неправильно, что же это за иероглиф? Отгадка: Это иероглиф 错 cuò «ошибаться; запутываться, впадать в заблуждение; неправильно». НСС: «Есть такой иероглиф, все читают его как cuò, что значит *неправильно*».

不走啦, 回来了 bù zǒu la, huí lái le. ВСС: «Не уходи, вернись!». Отгадка 还 huán «возвращаться».

Китайцы высоко ценят свою иероглифическую письменность, справедливо полагая, что она чрезвычайно трудная, и несправедливо полагая, что иностранцам она недоступна. Поэтому иностранец, знающий иероглифические загадки, вызывает у китайцев веселое изумление. Вот еще один повод изучать иероглифические загадки.

Список литературы

Бочкарева Н. В., Бахтина Е. А. Разгадывание иероглифических загадок как один из продуктивных методов изучения китайской письменности // Известия Восточного Института. 2015. № 2. С. 100–105.

Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступит. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.

Лю Дэбао (ред.). Шиюн миной сяо цыдянь (实用谜语小辞典. 刘德宝 / 主编. 西安: 世界图书出版西安公司). Краткий практический словарь иероглифических загадок / Под ред. Лю Дэбао. Сиань: Международное книжное издательство, 2005. 334 с. (на кит. яз.).

Сунь Юнчан, 2002a. Сунь Юнчан: Ханьцзы цзыми гайшо (孙雍长: 汉字字谜概说). Общее введение в иероглифические загадки // Ханьцзы цзыми да цыдянь (汉字字谜大典). Большой словарь иероглифических загадок. – Гуанчжоу. 2002. С. 3–61. (на кит. яз.).

Сунь Юнчан (ред.), 2002b. Ханьцзы цзыми да цыдянь (汉字字谜大典. 孙雍长 / 主编. 广州: 广东教育出版社). Большой словарь иероглифических загадок / Под ред. Сунь Юнчана. Гуанчжоу: Гуандунское образовательное издательство, 2002. 804 с. (на кит. яз.).

Сунь Юнчан, 2018. Сунь Юнчан: Дэнми юй миной (孙雍长: 灯谜与谜语). Сунь Юнчан. «Загадки на фонарях» и «обычные загадки» // (Цзиньжи юйяньсюэ) 今日语言学 [Лингвистика сегодня]. URL: http://ling.cssn.cn/xzfc/xzfc_xzgd/201803/t20180302_3865473.html (на кит. яз.). (дата обращения 28.02.20).

Ян Чжэнье (ред.), 2004. Ваньюнь сюэшэн цыдянь (万用学生字典 / 杨正业 / 主编: 四川出版集团. 四川辞书出版社). Многофункциональный школьный словарь иероглифов. Под ред. Ян Чжэнье. Сычуань: Издательская группа Сычуань. Сычуань пресс. 2004. 754 с. (на кит. яз.).

References

- Bochkareva, N. V., Bakhtina, E. A. (2015) Razgadyvanie ieroglificheskikh zagadok kak odin iz produktivnykh metodov izucheniia kitaiskoi pis'mennosti [Solving riddles about Chinese characters as one of the productive methods of studying Chinese writing]. In *Izvestiia Vostochnogo Instituta*. No. 2, pp. 100–105.
- Zhuangzi, Liezi* (1995). Russian translation, introduction and notes by V. V. Malyavin. Moscow, Mysl'. 439 p.
- Liu Debao (Ed.). (2005). *Shiyong miyu xiao cidian* (实用谜语小辞典. 刘德宝 / 主编). Practical Dictionary of Riddles about Chinese Characters. Xi'an, World Book Publishing Xi'an Company, 334 p. (in Chinese).
- Sun Yongchang (2002a). Hanzi zimi gaishuo (孙雍长. 汉字字谜概说), Introduction to Riddles about Chinese characters. In *Hanzi zimi dadian* (汉字字谜大典). Guangzhou, pp. 3–61. (in Chinese).
- Sun Yongchang (Ed.). (2002b). *Hanzi zimi dadian* (汉字字谜大典. 孙雍长 / 主编), Big dictionary Riddles about Chinese characters. Guangzhou, Guangdong Education Publishing. 804 p. (in Chinese).
- Sun Yongchang. (2018). Sun Yongchang. Dengmi yu miyu (孙雍长. 灯谜与谜) [Riddles written on lanterns and conundrums]. In *Jinri yuyanxue* (今日语言学) [Linguistics today]. URL: http://ling.cssn.cn/xzfc/xzfc_xzgd/201803/t20180302_3865473.html (in Chinese). (mode of access 28.02.20).
- Yang Zhengye (Ed.). (2004). *Wanyong xuesheng zidian* (万用学生字典 / 杨正业/主编: 四川出版集团. 四川辞书出版社). Universal Student Chinese Characters Dictionary. Sichuan, Sichuan Publishing Group, Sichuan Dictionary Press. 754 p. (in Chinese).

The article was submitted on 9.03.2020

УДК 910.4 (397):81'255

Т. А. Косых

АБИССИНИЯ ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА XVIII ВЕКА¹

Аннотация. В статье рассмотрен образ Абиссинии в представлении английского интеллектуала XVIII века Сэмюэла Джонсона (1709–1784), создателя «Словаря английского языка» 1755 года, редактора и издателя восьми томов сочинений Уильяма Шекспира 1765 года, и автора «Жизнеописаний важнейших английских поэтов» 1779–1781 годов. На примере восточной повести «История Расселаса, принца Абиссинского» и осуществленного С. Джонсоном перевода с французского сочинения Иеронима Лобо «Путешествия в Абиссинию» проанализированы особенности формирования воззрений литератора на отдаленную христианскую страну. Предложено объяснение причин, по которым Абиссиния, или Эфиопия, долгое время не была в поле зрения британских интеллектуалов XVII–XVIII веков. В работе сделан акцент на исследовании влияния работ португальского миссионера И. Лобо и немецкого востоковеда И. Людольфа на восприятие С. Джонсоном этой африканской страны. Перевод труда И. Лобо «Путешествие в Абиссинию» стал первой серьезной работой С. Джонсона, который в 1735 г. только начинал свою литературную карьеру. Знакомство С. Джонсона с этим текстом впоследствии вдохновило его написание восточной повести под названием «История Расселаса» – одного из самых известных художественных произведений доктора Джонсона. Длительное время биографы и исследователи жизни и наследия С. Джонсона рассматривали «Историю Расселаса» как текст, в котором Абиссиния является лишь фоном для философских умозаключений автора и размышлений о проблемах английского общества. Тем не менее обращение к кругу чтения литератора показывает, что «История Расселаса» является не только традиционным ориенталистским текстом, в котором тесно переплетены образы «своего» и «другого», но и работой, позволяющей увидеть, как господствовавшие в обществе стереотипы о христианской Африке трансформировались в наследии С. Джонсона и определили образ Абиссинии, сложившийся у английской читающей публики XVIII века.

Ключевые слова: Абиссиния, Эфиопия, история Британии XVIII в., Сэмюэл Джонсон, Иероним Лобо, образ «Другого».

Tatyana A. Kosykh

ABYSSINIA THROUGH THE EYES OF THE ENGLISH INTELLECTUAL OF THE EIGHTEENTH CENTURY

Abstract. The article considers the image of Abyssinia in the representation of the Eighteenth-century English intellectual Samuel Johnson (1709–1784), creator of the “Dictionary of the English

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен, XVII–XVIII вв.»).

Language” (1755), editor and publisher of the works of William Shakespeare (1765), and author of the “Lives of the Most Eminent English Poets” (1779–1781). On the example of such works of a writer as his translation from the French work of Jerome Lobo “A Voyage to Abyssinia” and the eastern tale “The History of Rasselas, Prince of Abyssinia”, the author analyzes the formation of S. Johnson’s views on an African country. The author of the paper explains the reasons why Abyssinia for a long time was not in the field of view of British intellectuals of the XVII–XVIII centuries. The work focuses on the study of the influence of the works of the Portuguese missionary Jerome Lobo and the German orientalist Hiob Ludolf on Johnson’s perception of Abyssinia. The translation of the Lobo’s work “Journey to Abyssinia” was the first serious Johnson’s work, who in 1735 began his literary career. Johnson’s acquaintance with this text later inspired him to write an oriental story entitled “The History of Rasselas”, which is one of Dr Johnson’s most famous work. For a long time, biographers and researchers of the life and heritage of S. Johnson considered “The History of Rasselas” as a text in which Abyssinia is only a background for the philosophical conclusions of the author and reflections on the problems of English society. Nevertheless, an appeal to the literary circle of reading shows that “The History of Rasselas” is not only a traditional orientalist text in which the images of the “self” and “other” are closely intertwined but also a work that allows you to see how stereotypes prevailed in European society about Christian Africa was transformed in the S. Johnson’s legacy and determined the image of Abyssinia that prevailed among the English reading public of the XVIII century.

Key words: Abyssinia, Ethiopia, Eighteenth-century British History, Samuel Johnson, Jerome Lobo, image of the “Other”.

В марте 1622 года португальский миссионер Иероним Лобо (1595–1678), воспользовавшись оказией, сел на судно, направлявшееся к берегам Индии. Преодолев всевозможные трудности, сопровождавшие любого отважного путешественника в первой половине XVII столетия¹, в декабре того же года Лобо оказался на побережье Гоа. Он был убежден, что отныне его миссия заключается в служении во имя Святого Престола в этой отдаленной стране. Однако непростое путешествие Лобо только начиналось: «как раз тогда из Эфиопии были получены письма от находившихся там святых отцов. Они сообщали, что Султан Сегед [Сусныйос – *T. K.*] император Абиссинии, всей душой воспринял Римскую церковь и что многие из его подданных последовали примеру монарха. В связи с этим возникла большая потребность в миссионерах для поддержки богоугодных начинаний императора» [Лобо, с. 11]. Иероним Лобо стал одним из португальских иезуитов, отправившихся в земли эфиопского властителя.

Миссия иезуитов была успешна, пока во главе Абиссинии стоял негус Сусныйос (*амхар.* Sūsinyōs), всячески потворствовавший распространению католицизма среди племен своего царства. Так, Иероним Лобо прожил в Абиссинии около 10 лет (1624–1634), однако был изгнан новым правителем Фасиледэсом (*амхар.* Fāsiladas), восстановившим былую силу Абиссинской церкви. Вполне возможно, что история о тяготах и испытаниях, выпавших на долю миссионера, осталась бы в забвении, если бы французский священник Иоахим Легран (1653–1733) не обнаружил рукопись Лобо в лиссабонском монастыре Святого Роха. В 1728 году Легран опубликовал французский перевод заметок португальского иезуита под названием «Историческое путешествие в Абиссинию препо-

---

¹ У мыса Доброй Надежды португальские корабли настигла буря, а у берегов Мозамбика, как сообщает Лобо, португальцам пришлось вступить в сражение с атаковавшими их английскими и голландскими фрегатами [Лобо, С. 9–10].

добного отца Иеронима Лобо в компании иезуитов» [Lobo, 1728]. Так труд Лобо стал известен в Европе и, в конечном итоге, добрался до британских берегов, где в библиотеке Оксфордского университета его обнаружил в будущем знаменитый английский лексикограф – доктор Сэмюэл Джонсон (1709–1784). Цель данной статьи – определить, как сочинение Иеронима Лобо повлияло на английские представления об Абиссинии на примере интеллектуального наследия С. Джонсона.

Долгое время Абиссиния не являлась предметом интереса английских интеллектуалов XVII–XVIII веков, что связано с отсутствием регулярных контактов Эфиопии с западноевропейскими державами. Еще с XII века в Европу попадали сведения о существовании мощной христианской державы – Царства Пресвитера Иоанна [Salvadore, p. 596–597]. Считалось, что это царство находится в Индии, однако «во второй половине XIII в. европейские элиты сформировали более ясное (или, скорее, менее запутанное) понимание Востока, и переместили владения мнимого государя из Азии в Африку» [Salvadore, p. 597]. Фактически, вплоть до начала XIV века основным местом, где африканские христиане и европейцы «могли видеть друг друга, был Иерусалим, а также другие центры паломничества в Палестине» [Возчиков, с. 210].

В XIV веке начинают устанавливаться первые дипломатические контакты Эфиопии и Венецианской республики и отправляться посольства эфиопских негусов в Европу. Ответные дипломатические миссии европейских государей были еще более редким явлением. Только в 1520 году на побережье Массаяу высадились посланцы португальского короля Мануэла I, что положило начало союзу между двумя государствами и впоследствии позволило католическим миссионерам обосноваться в Абиссинии [Belcher, p. 246]. В результате установления контактов эфиопских правителей с европейскими государями восприятие Эфиопии варьировалось от «патетической картины «черных христиан», угнетенных и гонимых египетским султаном, до характеристики эфиопов как людей грубых и диких» [Возчиков, с. 215]. Чаще всего, представления западноевропейских интеллектуалов об Абиссинии ограничивались отрывочными сведениями о далеком Царстве Пресвитера Иоанна или легендой о царице Савской (в эфиопском фольклоре именовалась как царица Македа), ставшей основательницей династии эфиопских правителей.

Сочинение Иеронима Лобо, в котором причудливо сочетались как вышеуказанные стереотипы об Абиссинии, так и детальные описания повседневности местных жителей, привлекло внимание девятнадцатилетнего Сэмюэла Джонсона, обучавшегося в 1728 году в Пембрук-колледже Оксфордского университета [Boswell, p. 62]. Однако молодой человек, обладавший недюжинными интеллектуальными способностями и впоследствии ставший создателем «Словаря английского языка» (1755), редактором восьми томов сочинений Уильяма Шекспира (1765) и автором «Жизнеописаний важнейших английских поэтов» (1779–1781), был вынужден покинуть университет без степени спустя несколько месяцев из-за финансовых неурядиц и болезни отца. Тем не менее поразивший воображение С. Джонсона образ Абиссинии, отраженный в труде Лобо, привел к тому, что первым опубликованным произведением начинающего литератора стал перевод на английский язык французской версии «Путешествия» Лобо.

Впрочем, мы не без оснований можем утверждать, что основной причиной, побудившей С. Джонсона взяться за перевод «Путешествия», было желание заработать [Belcher, p. 259; Boswell, p. 62]. Восток, включавший в представлении человека эпохи Просвещения территории Азии и Африки, привлекал писателей, журналистов, переводчиков. Многие начинающие литераторы были убеждены, что восточная тематика их произведений может стать панацеей от литературной неудачи. Джонсон не стал исключением. Поселившись в 1733 году в Бирмингеме у своего друга, врача по профессии Эдмунда Гектора, Джонсон заручился поддержкой книгоиздателя Томаса Уоррена и взялся за перевод французского издания «Путешествия». Однако подготовка перевода затянулась. Когда большая часть текста уже была сдана в типографию, присущие Джонсону леность и медлительность дали о себе знать – работа остановилась [Boswell, p. 62]. Только с помощью Э. Гектора, который записывал под диктовку текст, в то время как переводчик «лежал в кровати с книгой» [Ibid], работу удалось завершить и отдать в типографию.

Английский перевод «Путешествия в Абиссинию» был издан в типографии Уоррена в 1735 году [Lobo, 1735]. Хотя книга была напечатана в Бирмингеме, в качестве места издания на обложке значился Лондон. Такая практика была распространена среди провинциальных типографий, рассчитывавших тем самым увеличить продажи своей издательской продукции. Вопреки ожиданиям Джонсона, перевод «Путешествия» на английский язык не принес ему ни славы, ни денег. В дальнейшем сам литератор никогда не испытывал гордость за первую работу. Он признавал, что «погрузился в книгу Лобо и запомнил особо примечательные детали, но перевел их с серьезными ошибками» [Nokes, p. 40].

Без сомнения, «Путешествие» Лобо оказало значительное влияние на представление литератора о христианском Востоке. Недаром, в предисловии Джонсон положительно отзывается о сочинении Лобо: «португальский путешественник, вопреки общей склонности его соотечественников, не позабавит своего читателя всевозможными романтическими нелепостями или невероятными вымыслами; [...] он описывает естественную форму жизни, сообразно собственным чувствам, а не игре воображения» [Johnson, 2000, p. 41]. Литератор был убежден в правдивости представлений португальского миссионера. Для Иеронима Лобо Абиссиния являлась легендарной страной, где в окружении мусульман живут темнокожие последователи Христа, однако прожив в Абиссинии девять лет, Лобо с естественным для католического миссионера возмущением писал, что эфиопы исказили христианство: «Христианство, которое исповедуют абиссинцы, настолько извращено суевериями, искажениями и ересью, до такой степени засорено заимствованными у евреев обрядами, что кроме имени от христианства в их вере мало что осталось» [Лобо, с. 65].

Тем не менее, живописные описания Абиссинии, где соседствуют высокие горы и дремучие леса, бурные реки и пустыни, несомненно, повлияли на восприятие этой отдаленной страны С. Джонсоном. Образ Абиссинии как Царства Пресвитера Иоанна нашел свое отражение 24 года спустя, когда литератор, вдохновленный абиссинскими сюжетами из «Путешествия» Лобо, опубликует «Историю Расселаса».

«История Расселаса, принца Абиссинского» была написана Джонсоном в январе 1759 года буквально за одну неделю. Причиной такой спешки была необхо-

димось «возместить расходы на похороны матери и оплатить долги, которые она оставила» [Boswell, p. 240]. Интересно, что повесть была издана одновременно с работой Вольтера «Кандид, или Оптимизм». Нередко современники сравнивали оба произведения, которые были очень близки по сюжету. Шотландский биограф Джонсона Джеймс Босуэлл писал: «если бы они [повести – Т. К.] не были опубликованы одновременно, было бы невозможно отрицать, что один автор позаимствовал сюжет у другого» [Ibid, p. 241]. В обоих случаях авторы описывают странствия путешественников, стремящихся отыскать счастье и справиться с испытаниями, ниспосланными судьбой. Но если Вольтер приходит к выводу о том, что все тревожения тщетны и единственное дело, которое позволяет познать счастье – это возделывание сада, то Джонсон доказывает, что в мире вовсе нет наилучшего образа жизни, а люди – лишь песок в пустыне времени.

«История Расселаса» была опубликована типографией У. Стрэхэна 19 апреля 1759 года в формате ин-октаво и продавалась за 5 шиллингов [Yale Edition, p. xxvi]. Количество переизданий повести свидетельствует о ее популярности среди читающей публики. Первое издание включало 1500 экземпляров, которые были распроданы уже к июню того же года, в связи с чем последовали второе (июнь 1759, 1000 экз.) и третье (апрель 1760, 1000 экз.) переиздания повести. Впоследствии при жизни литератора вышли четвертое (1766, 1000 экз.), пятое (1775, 1000 экз.) и шестое переиздания «Истории Расселаса» (1783, 1000 экз.) [Ibid].

Фабула «Истории Расселаса» довольно характерна для произведений эпохи Просвещения. Как в «Тысяче и одной ночи», в «Видении Мирзы» Аддисона и «Персидских письмах» Монтескье главные герои повествования являются королями, принцами и султанами, так и в «Расселасе» главный герой – принц. По сюжету повести, принц Расселас, четвертый сын могущественного государя Абиссинии, беззаботно живет в неприступном дворце Счастливой долины (*англ.* Happy Valley), «пока до него не дойдет очередь наследовать престол» [Johnson, v. 1, 1759, p. 8]. Однако принц осознает бессмысленность безмятежного времяпровождения во дворце. Он решает сбежать из долины со своей сестрой Некаей, её служанкой Пекуей и мудрецом Имлаком. Беглецы путешествуют по Абиссинии и Египту, знакомясь с жителями Востока и их бытом, рассчитывая отыскать наилучший образ жизни. Но в итоге, «осознав, что их желания неосуществимы» [Johnson, v. 2, 1759, p. 165], они возвращаются в Счастливую долину.

В научной литературе длительное время господствовала точка зрения о том, что Абиссиния и Египет в «Истории Расселаса» являются лишь фоном для философских умозаключений Джонсона. Так, британский историк Т. Б. Маколей писал следующее: «Расселас, Имлак, Некая и Пекуя, очевидно, должны были быть абиссинцами XVIII века Но Джонсон не упоминает об отвратительных дикарях и их невежестве [...] В философах и просвещенных людях мы видим его друга Берка и его самого, в дамах – совершенных миссис Леннокс и миссис Шеридан, тем самым он переносит всю повседневную жизнь Англии в Египет» [Hawes, p. 114]. Впоследствии с позицией Маколей был категорически не согласен американский исследователь Д. Локхарт, утверждавший, что в повести Джонсона «эфиопский след» выражен куда больше, чем может показаться на первый взгляд. Исследователь был убежден,

что созданию «Истории Расселаса» предшествовала длительная работа Джонсона с доступными ему текстами по истории Абиссинии [Lockhart, p. 528].

Действительно, мы определенно можем отыскать эфиопские следы в сочинении литератора. Начнем с того, что принц Расселас живет в обширной долине в царстве Амхарском, окруженном со всех сторон неприступными горами. Здесь упоминается территория народности амхара. В долине, представляющей собой не что иное, как утопию, были собраны «все разнообразные красоты света, все блага природы: зло, казалось, было совсем изгнано отсюда» [Johnson, v. 1, 1759, p. 9]. На возвышении у берегов горного озера располагался дворец, в котором «жизнь абиссинских принцев и принцесс проходила единственно в приятных сменах удовольствий и отдыха» [Ibid, p, 11]. Казалось бы, люди, живущие в блаженном заточении, обладали всем желаемым, не стремились разорвать эти прекрасные оковы и не знали о бедствиях и раздорах, царящих в стране за пределами долины. В этом сюжете Джонсон словно повторяет существовавший со времен Средневековья романтический образ роскошного и безмятежного Востока. Тем не менее, если обратиться к приложению английского перевода «Истории Эфиопии» немецкого востоковеда Иоба Людольфа (1624–1704), то можно обнаружить, что в генеалогической таблице королей Абиссинии указывается о побеге четвертого сына короля Басилидэса в 1632 году [Ludolf, p. 192]. Более того, именно из труда Людольфа Джонсон взял имена двух главных героев повести – Расселаса и Имлака. Очевидно, что Сэмюэл Джонсон использовал ряд отсылок к эфиопской истории, с которой он мог ознакомиться в труде Людольфа. Стоит отметить, что работу Людольфа Джонсон действительно читал – эта книга хранилась в его библиотеке [Christie, p. 26]. При обращении к труду Людольфа также становится понятной причина заточения абиссинских принцев и принцесс в «Счастливой долине». Людольф упоминал об обычае воспитывать наследников негуса в отдаленных и труднодоступных регионах, чтобы они не пострадали в случае междоусобных войн.

Таким образом, Абиссиния в трудах Сэмюэла Джонсона оказывается не просто местом чарующих пейзажей и фоном для философских умозаключений. Очевидно, что на произведения литератора, в особенности на «Историю Расселаса», оказали влияние труды иезуитского миссионера Иеронима Лобо и немецкого востоковеда Иоба Людольфа. Именно благодаря знакомству с этими работами лексикограф создает повесть, ставшую одним из самых читаемых литературных произведений доктора Джонсона и определившую английский образ отдаленной христианской державы. Фактически С. Джонсон стал создателем английского образа христианской Эфиопии – Счастливой долины, своеобразного подобия Царства Пресвитера Иоанна. И хотя Джонсону не удалось побывать в Абиссинии, его Расселасу все же посчастливилось добраться до отдаленной страны: в 1946–1947 годах «История Расселаса» была переведена на амхарский язык [Belcher, p. 516] и длительное время была обязательной к прочтению в эфиопских школах.

Список литературы

Возчиков Д. В. Царство Пресвитера Иоанна или оплот еретиков? Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов // Уральское востоковедение : международный альманах. Екатеринбург, 2015. № 6. С. 202–215.

- Иероним Лобо. Путешествие в Абиссинию / пер. с англ. М. Л. Вольпе. М. : Галактика, 2018. 192 с.
- Belcher W. L. *Discursive Possession: Ethiopian Discourse in Medieval European and Eighteenth-Century English Literature*. Los Angeles : University of California, 2008. 581 p.
- Boswell J. *Life of Johnson* / ed. by R. W. Chapman. Oxford : Oxford University Press, 1998. 1492 p.
- Christie J. *A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson, Esq., L.L.D.* L. : s. n., 1785. 28 p.
- Hawes C. Johnson and imperialism // *The Cambridge Companion to Samuel Johnson* / Ed. by G. Clingham. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 114–126.
- Johnson S. *The History of Rasselas. Prince of Abyssinia. A Tale*. In 2 Vols. L. : Printed for R. and J. Dodsley, 1759. 159 + 165 p.
- Lobo J. *A Voyage to Abyssinia: By Father Jerome Lobo, A Portuguese Missionary. Containing, a Narrative of the Dangers He Underwent in His First Attempt to Pass from the Indies Into Abyssinia / Translated from the French*. L. : A. Bettesworth, and C. Hitch, 1735. 396 p.
- Lobo J. *Voyage historique d'Abissinie: du R. P. Jerome Lobo de la Compagnie de Jesus* / trad. par J. Le Grand. Paris : Veuve d'Antoine-Urbain Coustelier, 1728. 514 p.
- Lochhart D. M. "The Fourth Son of the Mighty Emperor": The Ethiopian Background of Johnson's *Rasselas* // *PMLA*. Dec. 1963. Vol. 78. No. 5. P. 516–528.
- Ludolf H. *A New History of Ethiopia? Being a Full and Accurate Description of the Kingdom of Abessinia. Vulgarly, Though Erroneously, Called the Empire of Prester John*. L. : Samuel Smith, 1684. 332 p.
- Nokes D. *Samuel Johnson: A Life*. L. : Faber and Faber, 2009. 415 p.
- Salvadore M. The Ethiopian Age of Exploration? Prester John's Discovery of Europe, 1306–1458 // *Journal of World History*. Dec. 2010. Vol. 21. Issue 4. P. 596–597.
- Yale Edition to the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. *Rasselas and Other Tales* / ed. by G. J. Kolb. New Haven and L. : Yale University Press, 1990. 316 p.

References

- Belcher, W. L. (2008). *Discursive Possession: Ethiopian Discourse in Medieval European and Eighteenth-Century English Literature*. Los Angeles, University of California. 581 p.
- Boswell, J. (1998). *Life of Johnson* / ed. by R. W. Chapman. Oxford, Oxford University Press. 1492 p.
- Christie, J. (1785). *A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson, Esq., L.L.D.* London, s. n. 28 p.
- Hawes, C. (1997). Johnson and imperialism. In Clingham G. (Ed.) *The Cambridge Companion to Samuel Johnson*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. pp. 114–126.
- Johnson, S. (1759). *The History of Rasselas. Prince of Abyssinia. A Tale*. London, Printed for R. and J. Dodsley. Vols 1–2. 159 + 165 p.
- Kolb, J. (Ed.). (1990). *Yale Edition to the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. Rasselas and Other Tales*. New Haven and London, Yale University Press. 316 p.
- Lobo, J. (1728). *Voyage historique d'Abissinie: du R. P. Jerome Lobo de la Compagnie de Jesus* / trad. par J. Le Grand. Paris, Veuve d'Antoine-Urbain Coustelier. 514 p.
- Lobo, J. (1735). *A Voyage to Abyssinia? By Father Jerome Lobo, A Portuguese Missionary. Containing, a Narrative of the Dangers He Underwent in His First Attempt to Pass from the Indies Into Abyssinia* / transl. from French. London, A. Bettesworth, and C. Hitch. 396 p.
- Lobo, J. (2018). *Puteshestvie v Abissiniuu [A Voyage to Abyssinia]* / transl. by M. L. Vol'pe. Moscow, Galaktika. 192 p.
- Lochhart, D. M. (1963). "The Fourth Son of the Mighty Emperor": The Ethiopian Background of Johnson's *Rasselas*. In *PMLA*, Vol. 78, No. 5, pp. 516–528.
- Ludolf, H. (1684). *A New History of Ethiopia? Being a Full and Accurate Description of the Kingdom of Abessinia. Vulgarly, Though Erroneously, Called the Empire of Prester John*. London, Samuel Smith. 332 p.
- Nokes, D. (2009). *Samuel Johnson: A Life*. London, Faber and Faber. 415 p.
- Salvadore, M. (2010). The Ethiopian Age of Exploration? Prester John's Discovery of Europe, 1306–1458. In *Journal of World History*, Vol. 21, Iss. 4, pp. 596–597.
- Vozchikov, D. V. (2015). Tsarstvo Presvitera Ioanna ili oplot eretikov? Khristianskaia Afrika glazami venetsianskikh intelektualov [Prester John's Kingdom or a Heretic Stronghold? Christian Africa in Venetian Intellectuals' Accounts]. In *Ural'skoe vostokovedenie? mezhdunarodnyi al'manakh*, № 6, pp. 202–215.

The article was submitted on 28.03.2020

УДК 811.411.21

Х. Махлуф, Р. В. Степанов

ТЕСТЫ ПО АРАБСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ КАК ВИДЫ УЧЕБНОГО ТЕКСТА¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению текста тестов по арабскому языку как иностранному (ТАКИ), проведено стилистическое исследование, в котором предполагается отношение такого текста к типу Научно-учебного функционального подстиля. За основу были взяты продуманные модели тестов, описаны и проанализированы части и компоненты тестового текста с целью выявления особенностей научно-учебного функционального подстиля. Рассмотрено состояние языковых единиц на разных уровнях, их функциональные роли и внутренние взаимоотношения, которые вызывают специфические стилистические явления. Текст теста, который на первый взгляд может показаться сферой, лишенной четких очертаний, в стилистическом исследовании позволяет разделить его на отдельные части, и позволяет различить в тексте различные стилистические области. Диалогичность также является характерной чертой метода, ее проявления также были рассмотрены в статье. Кроме того, одним из рассматриваемых вопросов являются морфологические и лексические феномены. Уделяется внимание языку понятий и терминологии. В статье рассмотрена классификация содержания вопросов и заданий в целом.

Ключевые слова: Тесты по арабскому языку как иностранному ТАКИ, Тестирование второго языка ТВЯ, функциональная стилистика, Научно-учебный функциональный подстиль.

H. Makhlouf, Roman V. Stepanov

TESTS OF ARABIC FOR NON SPEAKERS AS EDUCATIONAL TEXTS

Abstract. This article examines Tests of Arabic as a foreign language TAFL as texts, stylistic study, which assumes that these texts belong to the type of Scientific-Educational functional sub-style. The article is based on considerate models for the tests, describes the parts and components of the test text, and analyzes them in seeking to find out the features of the Scientific-Educational functional sub-style through the textual text. The article tracks the state of linguistic units at different levels, their functional roles, and their internal relationships that produce striking stylistic phenomena. The text of the test, which may appear at first sight to be an indistinct region, the stylistic study allowed to divide it into distinct parts, and allowed to distinguish between different stylistic regions within the text. The dialogue also appears to be a prominent feature of the method, and it is manifested through many factors, such as command verbs and structures

---

¹ Примеры, приводимые в данной статье, можно встретить в любых тестах, не имеет значения, где и кем они были подготовлены. В списке литературы приводятся источники примеров.

that include direct or indirect request. The dialogue is manifested in a unique phenomenon, which is the spontaneous awareness of the division of roles, which coincides with the reception of the text, since the linguistic components impose this type of awareness. Morphological lexical phenomena are also one of the targeted issues, idiomatic and conceptual language that appears to be a general feature in the text and gives it a clear stylistic form, and the article dealt with a classification of the contents of questions and tasks in general in the context of inferring style relationships with the content.

Key words: Tests of Arabic as a foreign language TAFL, Second language Assessment SLA, Functional stylistics, Scientific-Educational functional sub-style.

Введение

В статье рассмотрен текст тестов по арабскому языку как иностранному (ТАКИ) с целью исследования особенностей его научно-учебного подстиля и обсуждения его прагматических целей. Исследуя текст тестов по арабскому языку (а равно, и по другим языкам) как иностранному, можно отметить четыре зоны:

1) инструкции, пояснения, наставления и советы, обычно предшествующие вопросам и заданиям, которые можно условно назвать *порогами*;

2) предложения-императивы, идущие перед вопросами и заданиями, типа «заполни пробелы подходящими по смыслу словами», условно называемые *подсказками*;

3) вопросы и задания;

4) заимствованные из различных источников тексты для чтения и аудирования, разные по стилю, авторами которых составители тестов не являются, т.е. аутентичный материал.

Текст третьей зоны (вопросы и задания) может состоять из двух частей: 1) собственно вопрос/задание, называемые *блоком заданий*; 2) возможные варианты ответа (при наличии таковых).

В первых трех зонах (пороги, подсказки и вопросы с заданиями) проявляется стиль теста, что и является темой данной статьи. Что касается четвертой зоны (аутентичный материал), то она может быть представлена разнообразными стилями, их выбор, несомненно, связан с различными соображениями, одним из которых является стиль теста.

Диалогичность

Диалогичность считается одной из наиболее важных характерных черт научного стиля и его научно-учебного подстиля. Эта характеристика проявляется в тестах через различные элементы, одним из которых является использование местоимений, указывающих на некий диалог между двумя сторонами, одна из которых – испытуемый.

В первой зоне тестов (*порог*) обычно указываются цели теста, перечисляются особенности, на которые следует обратить внимание, описывается форма заданий, речевые навыки, на развитие которых направлен тест, и, наконец, что требуется от тестируемого.

Исследование используемых в тексте *порогов* местоимений позволяет выделить соответственно две части:

Первая часть характеризуется отсутствием местоимения 2-го лица и преобладанием местоимения 3-го лица, указывающим на тестируемого и на сам тест. Например: «Цель – оценить степень восприятия им (тестируемым) содержания текста» [ал-Ханнаш], где «текст» и «тестируемый» находятся в форме 3-го лица.

Вторую часть *порогов* отличает явление обращения, т.е. к тестируемому обращаются во 2-м лице, например: «Ты должен сосредоточить внимание на содержании текста» [ал-Ханнаш], а также применяют глаголы в повелительном наклонении, например: «Прочитай материал как следует» [ал-Ханнаш], и глаголы в отрицательной форме повелительного наклонения, например, «Не выбирай более одного ответа» [Центр тестирования].

В ТАКИ используется местоимение 2-го лица ед.ч. муж. р. (ты) при компьютерном тестировании, и местоимение 2-го л. мн.ч. муж. рода (вы) в случае обычного письменного тестирования группы претендентов. Не принято употреблять местоимение *Вы* при уважительном обращении к одному лицу, что также является одной из особенностей научно-учебного подстиля в арабском языке, тогда как местоимение 2-го л. мн. ч. для подчеркивания уважения к одному лицу может быть использовано в официальном стиле.

Диалогичность с использованием императива

Во второй зоне текста тестов – *подсказках* – используются глаголы повелительного наклонения, например: «Заполни пробелы подходящим по смыслу выражением из приведенных ниже вариантов», «закончи фразу подходящим...». Такие подсказки могут приводиться не перед всеми вопросами и заданиями, иногда могут предшествовать группе вопросов, иногда неясно, для чего они приведены. Однако фактически они придают тексту диалогический характер, создают впечатление присутствия второго лица посредством оформления предложения как повелительного.

Диалогичность через косвенное восприятие, связанное с формой текста

Диалогичность в тесте имеет место и без наличия подсказок, и в заданиях, которым не предшествует предложение с повелением, предмет задания становится и без того понятным, и испытуемый сам понимает, что требуется сделать, само задание играет роль повеления, обходясь без глаголов в повелительном наклонении. Это относится к процессу языковой перцепции, и наличие пробела в предложении подталкивает претендента к выбору правильного варианта, подходящего по смыслу в данном случае. Наличие полного предложения, наряду с несколькими возможными вариантами, интуитивно заставляет компенсировать имеющийся недостаток.

У претендента рождается ощущение, что варианты ответа – это часть текста, зависящая от него, а текст задания или вопроса – речь собеседника. Появление подобных ощущений, когда испытуемый разделяет текст со второй стороной, – и есть основа диалога.

Позиция местоимений в первой зоне заставляет претендента почувствовать ответственный момент, когда он находится один на один с тестом, в противосто-

янии со второй стороной, невидимым, превосходящим собеседником, держащим ситуацию под контролем, поскольку он не проявляется в местоимениях, ведет диалог с нейтральной позиции, и способен обратиться к испытуемому неожиданно и без предупреждения.

Морфологическое строение

В учебных текстах важнее содержание, нежели автор, также важнее факт, нежели субъект (научный стиль и его подстили). Это в значительной степени совпадает с тем, что мы находим в тексте тестов, где довольно часто употребляются морфологические конструкции с *масдарами*¹ (например: **оценка, понимание, учёт, извлечение**) и с причастиями страдательного залога (**написанные** тексты, **взятые** из повседневной жизни, каждый вопрос состоит (досл. **составлен**) из четырех вариантов). Использование масдара придает тексту твердость, значительную объективность и научную окраску, а использование причастия страдательного залога заставляет сосредоточиться на тексте, не фокусируя внимание на составителе.

Терминология

Текст тестов содержит множество терминов и понятий, и это считается одной из особенностей научного стиля и его подстилей. Некоторые термины необходимы в заголовках и являются основными частями структуры теста, такие как, например, указывающие на речевые навыки: *письмо, чтение, прослушивание, говорение*, и термины, относящиеся к сфере тестологии, такие как *вопрос, ответ, варианты ответа, отметка нужного варианта ответа*. Кроме того, в тексте тестов встречается большое количество терминологии из сферы языкознания, что логично по отношению к стилю языковых тестов, где язык является предметом тестирования. Примерами могут служить следующие термины: *значение, акцент, подходящий заголовок, синоним, антоним* и т.д.

Содержание вопросов и заданий

В действительности, все вопросы и задания, по содержанию не выходят за рамки следующего:

1. Чтение (выбор верных данных; заполнение пробелов; завершение выражения; подбор нужного заглавия; подбор синонима слову из текста; выбор правильного толкования выражения в переносном смысле; выбор заключения, опираясь на текст; определение основной мысли; определение замысла автора текста; определение вида ударения; увязка текста с афоризмом, пословицей или поговоркой; определение риторического образа фразы; различение метафоры и действительности; определение связи между следующими друг за другом абзацами).

2. Аудирование (вопрос об информации в видео; вопрос об увиденном, но при этом не озвученном в видео; вопрос о числах, упомянутых в видео; определение вида текста в видео; краткое изложение материала видео посредством пословицы

¹ Масдар (досл. *источник*) – отглагольное именное слово.

или известного изречения; толкование литературных слов или выражений; встретившихся в тексте видео; определение места, где происходят события; определение характеристики повествующего).

3. Языкознание (антоним; удаление не подходящих слов из семантического поля; множественное число; выбор слова, относящегося к семантическому полю; выбор слова, подходящего указанным характеристикам; выбор правильного корня слова).

Все вопросы и задания представляют образовательные методы и стратегии. В некоторых заданиях на чтение, например, там, где требуется извлечь основную мысль из текста, и там, где требуется подобрать заголовок для текста, выявить замысел автора текста, или в заданиях, в которых нужно передать вкратце смысл текста посредством пословицы или изречения, – чисто педагогическая логика. Естественно, цель их цель – оценить общее понимание текста. Это одна из основных педагогических стратегий. Данные вопросы представляют собой смесь процессов преподавания и тестирования.

Итак, у научного стиля текста тестов отличительные признаки, самым ярким из которых является диалогический характер. Тест – это диалог между двумя сторонами, проявляющийся через местоимения, употребление императива и формы заданий, той формы, которая порождает у тестируемого спонтанное чувство соучастия с некой другой стороной в работе над текстом. Терминология также предстает заметной и абсолютно необходимой характеристикой тестов. Отличается и содержание вопросов в тесте, и способы постановки вопросов с научной логикой, основывающейся на стратегиях, учитываемых в процессе преподавания.

Список литературы

محمد الحناش. اختبار الكفاءة في اللغة العربية للناطقين بغيرها (Мухаммад ал-Ханнаш, Ихтибару л-кафа'ати фи л-лугати л-'арабиййати лин-на'тикина биғайрихā). Мохаммад ал-Ханнаш. *Тест соответствия по арабскому языку для неговорящих на нем.*

<http://e-lang.org/ar/elang-test.php> (15.03.2020).

مركز القياس والتقييم. اختبار الكفاءة في اللغة العربية للناطقين بغيرها. الدليل التدريبي لاختبار اللغة العربية لغير الناطقين بها (Марказу л-кийās ū т-тақўйīm. Ихтибару л-кафа'а фи ал-лугати л-'арабиййати лин-на'тикина биғайрихā. Ад-далйлу т-тадрйбй лихтибāри л-лугати л-'арабиййати лиғайри ан-на'тикина бихā) Центр тестирования. *Тест соответствия по арабскому языку для неговорящих на нем. Указатель упражнений для тестов по арабскому языку для неговорящих на нем.*

<https://www.etc.gov.sa/ar/productsandservices/Qiyas/lingual/Arabic/Documents> (15.03.2020).

References

Al-Ḥannāš, M. *Iḥtibāru al-kaḥā'ati fī al-luḡati al-'arabīyyati lil-nāṭiqīna biḡayrihā* [Proficiency test in Arabic for non-native speakers] (mode of access: 15.03.2020).

Markazu al-qiyāsi wal-taqwīmi. *Iḥtibāru al-kaḥā'ati fī al-luḡati al-'arabīyyati lil-nāṭiqīna biḡayrihā. Al-dalīlu al-tadrībīyyu li-ḥtibāri al-luḡati al-'arabīyyati liḡayri al-nāṭiqīna bihā* [Center of measurement and evaluation. Proficiency test in Arabic for non-native speakers. Training guide for the Arabic language test for non-native speakers] (mode of access: 15.03.2020).

The article was submitted on 29.04.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, 620083, пр.Ленина, 51, тел. 350-28-34. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Alexey V. Antoshin, Doctor of History, Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU), Yekaterinburg, Russia, 620083, Lenin av., 51, 350–28–34. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Верисова Анна Дмитриевна, преподаватель Пекинского объединенного университета, Пекин, Китай. E-mail: verisova.anya@gmail.com

Anna D. Verisova, lecturer of Beijing Union University. Beijing, China. Email: verisova.anya@gmail.com

Косых Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. г. Екатеринбург, Россия, 620083, пр. Ленина, 51. E-mail: kskhtt@gmail.com

Tatyana A. Kosykh, PhD (History), assistant of the Chair of Oriental Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU). Yekaterinburg, Russia, 620083, Lenin av., 51. E-mail: kskhtt@gmail.com

Кузьмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, E-mail: kuzmin16@yandex.ru

Vadim A. Kuzmin (Yekaterinburg, Russia), Professor of the Sub-Department of Oriental Studies at the Ural Federal University, Doctor of History. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

Курамшина Елена Алексеевна, кандидат химических наук, менеджер научно-технических проектов, ООО «АЕЛ Эксперт», Казань. E-mail: kuramshina@ael-expert.ru

Yelena A. Kuramshina, PhD (Chemistry), Manager of Scientific and Technical Projects, LLC “AEL Expert”, Kazan, Russia. E-mail: kuramshina@ael-expert.ru

Лестев Антон Евгеньевич, кандидат исторических наук, директор ООО «АЕЛ Эксперт», Россия, г. Казань. E-mail: antonlestev@mail.ru

Anton J. Lestev, PhD (History), “AEL Expert” LLC, Director, Kazan, Russia. E-mail: antonlestev@mail.ru

Лобов Роман Николаевич, научный сотрудник Центра Азии и АТР Российского института стратегических исследований (РИСИ), Москва. E-mail: romanlob@hotmail.com

Roman N. Lobov, Russian Institute for Strategic Studies, Center for Asia and Asia-Pacific Studies, researcher. E-mail: romanlob@hotmail.com

Махлуф Хабиб, магистр фундаментальной и прикладной лингвистики УрФУ. Преподаватель арабского языка на кафедре востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург. E-mail: habib.makhluf@mail.ru

Habib Makhlof, MA in fundamental and applied linguistics from Ural Federal University. Teacher of Arabic in the Department of Oriental Studies at Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: habib.makhlof@mail.ru

Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Токио, Япония), Институт востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник. E-mail: dottore68@mail.ru

Vassili E. Molodiakov, Ph.D., LL.D., Prof., International Institute of Japanese Culture, Takushoku University (Tokyo, Japan), Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: dottore68@mail.ru

Мышинский Алексей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. E-mail: sanrenxing@yandex.ru

Alexey L. Myshinskiy, PhD in Philosophy, Assistant professor of Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail sanrenxing@yandex.ru

Саженов Николай Дмитриевич, младший научный сотрудник Сектора Афганистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения Российской академии наук. Москва. E-mail: sazhenov.n.d@my.mgimo.ru

Nikolay D. Sazhenov, Research Fellow. Sector of Afghanistan, Centre of Middle Eastern Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow. E-mail: sazhenov.n.d@my.mgimo.ru

Степанов Роман Викторович, преподаватель арабского языка на кафедре востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург. E-mail: roman_helwan@hotmail.com: rv.stepanov@urfu.ru

Roman V. Stepanov, teacher of Arabic in the Department of Oriental Studies at Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: roman_helwan@hotmail.com: rv.stepanov@urfu.ru

Суровень Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Dmitry A. Surowen, Ph.D. in History, Associate Professor. Department of history of state and law. Ural State Law University, Yekaterinburg. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Хренов Валентин Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Assistant professor of the Chair for Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Хрущева Полина Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), Екатеринбург. E-mail: parvati@mail.ru

Polina V. Khrushcheva, PhD in Philosophy, Assistant professor of the Chair of Social Sciences and Humanities, Ural State Forest Engineering University, Yekaterinburg. E-mail: parvati@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

«Уральское востоковедение» – международный научный журнал, тематика которого охватывает широкий круг проблем истории, культуры, языкознания, политологии, экономики, философии и религиоведения стран Азии и Африки. Цель журнала состоит в создании принципиально междисциплинарной исследовательской платформы для востоковедов разного профиля, представляющих разные ведущие школы, по изучению восточных обществ и обмену мнениями по ключевым вопросам истории и современности стран Востока.

«Уральское востоковедение» – первое и единственное издание в УрФУ по востоковедной тематике. Деятельность журнала «Уральское востоковедение» призвана способствовать формированию Уральского федерального университета в качестве одного из ведущих центров гуманитарных исследований востоковедной направленности и преподавания восточных языков.

Научная миссия журнала состоит в разработке проблематики трансграничья, контактных зон, межрегионального и межкультурного взаимодействия на Востоке. Отсюда приоритетное внимание журнала к колониальным и постколониальным исследованиям, имагологической проблематике (формирование образа Другого в различных культурах), истории международных отношений в Восточной Азии, Центральной Азии и на Ближнем Востоке с Древности до наших дней, истории связей России и Востока (в частности, истории русской эмиграции в странах Азии и Африки), региональной интеграции в Азии и Африке на современном этапе. Данные сюжеты являются традиционными для «Уральского востоковедения» и оказываются представлены в каждом номере журнала.

Рубрикация материалов журнала сочетает региональный и тематический принципы. Наряду с разделами по регионам (Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, Африка и др.), традиционным для журнала является также тематический блок «Преподавание восточных языков и литературы», материалы которого позволяют одновременно рассмотреть различные аспекты собственно университетского преподавания восточных языков и литератур, а также выявить основные особенности восприятия культуры изучаемой страны студентами.

Редакционная политика «Уральского востоковедения» строится на принципах академизма и научного плюрализма: мнение авторов журнала может не совпадать с точкой зрения редактора и редакционной коллегии. В представляемых на рассмотрение редколлегии материалах приветствуются междисциплинарность, методологическое новаторство, историографическая полнота и введение в научный оборот новых исторических источников. Редакционная коллегия журнала обязуется оценивать содержание предоставляемых материалов исключительно по

критерию их научной значимости и новизны, вне зависимости от персоналий авторов, их гражданства, политических и идеологических предпочтений.

Основная целевая аудитория журнала – специалисты в области востоковедения и африканистики из разных научных центров России и мира. Издание также ориентировано на исследователей, работающих в самых различных областях гуманитарного знания – от лингвистики до искусствоведения. Редакционная коллегия приветствует публикацию материалов авторами в соавторстве со студентами старших курсов бакалавриата и магистрантами, способствуя поддержанию как преемственности научных традиций, так и инициатив талантливой молодежи.

Требования к оформлению подаваемых материалов: объем – до 1 п.л. (для рецензий – до 0,3 п.л.), формат «.doc» Word97/2000/XP, шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5; поля – 2,0 со всех сторон; форматирование текста по ширине, без расстановки переносов и нумерации страниц; ссылки внутритекстовые в квадратных скобках: [1, с. 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников и литературы, вторая (курсивом) – на страницу. Список источников и литературы оформляется в конце текста 12 кеглем.

В заявке следует указать *на русском и английском языках* фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, должность и место работы (учебы), электронный адрес.

Каждая статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами на русском языке, summary и key words на английском языке. Название статьи должно быть переведено автором на английский язык. Аннотация и summary должны насчитывать не менее 250 слов с пробелами. Ключевые слова и key words – 5–7 слов.

После Списка литературы обязательно должен идти список References для международных баз данных. Все названия изданий на кириллице должны быть транслитерированы с помощью электронного ресурса <http://www.convertcyrillic.com/Utilities/Convert#/>

В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**

В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**

Скопируйте Список литературы из Вашей статьи в окно левого столбика.

Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст, скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

После транслитерации информацию об изданиях необходимо привести в следующей последовательности:

1. Монографии: Фамилия, Инициалы. (Год публикации). *Название монографии*. Место издания, Издательство. Количество страниц (... р.).

2. Статьи: Фамилия, Инициалы. (Год публикации). Название статьи. In Фамилия, Инициалы редактора (для сборника). *Название сборника/журнала*. Место издания, Издательство (для сборника), номера страниц (pp. ... – ...).

Обязательно уточните, как пишутся имена иностранных авторов в оригинале, поскольку они могут быть искажены в процессе транслитерации.

После получения транслитерированного текста необходимо все названия монографий и статей перевести на английский язык и вставить в квадратных скобках после таковых в системе транслитерации. Немецкие, французские и другие названия на латинице не переводятся. Названия на нелатинских письменностях Азии и Африки обязательно переводятся.

Все транслитерированные названия научных журналов, сборников, издательств и т. п. должны даваться полностью, без сокращений, даже если таковые приняты в соответствующих русскоязычных написаниях.

Библиографическое описание сборника оформляется на фамилию редактора.

При указании на электронный ресурс обязательно приводится дата обращения в скобках: (mode of access: XX.XX.XXXX).

Просим обратить внимание на рисунок кавычек – в английском регистре это «лапки»: “ ”.

Весь список References располагается по латинскому алфавиту.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
